

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2024 – № 1 (22)

Ярославль
2024

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – № 1 (22). – 199 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-1-22. – EDN YWFINY.

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, профессор, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Гарханова**, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **Т. С. Азимова**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, декан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Т. В. Бугайчук**, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Вейди Чжао**, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **Ю. А. Головин**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. Яньхуа**, доктор исторических наук, доцент Института истории Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; **А. М. Ермаков**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **П. Л. Карабушенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Г. Н. Коцешков**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; **А. Ло**, доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Лубков**, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва; **А. А. Машковцев**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров; **О. С. Нагорная**, доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **Д. Г. Сельцер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Ирэна Упенице**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **А. П. Чернивецкая**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **В. А. Ясвин**, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва; **Ц. Чжан**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета, г. Пекин, КНР; **В. Т. Юнглод**, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, г. Киров; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024
© Авторы статей, 2024

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2024. – №1 (22). – 199 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-1-22. – EDN YWFINY.

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ye Yanhua**, doctor of history, associate professor Institute of history, Heilongjiang University, Harbin, China; **A. M. Ermakov**, doctor of historical sciences, professor of the department of world history, dean of the faculty of history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zalkharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **G. N. Kocheshkov**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. Lo**, doctor of history, professor, institute of history and culture, Central Chinese pedagogical university, Wuhan, China; **A. V. Lubkov**, doctor of historical sciences, professor, academician of the Russian academy of education, rector of the Moscow state pedagogical university, Moscow; **A. A. Mashkovtsev**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history and political sciences of the Vyatka state university, Kirov; **O. S. Nagomaya**, doctor of historical sciences, professor methods of teaching history and social science disciplines, Yaroslavl state pedagogical university K. D. Ushinsky, Yaroslavl; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow; **Z. Zhang**, doctor of historical sciences, professor, director of the new world history centre of the institute of history of Beijing normal university, Beijing, China; **V. T. Yungblyud**, doctor of historical sciences, professor, president of Vyatka state university, Kirov; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2024
© Authors of articles, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

<i>Бугайчук Т. В.</i> Российская цивилизация и гражданская идентичность: взаимосвязь явлений _____	6
<i>Рогочая Г. П.</i> Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений _____	21
<i>Попова О. В.</i> Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций _____	38
<i>Никовская Л. И., Якимец В. Н.</i> Муниципальная публичная политика: кейс Вологодской области _____	51
<i>Таланов С. Л.</i> Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» _____	68

Социально-политическая история России

<i>Лихачева А. С.</i> Социальное конструирование милитаризированных пространств Юго-Западного фронта в нарративах участников Первой мировой войны _____	84
<i>Литвинова О. Н.</i> Система руководства партизанским движением в годы Великой Отечественной войны: на примере Брянского края _____	102
<i>Се Голян, Сунь Цзянь</i> Цивилизационно-идеологический конфликт на фоне советской помощи Китаю в 1950-1960-х гг. _____	120
<i>Теория, методика и организация социально-культурной деятельности</i>	
<i>Воробьева О. С.</i> Объективизация процесса патриотического воспитания в контексте рефлексивно-средового подхода _____	141
<i>Романова Т. В.</i> Модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза _____	153
<i>Данилова Л. Н., Шендеровская Н. С.</i> Понятие «педагогическое взаимодействие» в российской и японской педагогической науке _____	167
<i>Барцайкин А. В.</i> Формирование готовности старшеклассников к самовоспитанию в образовательной среде физкультурно-спортивной направленности _____	183
<i>Правила приёма редакцией научного журнала рукописи статьи к рассмотрению о публикации</i> _____	194

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

<i>Bugaichuk T. V.</i> Russian civilization and civic identity: interconnection of phenomena	7
<i>Rogochaya G. P.</i> Political value orientations of generations X and Z in context of generational theory	22
<i>Popova O. V.</i> Role of municipalities in shaping the policy of russian agglomerations identity	39
<i>Nikovskaya L. I., Yakimets V. N.</i> Municipal public policy: the Vologda region case	52
<i>Talanov S. L.</i> Export of russian higher education as a tool of “soft power”	69

Socio-political history of Russia

<i>Likhacheva A. S.</i> Social construction of militarized spaces of the Southwestern Front in the narratives of participants in the First world war	85
<i>Litvinova O. N.</i> The system of leadership of the partisan movement during the Great Patriotic war: on the example of the Bryansk territory	103
<i>Xie Guolian, Sun Jian</i> Civilization-ideological conflict against the background of soviet assistance to China in the 1950s and 1960s	121

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

<i>Vorobiova O. S.</i> Objectification of process of patriotic education in context of a reflexive-environmental approach	142
<i>Romanova T. V.</i> Model of the formation of anti-terrorist consciousness of students of a pedagogical university	154
<i>Danilova L. N., Shenderovskaya N. S.</i> The concept of “pedagogical interaction” in russian and japanese pedagogical science	168
<i>Bartsaykin A. V.</i> Formation of readiness of high school students for self-education in an educational environment of physical culture and sports orientation	184
<i>Rules for submitting the manuscript of the article to editors of the scientific journal for publication review</i>	197

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

УДК 323.1

DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-6

EDN: QYVZJI

Российская цивилизация и гражданская идентичность: взаимосвязь явлений

Татьяна Владимировна Бугайчук

Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедр общей и социальной психологии, теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Аннотация. В статье рассматриваются различные точки зрения на современную политическую науку и практику восприятия российской цивилизации в сознании граждан России, и в сложившейся общественно-политической ситуации подчеркивается необходимость эффективного формирования общероссийской гражданской идентичности с целью повышения динамики развития и одновременного сохранения стабильности гражданского общества. По мнению автора, оба явления – и «российская цивилизация», и «общероссийская гражданская идентичность» – определяют развитие национального самосознания российских граждан, фиксируют важную роль российских традиционных ценностей и мировоззренческих позиций в определении российского государственного суверенитета. Особое внимание уделяется структуре гражданской идентичности, в которой обозначаются такие компоненты как когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный. Обоснованная авторская позиция подчеркивает необходимость формирования в первую очередь ценностно-мотивационного компонента в структуре гражданской идентичности, поскольку именно от его развития зависит потенциал дальнейшей гражданской активности личности и осмысление ею значимости российской цивилизации для сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Не вызывает сомнений, что гражданская идентичность отвечает за формирование социально ответственной личности как субъекта исторического действия, способного посредством интериоризации духовно-нравственных ценностей реализовать действительное гражданское единство российского общества и российского государства – цивилизации. Автор обращает

внимание, что политика государства в вопросах формирования и развития общероссийской гражданской идентичности с целью сохранения российской цивилизации в настоящее время систематизируется, основываясь на равноправном диалоге представителей органов государственной и муниципальной власти, политических, гражданских и этнических организаций по поводу объединяющей национальной идеи.

Ключевые слова: гражданская идентичность; российская цивилизация; государственная политика; мировоззрение; ценности; национальное самосознание; Россия

Для цитирования: Бугайчук Т. В. Российская цивилизация и гражданская идентичность: взаимосвязь явлений // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 6-20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-6>.
<https://elibrary.ru/QYVZJI>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Russian civilization and civic identity: interconnection of phenomena

Tatiana V. Bugaichuk

Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor at departments of general and social psychology, theory and methods of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Abstract. The article considers various points of view on modern political science and the practice of perceiving Russian civilization in the minds of Russian citizens, and the current socio-political situation emphasizes the urgent need to effectively form an all-Russian civil identity in order to increase the dynamics of development and simultaneously preserve the stability of civil society. According to the author, both phenomena – “Russian civilization” and “all-Russian civil identity” – determine the development of the national identity of Russian citizens, record the important role of Russian traditional values and worldview positions in determining Russian state sovereignty. Particular attention is paid to the structure of civic identity, which designates such components as cognitive, value-motivational and activity. The substantiated author's position emphasizes the need to form, first of all, a value-motivational component in the structure of civil identity, since it is from its development that the potential of further civic activity of the individual and its understanding of the importance of Russian civilization to preserve and strengthen traditional spiritual and moral values. There is no doubt that civic identity is responsible for the formation of a socially responsible person as a subject of historical action, capable to implement the real civil unity of Russian society and the Russian state – civilization through the interiorization of spiritual and moral values. The author draws attention to the fact that the policy of the state in the formation and development of the all-Russian civil identity in order to preserve Russian civilization is currently being systematized, based on the equal dialogue between representatives of state and municipal authorities, political, civil and ethnic organizations about the unifying national idea.

Keywords: civic identity; Russian civilization; public policy; worldview; values; national identity; Russia

For citation: Bugaichuk T. V. Russian civilization and civic identity: interconnection of phenomena. *Social and political researches*. 2024;1(22): 6-20. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-6>. <https://elibrary.ru/QYVZJI>.

Введение

Разговоры о российской цивилизации в последнее время стали достаточно актуальны. Мы слышим с разных трибун призывы к построению, сохранению, укреплению и другие подобные обращения нашей государственности через цивилизационный код России. Причина этого, конечно, ясна. Ситуация «свой – чужой» в условиях российско-украинского кризиса заставляет каждого гражданина России задуматься и принять определенную позицию, а главное, действовать тем или иным образом в зависимости от собственной гражданской идентичности [Доссэ, 2022]. Вот почему мы считаем необходимым рассмотреть в рамках взаимозависимости понятие российской цивилизации и понятие гражданской идентичности более подробно.

Оба социально-политических явления, обозначенные названными понятиями, способствуют сохранению государственного суверенитета России посредством формирования национального самосознания граждан нашей страны. Только обладание каждой личностью общероссийским национальным самосознанием позволит сохранить и укрепить российское общество на основе традиционных культурных, религиозных и исторических ценностей нашей много-

национальной, многоконфессиональной страны.

Начиная с февраля 2022 года, Россия проводит специальную военную операцию на Украине, в рамках которой, как и в процессе любого военного конфликта, помимо трагических последствий, происходит актуализация развития и консолидация гражданского общества. По мнению политических психологов Е. Б. Шестопал и А. В. Селезневой, сама по себе военная операция привела к невиданному ранее реформированию массового сознания российского общества [Селезнева, 2022]. Психологи отмечают, что произошла не просто ситуативная реакция на военную угрозу, но и более глубокие процессы преодоления кризиса национальной идентичности. И задача государства – закрепить те новые особенности восприятия России в национальном самосознании ее граждан, которые возникли, вследствие консолидации граждан вокруг интересов страны [«Они» и «Мы», 2021; Селезнева, 2022].

В настоящее время появилось большое количество государственных инициатив, направленных на решение этой задачи. Становится очевидной необходимость проведения аналитической работы по выявлению основных позиций государственной политики в вопросах

определения российской цивилизации и развития общероссийской гражданской идентичности у граждан России.

Результаты исследования

Анализ важных нормативных документов показал, что помимо принятых ранее Указа о национальных целях развития России до 2030 года, подписанного в 2020 году, где сделан акцент на создании условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации [Указ Президента РФ от 21.07.2020], и действующей Стратегии национальной безопасности, которая была утверждена в 2021 году, и где прописан курс страны, в том числе на укрепление внутреннего единства и суверенной государственности России [Указ Президента РФ от 02.07.2021], – в 2022 году был издан Указ Президента России №809, утвердивший основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, под которыми понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [Указ Пре-

зидента РФ от 09.11.2022]. В 2023 году была принята новая редакция Концепции внешней политики России, где РФ определена как самобытное государство-цивилизация, которое представляет собой особую «культурно-цивилизационную общность» [Указ Президента РФ от 31.03.2023]. В этом документе отмечается важность ценности суверенной российской государственности, основанной на внешне- и внутривнутриполитическом, идеологическом, научном, технологическом, экономическом, образовательном и интеллектуальном суверенитете. Были также внесены изменения в Указ об основах государственной культурной политики, где отмечается, что государственная культурная политика призвана обеспечить:

- приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны;
- укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества;
- повышение качества жизни в Российской Федерации [Указ Президента от 25.01.2023].

В этом же году на заседании Государственного Совета Российской Федерации 22 декабря 2022 года Президентом РФ В. В. Путиным была обозначена необходимость разработки и включения в образовательные программы высшего образования курса (модуля) «Основы российской государственности» [Перечень

поручений ... , 2022; Лапина, 2023]. Данная идея легла в основу масштабного федерального проекта «ДНК России», направленного на разработку учеными России учебно-методического и научно-исследовательского сопровождения государственной образовательной и молодежной политики [Полосин, 2022]. Участниками проекта уже разработан курс «Основы российской государственности», введенный в вузах страны и подтверждающий государственную инициативу по реализации идеи о развитии гражданской идентичности россиян [Основы российской государственности, 2023].

К государственным инициативам, поддержанным и политиками, и общественностью относится появление в образовательных организациях России традиции поднятия российского флага и разработка внеурочного курса «Разговоры о важном», который ведется в обязательном порядке во всех классах школы и своей целью ставит формирование взглядов и убеждений школьников на основе базовых национальных ценностей [Жоряковцева, 2023]. Помимо этого, активно развивается такое общественно-государственное движение, как «Российское движение детей и молодежи», появился институт советников директора школы по воспитанию, которые также ориентированы на содействие проведению государственной политики с опорой на традиционные ценности. Но возникает закономерный вопрос – *достаточно*

ли этого, чтобы сформировать новое поколение граждан – патриотов своей страны, обладающих общероссийской гражданской идентичностью, понимающих и принимающих российскую цивилизацию?

Под термином «патриотизм» мы понимаем одну из определяющих духовных ценностей человека, характеризующую высший уровень развития личности, степень сплоченности общества и проявляющуюся в активной самореализации на благо общества [Бугайчук, 2023]. Важно подчеркнуть, что патриотизм – это одна из духовных ценностей не только гражданской идентичности, но и целостного гражданского и национального самосознания личности [Семенов, 2013]. Мы же должны говорить о формировании всех компонентов гражданской идентичности как о критерии государственной стабильности, хотя, безусловно, ценностный компонент является основополагающим в формировании гражданина страны и в развитии российской цивилизации.

Откуда же берется гражданская идентичность у каждого отдельного человека? Ведь каждый гражданин определяет содержание, систему ценностей, гражданскую направленность того гражданского общества, в котором он живет и развивается. Для того, чтобы государство имело нерушимый авторитет, необходимо в каждом гражданине страны с малых лет воспитывать чувство любви к Родине и развивать представление о ценности своей страны и своего общероссийского

государства [Евгеньева, 2023]. Механизм формирования гражданской идентичности становится очевиден. Он основывается на формировании целостной интегративной структуры гражданской идентичности личности. Гражданская идентичность как компонент гражданского самосознания формируется в процессе развития самой личности и связана как с системой нравственных, моральных, ценностных аспектов развития, так и с уровнем интеллекта, и общим когнитивным развитием личности. Для становления и развития гражданской идентичности необходимо формировать и совершенствовать её ценностно-мотивационный и когнитивный компоненты, а на их основе – развивать собственно деятельностный компонент гражданской идентичности. Как мы видим, именно интегративность изучаемого понятия позволяет говорить о сформированности гражданской позиции человека.

Обратимся к ценностно-мотивационному компоненту гражданской идентичности, который прежде всего определяет гражданскую позицию личности. В глобальном мире по большому счёту существует *два мировоззренческих полюса*. В основе *первого полюса* лежит нравственный релятивизм, идеология секуляризма, трансгуманизма, потребления и господства единых общемировых экономических, правовых и этических «правил», определяемых странами коллективного Запада. Как отмечает философ Е. В. Бахревский, современная идео-

логия либерализма и культура постмодерна имеют глобальный характер [Бахревский, 2019]. Основным смыслом парадигмы постмодерна является разрушение всех без исключения коллективных идентичностей человека (этнической, гражданской, религиозной, классовой, половой и т. д.). Идеалом и конечной целью данного феномена являются разрозненные и отчуждённые индивидуумы, которые совокупно вообще не порождают никакого нового единства – ни естественного, ни искусственного. Они живут вместе, но по отдельности, ничего не зная друг о друге и зная не желая. Идет процесс преодоления всех коллективных идентичностей, иначе говоря, – процесс «расчеловечивания». Очевиден внутренний кризис «западной» системы ценностей, полный отказ от христианских идей, на место которых пришёл сначала гуманизм, а теперь – трансгуманизм. Осознание данной проблемы на Западе выразилось, например, в признании краха идеологии и политики мультикультурализма ещё в 2011 году [Бахревский, 2019].

Для *второго мировоззренческого «полюса»* характерно признание главенствующей роли традиционных ценностей, разделяемых всеми основными мировыми религиями. Россия сегодня стоит в авангарде борьбы именно за традиционное мировоззрение и традиционные ценности, уверенно защищает права человека и религиозную свободу, способствует развитию международных норм о

подлинном суверенитете национальных сообществ в сфере культуры и религии, экономики и политики, образования и спорта.

Россия уже давно стала местом соединения Востока и Запада, не местом, а именно местом встречи. И не только географическим – Евразия, но и местом встречи двух больших культур. Помимо этого, в России проживает множество народов и национальностей, для которых она является Родиной. Все это говорит о том, что России уготован свой особенный путь развития [Российское общество ... , 2021]. Имея тесные культурные и религиозные взаимосвязи с Европой и традицию самоотождествления с христианской или европейской цивилизацией, Россия в очередной раз стоит перед *необходимостью осознать и сформулировать собственную уникальность. Первая такая попытка* была сделана славянофилами в XIX в., *вторая* – евразийцами в XX столетии. Обе попытки можно признать интеллектуально состоявшимися, однако, не нашедшими практического выражения в сфере государственного и социокультурного строительства [Браславский, 2022]. Как отмечают в своей монографии В. Э. Багдасарян и архимандрит Сильвестр (Лукашенко), именно по этой причине крайне важно формулировать и пропагандировать мировоззренческие основания российской цивилизации, ее фундаментальные ценности, направленные на возвращение России к своей цивилизационной миссии [Багдасарян,

архимандрит Сильвестр, 2022]. Если при смене исторической модели государства – модель Московской Руси (Третий Рим) – модель Российской империи (православие – самодержавие – народность) – модель СССР (коммунизм) – модель РФ (идеологическая неопределенность) – обнаруживаются некие неизменные, исторически устойчивые ценности, то это есть подтверждение гипотезы об аксиологической преемственности в истории России.

Т. В. Беспалова, В. Н. Расторгуев в своей монографии «Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе» отмечают, что представление о своей цивилизации служит инструментом явной или скрытой, осознанной или стихийно осуществляемой индоктринации (под *индоктринацией* авторы понимают разнообразные способы внедрения в сознание масс политических доктрин в интересах легитимации (или делегитимации) власти – уточнение автора). Цивилизационная индоктринация направлена на консолидацию родственных в культурно-конфессиональном и (или) языковом отношении народов перед лицом новых вызовов времени, в том числе через сопротивление навязыванию экономического, военного и культурного господства. Также целью индоктринации является сотрудничество различных народов, направленное на сохранение цивилизационного многообразия и собственной идентичности в глобализирующемся

мире, и формирование или коррекцию исторического самообраза народов и государств в сознании граждан, соотечественников и иностранцев (Россия явно «теряет свое лицо» из-за нежелания или неготовности политического класса четко заявить о ее исторической цивилизационной миссии) [Беспалова, 2017]. Именно поэтому цивилизационный подход в последнее время актуализировался.

Цивилизационный подход в социальных науках еще в XIX веке имел особую значимость. Родоначальником этого подхода был Н. Я. Данилевский [Основы российской ... , 2023]. П. Сорокин считал цивилизационный подход величайшим достижением социальных наук современности [Гончаров, 2014]. Он, безусловно, является важной научной основой для многих социальных наук. *Цивилизационный подход* учитывает не только развитие производства и классовых отношений, но и *духовно-культурные факторы*: особенности духовной жизни, форм сознания, географического расположения, традиций и т. д. При таком подходе совокупность родственных культур образует цивилизацию, поэтому принадлежность к российской культуре и цивилизации – это повод к переживанию чувства гордости и достоинства для людей, идентифицирующих себя с нею и являющихся носителями русского цивилизационного кода. В цивилизационном подходе признание самого факта существования цивилизаций и возможно-

сти соотносима с принадлежностью к ним объяснять вариативность развития мира является первостепенным условием принятия этой методологии. Именно в цивилизационном подходе особое внимание уделяется духовным и культурным факторам развития, которые могут блокировать влияние способа производства, прервать формационное движение, усилить социально-экономическое развитие и т. д. Следовательно, цивилизационный подход является основой формирования особой российской (русской) цивилизации, России как государстве-цивилизации [Основы государственности ... , 2023].

На Валдайском форуме в Сочи 5 октября 2023 года Президент РФ В. В. Путин расставил акценты, уточнив понимание российской цивилизации [Заседание дискуссионного ... , 2022]. Он назвал два основных «компонента цивилизации» сегодня – многообразие и самодостаточность. «Современному миру чужда любая унификация, каждое государство и общество хотят самостоятельно выработать свой путь развития. В его основе – культура и традиции, укрепленные в географии, историческом опыте – как давнем, так и современном – и ценностях народов. Это сложный синтез, в процессе которого возникает самобытная цивилизационная общность, ее неоднородность и многообразие – это залог устойчивости и развития», – считает В. В. Путин [Заседание дискуссионного ... , 2022]. По его мнению, российскую цивилизацию нельзя приве-

сти к одному знаменателю, как и невозможно ее разделить, «потому что она существует только в своей целостности, духовном и культурном богатстве» [Ильин, 2023, с. 13].

Президент РФ назвал шесть принципов, к которым стремится Россия:

- принцип безбарьерного мира, который основывается на открытой, ориентированной на системное взаимодействие, общении, творчество, позиции;

- принцип многообразия мира, который подразумевает учет национальных особенностей, государственных устоев, народных традиций без навязывания правил;

- принцип коллективных решений, определяющий систему сотрудничества и договоренности между странами при принятии важных масштабных решений;

- принцип уважения как основа безопасности и прочности мира;

- принцип справедливости для всех, основанный на учете интересов всех стран;

- принцип равноправия, который, можно сказать, обобщает все предыдущие принципы.

Таким образом, у России свой цивилизационный код. Формирование российской цивилизации было невозможно без формирования мировоззрения и ценностей. В процессе формирования мировоззрения задаются убеждения, нормы, ценности, формируется ценностно-мотивационный компонент гражданской идентичности как структурооб-

разующий. Ценности включены в структуру гражданской идентичности и определяют ее смысловую основу. Если обращаться к современному определению ценностей, которое дала А. В. Дроздова, то под *ценностями* сейчас понимают устойчивые, присущие человеку или сообществу смысловые доминанты, определяющие приоритеты деятельности человека или принципы выражения его поведения и мышления в рамках имеющихся общественных отношений [Дроздова, 2023]. Формирование ценностной основы – процесс долгий. При этом ценности, сформировавшись, становятся частью, устойчивым структурным компонентом личности, который характеризуется константностью и стабильностью и определяет формирование и дальнейшее развитие гражданской идентичности личности и её собственного мировоззрения, определяющего гражданскую позицию. Именно жизненные постулаты маркируют и структурируют культурно-идеологическое пространство государства, формируют основания государственной идеологии, существующие не только на уровне государственных приоритетов и партийных программ, но и в массовом сознании. Вот почему от сохранности уже имеющихся традиционных ценностей и сформированности у молодого поколения россиян согласованной с традициями современной системы ценностей зависит будущее российского государства и цивилизации.

Заключение

Таким образом, российские традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности и забота гражданского общества и государства об их сохранении и передаче из поколения в поколение позволяют существовать уникальной российской цивилизации, значимость которой признается и акцентируется в современной политической ситуации, определяющей дальнейшее развитие России. Посредством осмысления социальных, культурных, технологических, геополитических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности накопленный культурно-исторический опыт позволяет гражданам нашей страны своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы объединенного Запада, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность.

Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. Если говорить о национальных целях, то для сохранения и развития России следует опираться на *пять компонентов*, которые необходимо учитывать при формировании и развитии ценностных ориентиров россиян. Согласимся с А. Д. Харичевым, что *главный компонент* на уровне стра-

ны – это патриотизм; *компонент на уровне государства* с политологической точки зрения – это доверие граждан, поэтому в приоритете у руководства всегда должна быть такая ценность, как честность; *компонент на уровне общества* для сохранения страны – это согласие, солидарность; семья – это *четвертый компонент* развития государства, учитывая огромные и малонаселенные территории России, и *пятый компонент* на уровне личности – это человек-созидатель, у каждого гражданина должна доминировать направленность на созидание [Харичев, 2022].

«Любые меры противодействия разрушительным тенденциям в российском обществе должны быть принципиально направлены на поддержание коллективных идентичностей любого уровня – родственных, этнических, религиозных, гражданских, профессиональных и других», – делает вывод Е. В. Бахревский [Бахревский, 2019]. Только в стране, которая выберет собственный путь цивилизационного развития с опорой на традиционные российские ценности, идеи коллективизма и учет национальных и профессиональных интересов, будет системно формироваться и развиваться общероссийская гражданская идентичность.

Таким образом, вектор, направленный на воспитание традиционных ценностей в системе образования, культуре, спорте, молодежной политике, стал ведущим. Занимаясь воспитанием, мы должны задумать-

ся – какие убеждения и ценностные ориентации мы воспитываем, какого человека мы формируем, в какую сторону мы направляем действия молодых людей. Очевидно, что для

сохранения и развития российской цивилизации граждан России должен быть патриотом, идентифицирующим себя со страной и ориентированным на созидательный труд.

Библиографический список

1. Багдасарян В. Э., архимандрит Сильвестр (Лукашенко) Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / науч. ред. Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль : Изд-во СПК, 2022. 256 с.
2. Бахревский Е. В. Ценности российской цивилизации: вызовы и пути их преодоления // Культурологический журнал. 2019. № 4 (38). С. 1. URL: http://cjournal.ru/rus/journals/490.html&j_id=41. (Дата обращения: 01.12.2023).
3. Беспалова Т. В. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе / Т. В. Беспалова, В. Н. Расторгуев. Москва : Институт наследия, 2017. 224 с.
4. Браславский Р. Г. Эволюция концепции цивилизации в социоисторической науке в конце XVIII – начале XX века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25(2). С. 49-79.
5. Бугайчук Т. В. Патриотизм в структуре гражданской идентичности личности: основания и смыслы / Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права : сборник научных трудов XL Международного Харакского форума. Симферополь : Типография «Ариал», 2023. С. 69-78.
6. Гончаров И. А. Цивилизационный подход как методологическая парадигма социальных исследований П. Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) : международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. : сборник научных трудов / ред кол.: И. Е. Фадеева, отв. ред. В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014. С. 61-65.
7. Доссэ Т. Г. В поисках утраченного. Кризис гражданской идентичности у молодого поколения россиян / Т. Г. Доссэ, Т. В. Бугайчук // Вопросы теории и методики профессионального образования : материалы научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. С. 23-30.
8. Дроздова А. В. Проблема обсуждения темы ценностных оснований российской культуры в рамках предмета «Основы российской государственности» // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии : материалы VI сибирского социологического форума с международным участием. Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2023. С. 163-166.
9. Евгеньева Т. В. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Д. Д. Тулегенова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 233-251.

10. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>. (Дата обращения: 01.12.2023).
11. Ильин В. А. От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир / В. А. Ильин, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 5. С. 9–31.
12. Коряковцева О. А. Феноменологическая модель формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян: роль образования // Феноменология наставничества в гуманитарных и общественных науках: тенденции и перспективы развития : сборник по материалам Всероссийской научной конференции. Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. С. 187-188.
13. Лапина И. Ю. Мировоззренческая составляющая курса «Основы российской государственности» / И. Ю. Лапина, Е. П. Гурьев // Клио. 2023. № 9 (201). С. 178-192.
14. «Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан : коллективная монография / Э. А. Бикбулатов, Н. С. Виноградова, А. Л. Зверев [и др.] ; под ред. Е. Б. Шестопа. Москва : РОССПЭН, 2021. 420 с.
15. Основы российской государственности: практические рекомендации по курсу для образовательных организаций высшего образования / авт.-сост. В. М. Марасанова ; под ред. проф. И. А. Кузнецовой. Ярославль : ОмЦ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. 40 с.
16. Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося 22 декабря 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421>. (Дата обращения: 01.12.2023).
17. Полосин А. В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. №3. С. 7–23.
18. Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Р. Г. Браславский, В. В. Галиндабаева, Н. И. Карбаинов [и др.]. Москва ; Санкт-Петербург : ФНИ социологический центр Российской академии наук, 2021. 340 с.
19. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М. К. Горшкова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. Москва : Весь Мир, 2017. 427 с.
20. Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47-60.
21. Семененко И. С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 111–131.
22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (Дата обращения: 01.12.2023).
23. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>. (Дата обращения: 01.12.2023).
24. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>. (Дата обращения: 01.12.2023).
25. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских

духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (Дата обращения: 01.12.2023).

26. Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/>. (Дата обращения: 01.12.2023).

27. Харичев А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин [и др.] // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, №3. С. 9–19.

Reference list

1. Bagdasarjan V. Je., arhimandrit Sil'vestr (Lukashenko) = Tradicionnye cennosti: strategija civilizacionnogo vozrozhdenija Traditional values: civilizational revival strategy / nauch. red. Ju. Ju. Ierusalimskij. Jaroslavl' : Izd-vo SPK, 2022. 256 s.

2. Bahrevskij E. V. Cennosti rossijskoj civilizacii: vyzovy i puti ih preodolenija = Values of Russian civilization: challenges and ways to overcome them // Kul'turologicheskij zhurnal. 2019. № 4 (38). S. 1. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/490.html&j_id=41. (Дата обращения: 01.12.2023).

3. Bepalova T. V. Patriotizm i russkaja civilizacionnaja identichnost' v sovremenном rossijskom obshhestve = Patriotism and Russian civilizational identity in modern Russian society / T. V. Bepalova, V. N. Rastorguev. Moskva : Institut nasledija, 2017. 224 s.

4. Braslavskij R. G. Jevoljucija koncepcii civilizacii v socioistoricheskoj nauke v konce XVIII – nachale XX veka = The evolution of the concept of civilization in sociohistoric science in the late XVIII – early XX // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2022. № 25(2). S. 49-79.

5. Bugajchuk T. V. Patriotizm v strukture grazhdanskoj identichnosti lichnosti: osnovanija i smysly = Patriotism in the structure of the civic identity of the individual: foundations and ideas / T. V. Bugajchuk, O. A. Korjakovceva // Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremja: pravo sily vs sila prava : sbornik nauchnyh trudov XL Mezhdunarodnogo Harakskogo foruma. Simferopol' : Tipografija «Arial», 2023. S. 69-78.

6. Goncharov I. A. Civilizacionnyj podhod kak metodologicheskaja paradigma social'nyh issledovanij P. Sorokina = Civilizational approach as a methodological paradigm of social research by P. Sorokin // Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitija XXI veka (k 125-letiju so dnja rozhdenija): Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, Syktyvkar, 21–22 avgusta 2014 g. : sbornik nauchnyh trudov / red kol.: I. E. Fadeeva, otv. red.; V. A. Sulimov, L. V. Gurlenova. Syktyvkar : Izd-vo SyktGU, 2014. S. 61-65.

7. Dossje T. G. V poiskah utrachennogo. Krizis grazhdanskoj identichnosti u molodogo pokolenija rossijan = In search of the lost. Crisis of civil identity among the younger generation of Russians / T. G. Dossje, T. V. Bugajchuk // Voprosy teorii i metodiki professional'nogo obrazovanija : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. S. 23-30.

8. Drozdova A. V. Problema obsuzhdenija temy cennostnyh osnovanij rossijskoj kul'tury v ramkah predmeta «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti» = The problem of discussing the topic of the value foundations of Russian culture within the framework of the subject “Foundations of Russian statehood” // Social'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sociologii : materialy VI sibirskogo sociologicheskogo foruma s mezhdunarodnym

uchastiem. Novosibirsk : Novosibirskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i upravlenija «NINH», 2023. S. 163-166.

9. Evgen'eva T. V. Zapros na paternalizm: ideja i cennost' gosudarstva v soznanii rossijskoj molodezhi = Demand for paternalism: the idea and value of the state in the minds of Russian youth / T. V. Evgen'eva, A. V. Selezneva, N. S. Skipin, D. D. Tulegenova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2023. T. 25, № 1. S. 233-251.

10. Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» = Valdai Discussion Club Meeting. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

11. Il'in V. A. Ot «Mjunhena-2007» do «Valdaja-2023»: 16 let, izmenivshie Rossiju i mir = From Munich 2007 to Valdai 2023: 16 years that changed Russia and the world / V. A. Il'in, M. V. Morev // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2023. T. 16, № 5. S. 9–31.

12. Korjakovceva O. A. Fenomenologicheskaja model' formirovanija grazhdanskoj identichnosti mladogo pokolenija rossijan: rol' obrazovanija = Phenomenological model of the formation of the civil identity of the young generation of Russians: the role of education // Fenomenologija nastavnichestva v gumanitarnyh i obshhestvennyh naukah: tendencii i perspektivy razvitiya : sbornik po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Elec : Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I. A. Bunina, 2023. S. 187-188.

13. Lapina I. Ju. Mirovozzrencheskaja sostavljajushhaja kursa «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti» = Worldview component of the course “Fundamentals of Russian statehood” / I. Ju. Lapina, E. P. Gur'ev // Klio. 2023. № 9 (201). S. 178-192.

14. «Oni» i «My». Obrazy Rossii i mira v soznanii rossijskih grazhdan = “They” and “we”. Images of Russia and the world in the minds of Russian citizens : kollektivnaja monografija / Je. A. Bikbulatov, N. S. Vinogradova, A. L. Zverev [i dr.] ; pod red. E. B. Shestopal. Moskva : ROSSPJeN, 2021. 420 s.

15. Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: prakticheskie rekomendacii po kursu dlja obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija = Fundamentals of Russian statehood: practical recommendations on the course for higher education organizations / avt.-sost. V. M. Marasanova ; pod red. prof. I. A. Kuznecovoj. Jaroslavl' : OMC JarGU im. P. G. Demidova, 2023. 40 s.

16. Perechen' poruchenij po itogam zasedanija Gosudarstvennogo Soveta Rossijskoj Federacii, sostojavshegosja 22 dekabrja 2022 goda = List of instructions following the meeting of the State Council of the Russian Federation, held on December 22, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

17. Polosin A. V. Shag vpered: problema mirovozzrenija v sovremennoj Rossii = Step forward: the problem of worldview in modern Russia // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2022. №3. S. 7–23.

18. Rossijskoe obshhestvo: arhitektonika civilizacionnogo razvitiya = Russian society: architectonics of civilizational development / R. G. Braslavskij, V. V. Galindabaeva, N. I. Karbainov [i dr.]. Moskva ; Sankt-Peterburg : FNI sociologicheskij centr Rossijskoj akademii nauk, 2021. 340 s.

19. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja = Russian society and challenges of the times. Book Five / M. K. Gorshkov [i dr.] ; pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petuhova. Moskva : Ves' Mir, 2017. 427 s.

20. Selezneva A. V. Politicheskaja moral' sovremennoj rossijskoj molodezhi: cennosti, predstavlenija, ustanovki = The political morality of modern Russian youth: values, ideas, attitudes // Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie. 2022. T. 8, № 3. S. 47-60.

21. Semenenko I. S. Sociokul'turnaja modernizacija i konflikt identichnostej Socio-cultural modernization and identity conflict // Rossija reformirujushhasja. 2013. № 12. S. 111–131.

22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. №400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

23. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.07.2020 g. № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» = Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 “On National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

24. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. № 229 «Ob utverzhenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 “On the approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

25. Ukaz Prezidenta RF ot 9 nojabrja 2022 g. №809 «Ob utverzhenii osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniu i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On the approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

26. Ukaz Prezidenta RF ot 25 janvarja 2023 g. № 35 «O vnesenii izmenenij v Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrja 2014 g. N 808» = Decree of the President of the Russian Federation of January 25, 2023 No. 35 “On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 N 808”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

27. Harichev A. D. Vosprijatie bazovyh cennostej, faktorov i struktur social'no-istoricheskogo razvitija Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii) = Perception of basic values, factors and structures of social and historical development of Russia (based on research and testing materials)/ A. D. Harichev, A. Ju. Shutov, A. V. Polosin [i dr.] // Zhurnal politicheskikh issledovanij. 2022. T. 6, №3. S. 9–19.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 23.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 316.482.051.63:32
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-21
EDN: SFMSSL

Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений

Галина Петровна Рогочая

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
rogochayagp@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-2958>

Аннотация. Социально-политические трансформации российского общества последних десятилетий оказали существенное влияние на процессы ценностного самоопределения и выбора ценностных ориентаций не только молодежи, но и поколений, чье становление проходило в советские годы. В периоды социально-политических трансформаций усугубляется проблема «отцов и детей», обостряется конфликт поколений. Размежевание ценностных ориентаций внутри общества оказывает влияние на его стабильность, создает риски устойчивому развитию. Осмысление этих явлений возможно в рамках «поколенческого подхода» и концепта «политических поколений». В рамках исследования по сравнению политических ценностей и ориентаций россиян поколений X и Z был проведен опрос в форме анкетирования.

Анкетный опрос позволил определить специфику существующих в различных возрастных когортах современных россиян представлений о власти и политике, выявить среди респондентов ключевые ориентации на те, или иные политические ценности, выявить представления о государстве, в котором люди хотели бы жить. Результаты опроса показали, что традиционный конфликт отцов и детей продолжается, но в минимально обостренной форме. Так, старшему поколению в большей степени свойственен консерватизм в выборе ценностей и политических ориентациях, оно ориентировано на экономическую и политическую стабильность. Младшее поколение в большей степени ориентировано на перемены, но без коренной смены мировоззренческой парадигмы. Для обеих выборок свойственен запрос на справедливость и соблюдение правовых норм. Существенные различия касаются образа будущего в представлениях разных поколений. Представленные результаты исследования, на наш взгляд, отражают установленное на сегодняшний день ценностное состояние сознания россиян и задают направление дальнейшим глубинным исследованиям политических ценностей.

Ключевые слова: политические ценности; теория поколений; политические поколения; политические ориентации; ценностные ориентации; политико-психологический подход

Для цитирования: Рогочая Г. П. Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений // Социально-политические исследования.

© Рогочая Г. П., 2024

2024. № 1 (22). С. 21-37. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-21>.
<https://elibrary.ru/SFMSSL>.

Original article

**Political value orientations of generations X and Z
in context of generational theory**

Galina P. Rogochaya

Candidate of philosphic sciences, associate professor, department of political science and political management, Kuban state university, Krasnodar
rogochayagp@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-2958>

Abstract. The socio-political transformations of Russian society in recent decades have influenced significantly processes of value self-determination and the choice of value orientations not only for young people, but also for generations whose formation took place in the Soviet years. During periods of socio-political transformations, the problem of "fathers and children" is aggravated, the conflict of generations is aggravated. The delimitation of value orientations within society has an impact on its stability, creates risks to sustainable development. Understanding these phenomena is possible within the framework of the "generational approach" and the concept of "political generations." To conduct a study comparing the political values and orientations of Russian generations X and Z, a survey was conducted in the form of a questionnaire.

The questionnaire survey made it possible to determine the specifics of the ideas about power and politics existing in various age cohorts of modern Russians, to identify key orientations towards certain political values among respondents, and to identify ideas about the state in which people would like to live. The results of the survey showed that the traditional conflict between fathers and children continues, but in a minimally aggravated form. Thus, the elder generation is more characterized by conservatism in the choice of values and political orientations, it is focused on economic and political stability. The younger generation is more focused on change, but without a radical change in the worldview paradigm. Both samples are characterized by a request for fairness and compliance with legal norms. Significant differences relate to the image of the future in ideas of different generations. The presented results of the study, in our opinion, reflect the established value state of the consciousness of Russians and set the direction for further in-depth studies of political values.

Keywords: political values; generational theory; political generations; political orientations; value orientations; political and psychological approach

For citation: Rogochaya G. P. Political value orientations of Generations X and Z in context of generational theory. *Social and political researches*. 2024;1(22): 21-37. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-21>. <https://elibrary.ru/SFMSSL>.

Введение

На рубеже XX – XXI вв. в России шли процессы политической и социокультурной трансформации и сопутствующей им смены мировоззренческих парадигм, которые с

неизбежностью сказывались на ценностных представлениях россиян. Эти процессы сопровождались переосмыслением социально-политической реальности одними поколениями, период социализации

которых пришелся на советскую эпоху и формированием представлений поколениями, социализирующимися уже в новых социально-политических реалиях. Как правило, в периоды трансформаций обостряется проблема «отцов и детей», усиливается поколенческое разделение общества и размежевание ценностных ориентаций. Осмысление этих явлений возможно в рамках «поколенческого подхода». Наиболее известной классификацией поколений стала классификация демографа Нейла Хоува и историка Вильяма Штрауса. В начале 90-х гг. прошлого века они одновременно и независимо друг от друга решили подробно изучить феномен «поколений», в ходе данных исследований появилась теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса.

Адаптацию теории поколений для России в 2003-2004 году выполнила команда под руководством Е. Шамис и Е. Никонова, известных работой «RuGenerations» – российская школа Теории поколений» [«RuGenerations» – российская школа ...]. На сегодняшний день данный подход используется не только в рамках академических исследований, но и востребован коммерческими структурами. «Поколенческий подход» является междисциплинарным и его применение в различных областях гуманитарного знания позволяет восполнить дефицит понимания сложных процессов социальной дифференциации, дать интерпретацию наблюдаемым явлениям, а возможно, и спрогнозировать

перспективы дальнейшего развития общества исходя из мировоззренческих установок и ценностных ориентаций представителей различных поколений.

Такой интерес во многом обусловлен вопросом – *каковы будут социальные ориентации поколения россиян вступающих в активную фазу своей жизни, завершивших или завершающих свою политическую социализацию?* Ход политической социализации – многоуровневый процесс, который наряду с усвоением личностью политических ценностей, ориентаций и общественных норм, включает и их воспроизводство. В процессе политической социализации происходит воспроизводство институтов политико-социальной системы, перенимаются важнейшие политические ценности, вырабатываются ценностные ориентиры относительно будущего развития общества. В периоды коренной перестройки общества процессы социализации носят неоднозначный характер, нарушается преемственность ценностных ориентаций между различными поколениями, не все группы ценностей одних поколений могут быть адаптированы к новой социально-политической и экономической реальности. Специфика и своеобразие трансформации политических ориентаций и ценностных установок различных поколений в периоды активных социально-политических преобразований страны нуждаются в теоретико-методологическом анализе и эмпирическом описании.

Степень изученности проблемы

Научный интерес к проблеме ценностных ориентаций россиян носит устойчивый характер. Так еще в конце 1990-х – начале 2000 гг. проводились многоплановые эмпирические исследования систем политических ценностей и политических ориентаций россиян, которые до сих пор являются предметом широких научных дискуссий [Базовые ценности ... , 2003]. За прошедший период в социальную и политическую жизнь вступило уже новое поколение, социализация которого происходила в условиях постсоветской реальности.

Для объяснения различий в ценностных установках в научный оборот был введен концепт «политических поколений», позволяющий описывать и исследовать процессы ценностных трансформаций, происходящих в обществе. Весь спектр представленных подходов можно свести к *трем основным*:

1) *утилитаристскому* (ценностями называется все то, что служит для человека реализацией потребностей и интересов);

2) *политико-идеологическому* (ценности играют роль примерного идейно-культурного образца и социального регулятора);

3) *политико-психологическому* (ценности как результат внутреннего опыта личности).

Некоторые исследователи в объяснении концепта «политическое поколение» основывались на периодизации исторического процесса и шли по пути поиска закономерностей в процессах смены правящих

политических групп: О. Конт [Конт, 2011], Дж. С. Милль [Милль, 2011] Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2000]). Другие авторы акцентировали внимание на изучении различных аспектов взаимодействия внутри и между поколениями: Г. Маркузе [Маркузе, 2009], К. Мангейм [Мангейм, 2000], Х. Беккер [Becker, 1992]).

Отечественные исследования проблемы конфликта поколений актуализируются в конце XX – начале XXI веков. Поиск теоретических оснований для осмысления феномена поколений представлен в это время в работах: Е. Б. Шестопаля [Шестопаля, 2000], классификации политических поколений содержатся в работах П. В. Малиновского [Малиновский, 2004], В. В. Семеновой [Семенова, 2003], Ю. А. Левады* [*Левада, 2001]. Данные исследования имеют внушительные теоретические и эмпирические результаты. Так, П. В. Малиновский разработал структуру политических поколений на основе их демографических характеристик, символической идентификации, сопричастности к историческим событиям.

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет политико-психологический подход, представленный как в работах начала 2000-х, так и в работах последних лет, в частности, в исследованиях: Е. Б. Шестопаля, Н. Н. Рогач [Шестопаля, Рогач, 2023], С. С. Аносова [Аносов, 2021], Н. В. Смутькиной [Смутькина, 2022], А. Н. Лебедева, О. В. Гордяковой [Лебедев, 2019],

Т. А. Нестик, А. В. Селезневой, Е. Б. Шестопа, А. В. Юревич [Нестик, 2021], М. С. Яницкого [Яницкий, 2019]. В научном сообществе устоялась классификация политических поколений, предложенная Е. Б. Шестопа и соответствующая историческим периодам, в которых проходила первичная социализация личности. В нашем эмпирическом исследовании будут задействованы те поколения, которые, исходя из классификации Е. Б. Шестопа, попадают в рамки нескольких групп. Это поколение «брежневской эпохи» (1959-1969), поколение «позднего застоя»; поколение «детей перестройки» (1977-1982) – данная периодизация вполне совпадает с поколением X. Что касается «постсоветские детей», то нижняя граница этого поколения (1982-1984) входит в поколение X, средняя часть (1984-1996) – частично совпадает с поколением Y и не входит в рамки нашей выборки, а постсоветское поколение, рожденное после 2000 г. совпадает с границами поколения Z.

На наш взгляд, политико-психологический подход позволяет максимально учитывать характер и специфику процессов протекания политической социализации, динамику развития политических ориентаций и ценностных установок.

Мы не можем обойти вниманием вклад А. В. Селезневой в разработку проблематики политических поколений и их ценностных ориентаций [Селезнева, 2020]. В рамках политико-психологического подхода автор определяет политические ценности

как устойчивые доминанты, которые присущи отдельной личности или социальной группе. Именно они оказывают определяющее влияние на выбор идеологических приоритетов и воспроизводство принципов социальных отношений. Политическая ориентация предстает как результат включенности личности в процессы социально-политической жизни, ее направленности на определенные политические процессы, ценности, интересы. Данные подходы легли в основу построения модели эмпирического исследования, ориентированного на выявление «поколенческих» ценностных установок и политических ориентаций представителей поколений X и Z.

Методология и методика исследования

Концептуальная модель исследования основывается на нашем понимании системы политических ценностей и ориентаций. Политические ценности рассматриваются в рамках политико-психологического подхода и определяются «как политические убеждения и цели индивидуума или общества, отражающие в их сознании устойчивую положительную значимость тех или иных смыслов, принципов и явлений и служащие ориентирами в мире политики» [Селезнева, 2014, с. 9].

Необходимо отметить, что политические ценности по своей природе стереотипны и представляют собой достаточно устойчивые феномены, способные сохраняться под воздействием политических изменений. Причины для их трансформации

должны быть достаточно вескими, такими как системные социально-политические кризисы, сопровождающиеся сломом «картины мира», глубинной переоценкой социально-политических идеалов в ситуации, приводящей к утрате устойчивых оснований оценки происходящих событий [Евгеньева, 2021].

Разработка методического инструментария для проведения эмпирических исследований политических ценностей требует учета нескольких моментов:

Во-первых, необходимо учитывать специфику политического контекста, в котором политические ценности обретают свое бытие, актуализируются, трансформируются и уходят в политическое небытие. Данная специфика определяет и выбор диагностического инструментария исследований.

Во-вторых, как уже было обозначено во введении, сам «поколенческий подход» носит междисциплинарный характер и в области прикладных исследований необходим синтез социологических и политико-психологических инструментов.

В-третьих, разработка инструментария должна включать верификацию получаемых данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Переходим к основной части нашего исследования – интерпретации результатов опроса. Предметом нашего исследования являлось выявление политических ценностей и ориентаций у разных поколений россиян. Подчерк-

нем, что главным основанием для деления респондентов был их возраст: поколение X (1963-1984 г.р.) и поколение Z (не раньше 2000 г.р.). В опросе участвовало 200 респондентов. Соотношение представителей каждого поколения – 1:1.

Сразу отметим распределение опрашиваемых по виду занятости. Большая часть, 48 %, только работает; 28 % только учится, а 22 % совмещает учебу с работой; меньшинство, лишь 2 %, не занято ни учебой, ни работой.

Первым среди вопросов, напрямую относящихся к политическим установкам респондентов, является вопрос об отношении к участию в политической деятельности.

Безучастными себя считают 61 %, и почти равное число (14 % и 17 %) позиционирует себя как активных участников и как неучаствующих, но желающих участвовать. Есть и те, кто стремится стать профессионалом в сфере политики или уже стал таким (8 %) (см. рис. 1). Среди тех, кто политически неактивен, 57 % относятся к поколению X и 43 % – к поколению Z. Процентное соотношение тех, кто активно участвует в политической жизни общества, противоположное: 43 % респондентов представляют поколение X, 57 % – поколение Z. Последний вариант ответа (о профессиональном интересе к политике) выбрали 87,5 % из поколения Z и 12,5 % (это только один человек) из старшего поколения.

Рис. 1. Как Вы определяете свое отношение к участию в политической деятельности?

Второй из ключевых вопросов имел такую формулировку: «Какую роль граждане играют в политической жизни страны, по Вашему мнению?». Треть всех опрошиваемых (33 %) считает, что особое влияние на политическую сферу оказывают регулярно голосующие на выборах. При этом 52 % выбравших такой вариант являются поколением Z, а 48 % – поколением X. Как фактор развития политической системы выбрали уча-

стие в митингах и акциях протеста 19 %, а участие в государственных объединениях – 20 %. Внушительное число респондентов (28 %) убеждены в том, что серьезного воздействия на политическую сферу граждане не оказывают вовсе. Состав ответивших распределяется следующим образом: 41 % – сторона поколения Z, 59 % – X поколение (см. рис. 2).

Рис. 2. Какую роль граждане играют в политической жизни страны, по Вашему мнению?

Любопытно, что несколько респондентов остановились на варианте «другое». Приведем несколько комментариев к этому варианту: «Участие скорее формальное, не оказывает влияния на процесс принятия властью решений, но может позволить власти учитывать настроения граждан» (представитель поколения Z); «граждане разные, кто-то активно принимает участие..., кто-то только критикует все, что ни делается...; кому-то политика абсолютно неинтересна» (снова представитель поколения Z); «На политику могут влиять только те, кто хоть что-то в ней понимает, большинство же в ней ничего не понимает» (поколение Z); «... простые люди в политике роли не играют, они могут только оценивать ее последствия исходя из своих представлений» (мнение от поколения Z); «От граждан может что-то зависеть только в странах с демократическим устройством, у нас другая традиция» (поколение Z). Стоит отметить факт отсутствия развернутых ответов в пункте «другое» со стороны респондентов поколения X. Это, может быть, как свидетельством осторожности и «внутренней цензуры» респондентов старшего возраста, так и некой инерцией взглядов, более свойственной возрасту, а возможно, и снижением уровня значимости в их жизни сферы политического. Следующий во-

прос касался формы участия опрашиваемых в политической жизни страны.

Ответы распределились так: 41 % принимал участие в выборах в Госдуму, такой же процент респондентов ни в чем не участвовал, 48 % участвовало в выборах в местные и региональные органы власти, лишь 9 % выходило на демонстрации, митинги, пикеты. Выясним поколенческую принадлежность тех, кто считает себя полностью политически безучастными: 66 % составляют граждане поколения Z, а 34 % – поколения X. Предполагаем, исходя из ответов на открытые вопросы анкеты, что такой внушительный процент второго типа респондентов связан с установкой минимизировать любую активность в области политики, поскольку она бессмысленна или обречена на неудачу.

Вопрос о личном восприятии происходящего в стране разделил отвечающих таким образом: 60 %, отслеживая политические события, пытаются сформировать собственную позицию (среди них 53 % из поколения X и 47 % из поколения Z, то есть приблизительное соотношение сторон – 1:1); 28 % наблюдают за событиями без заинтересованности; 9 % трудно решиться на ответ; всего 3 % (из них все представляют поколение Z) остаются от событий в стороне (см. рис. 3).

Рис. 3. Насколько вы заинтересованы происходящим в стране?

Рассмотрим вопрос, касающийся самоопределения респондентов:

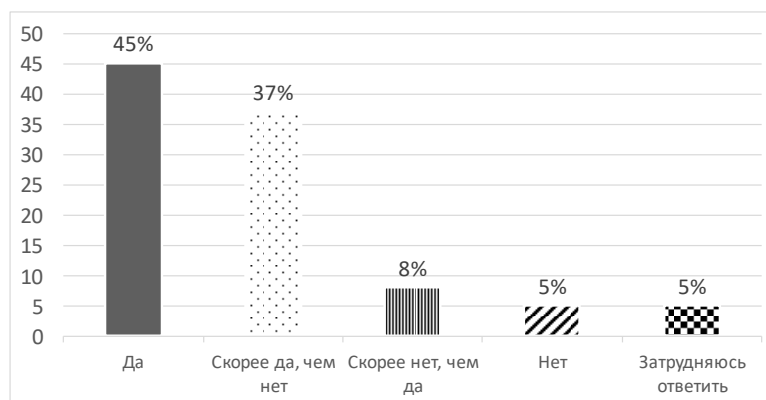

Рис. 4. Считаете ли Вы себя патриотом?

По ответам на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?» формируется такая статистика: 45 % точно позиционируют себя как патриоты (причем из них около половины, 47 %, составляет молодое поколение); меньше людей, 37 %, сомневаясь, все же называют себя патриотами (между прочим, весомые 43 % из общего числа – представители поколения Z); 8 %, тоже сомневаясь, склоняются в

противоположную сторону; 5 % (каждый из них – человек поколения Z) не считают себя патриотами; отказался определяться такой же процент респондентов, как и в предыдущем варианте.

В следующем вопросе от опрошенных требовалось согласиться или не согласиться с приведенными суждениями.

Наибольшую поддержку (48 %) получило суждение «При всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать». Вторым и третьим по популярности (36 % и 35 % соответственно) стали суждения о свободе и демократии как главных условиях существования государства и о том, что России необходима «твердая рука», гарантирующая порядок. Меньший отклик среди респондентов (и все же значительный 31 %) вызывает суждение о необходимости срочных перемен в нашем государстве. Радикально настроенные респонденты (12 %), настаивают на замене действующей власти. И наконец, 23% убеждены в том, что стабильность ценнее перемен.

Предлагаем дифференциацию ответов респондентов по поколениям. Из общего числа согласных с важностью безоговорочной поддержки власти 71 % – представители поколения X. По суждению о первоочередности политических свобод и демократии, наоборот, 77 % – граждане поколения Z, а 23 % – поколение X. Среди нуждающихся в «твердой руке» почти половину, 46 %, составляет поколение Z. 84 % респондентов поколения Z убеждены в необходимости изменения российского политического устройства.

Практически поровну распределились ответы респондентов в согласии с суждением о приоритете стабильности над переменами: 44 % – поколение Z, 56 % – поколение X. Интересный факт составляет, то что среди тех, кто отдал предпочтение замене власти, только 8 % является

представителем поколения X; более того не нашелся ни один респондент, который продемонстрировал бы согласие только с этим суждением (с другими суждениями такого не наблюдалось).

Узнаем, как выбор методов привлечения граждан к политической жизни разделил наших респондентов.

Большинство, 59 %, в качестве лучшего метода видят соблюдение свободы мнения и анонимности при том, что основная часть придерживающихся такой точки зрения – представители поколения Z (68 %); 25 % голосуют за материальную поддержку политического участия; 16 % видят двигателем гражданской политической активности сотрудничество со знаменитостями; 6 % настаивают на наличии в законодательстве тех пунктов, которые стимулировали бы граждан проявлять политическую инициативу (например, введение штрафов, возможность увольнения или даже тюремного заключения). Отдельно скажем о 38 % (из них 55 % представляют старшее поколение), которые уверены, что имеет значение только искреннее желание гражданина.

Просьба оценить значимость целей будущего развития страны была воспринята респондентами по-разному: одна и та же цель для кого-то не имела никакого значения, а для другого являлась самой важной. Итак, по общим результатам ряд целей, оцененных на «5» (наиболее значимые) образуют: «стабильная экономика» (77 %, причем 46 % от общего числа в этом случае состав-

ляет поколение Z); «достижение высокого уровня экономического развития» – (73 %, от общего числа которых 49 %, почти половина, – поколение Z); «обеспечение надежной обороноспособности страны» (70 % причем 41 % от общего числа ответивших – представители поколения Z); «сохранение порядка в стране» (63 %, в общее число отдавших предпочтение этой цели входят 40 % поколения Z и, следовательно,

60 % поколения X). Ряд же противоположных по значимости целей (оценены на «1» и «2») образуют «движение к обществу, в котором идеи ценятся больше денег», «повышение внимания к инфраструктуре провинции» и «предоставление народу возможности влиять на решение важных вопросов».

Об институтах, которые определяют политические ценности граждан, был следующий вопрос.

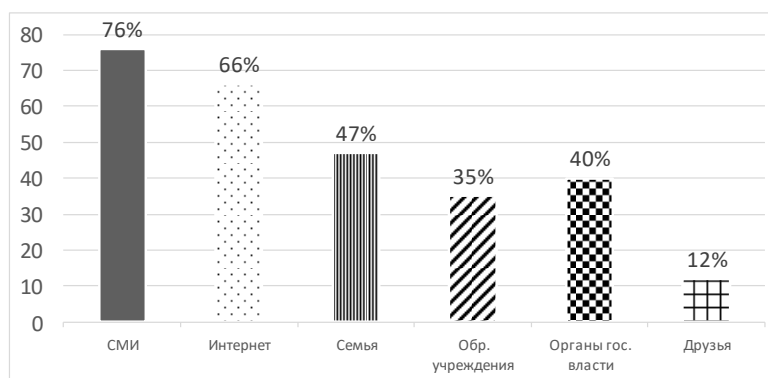

Рис. 5. Какие институты особенно сильно влияют на политические ценности?

Согласно данным рисунка 5, центральное место занимают СМИ (76 %); интернет (66 %); семья (47 %). Четвертое место в ответах респондентов занимают органы власти 53 % из 100 % тех, кто ведущей ролью наделяет СМИ, – представители поколения X. Интернет как ведущий фактор формирования политических ценностей указали 58 % – это молодое поколение. Почти половина (51 %) от числа респондентов, видящих в семье институт формирования политических ценностей, – представители поколе-

ния Z. Поколение Z (62,5 %) считают важнейшим институтом, формирующим политические ценности – органы государственной власти.

Далее перед респондентами вставал вопрос о ценностях, консолидирующих российское общество. Следующие 5 ценностей занимают первое место:

- 1) права человека (69 %);
- 2) стабильность (67,5 %);
- 3) свобода (62,5 %);
- 4) единство (60 %);
- 5) государственный порядок (59 %).

Следующий вопрос был противоположным предыдущему: мы пытались выяснить у респондентов, какие ценности, на их взгляд, точно не способствуют укреплению общества:

1) трансгуманизм (лидер среди «ненужных» ценностей: 34 % оценили его на «1»);

2) приоритет международного права над правом национальных государств (среди опрашиваемых поставили «1» этим ценностям 16 % респондентов);

3) трансграничность (среди опрашиваемых поставили «1» этим ценностям 16 % респондентов);

4) приоритет традиционных форм религиозности (9 % недооценивают важность такого принципа);

5) международная интеграция (самая низкая оценка от 7,5 % опрашиваемых).

Следующий вопрос касался определения базовых (основополагающих) ценностей для каждого поколения – «оцените наиболее значимые для Вашего поколения ценности».

Выявлено следующее распределение по шкале важности/неважности: первое место – права человека (60 % от числа высоко оценивших – представители поколения Z), второе место – свобода (в этом случае от представителей Z-поколения выступает 63 %), третье место – стабильность (41 % составляет поколение Z), четвертое место – единство (от общего числа 32 % занимает поколение Z), пятое место – историческая память (здесь процент представителей поколения Z – 33 %).

«Государство мечты» – тема ключевого вопроса, требующего развернутого ответа. Мы попросили респондентов охарактеризовать «государство мечты». Для выявления закономерностей в ответах респондентов мы разделили эти ответы по поколениям и провели их лексико-семантический анализ, провели поиск, подсчет и сопоставление слов с одинаковыми или сходными лексическими значениями (см. табл. 1).

Таблица 1.
Каким Вы представляете государство, в котором Вам хотелось бы жить?

Ключевые слова	Число употреблений	
	поколение Z	поколение X
Армия	1	2
Безопасность	5	2
Бесплатный	0	2
Демократия	9	2
Закон	8	4
Зарплата	2	0
Искусство	1	0
Конституция	3	0
Медицина	4	4
Изменения/перемены	8	4
Мир (в значении «спокойствие», «отсутствие войны»)	3	6
Независимость	5	7

Ключевые слова	Число употреблений	
	поколение Z	поколение X
Наука	12	0
Образование	9	7
Пенсия	0	2
Права/справедливость/правда	25	22
Природа	1	0
Сила	16	8
Стабильность	22	20
Техника/технологии	4	3
Уверенность	1	2
(Честный) суд	13	11
Экология	15	0
Экономика	17	21

Ключевыми характеристиками «государства мечты» для поколения X и Z старшее поколение описывает представление о государстве через такие ключевые характеристики как стабильность (20), право/справедливость/правда (22) и экономика (21). Лексические значения более молодого поколения в целом совпадают, но иначе ранжированы. Так, максимальные значения относятся к экономике (17), право/справедливость/правда (25), замыкают тройку базовых характеристик сила (16) и стабильность (22).

Заключение

Традиционный конфликт отцов (X) и детей (Z) продолжается, но в минимально обостренной форме. Различиями в системе политических ценностей двух поколений является: старшему поколению в большей степени свойственен консерватизм в выборе ценностей и политических ориентациях, младшее поколение в большей степени ориентировано на перемены, но не на коренной слом существующих в обществе ценностных ориентаций. Свообразными

ценностными трендами и ориентирами развития для поколения Z является экологичность (забота о будущем, бережное отношением к природе), ориентация на прогресс в области развития искусства и науки. Поколение Z заинтересовано в ясных и прозрачных правилах взаимодействия общества и государства, в «прозрачном» судопроизводстве. Состояние «мы ждем перемен», безусловно, свойственно молодым людям, но перемены видятся им скорее в эволюции системы, нежели в ее радикальной трансформации. Не смотря на выявленные различия в системе ценностных ориентации, чаще всего наблюдается ситуация равновесия: соотношение респондентов в ответах на тот или иной вопрос почти всегда сохранялось 1:1. Следовательно, разрыв между поколениями не настолько велик, чтобы беспокоиться о недопонимании поколений, о нарушении преемственности, о «глухоте» двух сторон по отношению друг к другу. Неравенство мировоззрений необходимо как доказательство развития челове-

ства, и при плавном протекании этих изменений есть большая вероятность в том, что коммуникативный кризис обойдет нас стороной, люди будут слушать и прислушиваться, уважать другую точку зрения, даже если она не совпадает с собственной.

Представленные результаты исследования, на наш взгляд, отражают установленное на сегодняшний день ценностное состояние сознания россиян и задают направление дальнейшим глубинным исследованиям политических ценностей.

Библиографический список

1. Аносов С. С. Социально-психологическое состояние российского общества // Социология. 2021. № 3. С. 5–12.
2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. Москва : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
3. Евгеньева Т. В. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнёва, Д. Е. Антонов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №11(2). С. 63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71.
4. Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. 2-е изд. Санкт-Петербург : Вестник знания, 2011. 76 с.
5. *Левада Ю. А. Поколение XX века: возможности исследования // Мониторинг общественных мнений: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7-14.
6. Лебедев А. Н. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации / А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова // Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 22–45.
7. Малиновский П. В. Историческая ритмодинамика правящих элит России: к постановке проблемы // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. Москва: Современные тетради, 2004. С. 62–80.
8. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – созыательность – экономические амбиции / пер. с англ. Е. Я. Додина. Москва : ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. Москва : АСТ, 2009. 331 с.
10. Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм = Auguste Comte and positivism / Пер. с англ. И. И. Спиридонова. 3-е изд. Москва: URSS, 2011. 170 с.
11. Нестик Т. А. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России / Т. А. Нестик, А. В. Селезнева, Е. Б. Шестопад, А. В. Юревич // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 5. С. 3–14.
12. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Пер. с исп. ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. Москва : Весь Мир, 2000. 704 с.
13. Селезнева А. В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302.

14. Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 6-18.
15. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник. 2003 / отв. ред. Л. М. Дробижева. Москва : Институт социологии РАН, 2003. № 3. С. 213-237.
16. Смулькина Н. В. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ / Н. В. Смулькина, Н. Н. Рогач // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, №2. С. 138–147.
17. Шестопап Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии: монография. Москва: РОССПЭН, 2000. 431 с.
18. Шестопап Е. Б. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 150–165. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu23>. (Дата обращения: 01.12.2023).
19. Юрина М. В. Механизм политической идентификации в период первичной политической социализации // Вестник Московского университета. Политические науки. Серия 12. 2005. № 5. С. 101-105.
20. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун, Ю. В. Пелех, О. В. Маслова, М. В. Сокольская, Р. Д. Санжаева, А. Р. Монсонова, С. Б. Дагбаева, Ю. Ю. Неяскина, Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3.
20. Becker H. Dynamics of cohort and generation research. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992. P. 219-248.
21. «RuGenerations» – российская школа Теории поколений». URL: <https://rugenations.su/>. (Дата обращения: 07.11.2023).

Reference list

1. Anosov S. S. Social'no-psihologicheskoe sostojanie rossijskogo obshhestva = Sociopsychological state of Russian society // Sociologija. 2021. № 3. S. 5–12.
2. Bazovye cennosti rossijan: Social'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvolj. Mify = Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалева. Москва : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
3. Evgen'eva T.V. Politicheskaja kul'tura rossijskoj studencheskoj molodezhi: cennostnye, obrazno-simvolicheskie i povedencheskie aspekty = Political culture of Russian student youth: value, figurative-symbolic and behavioral aspects / Т. В. Evgen'eva, А. В. Seleznjova, D. E. Antonov // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021. №11(2). S. 63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71.
4. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii: slovo o polozhitel'nom myshlenii = Spirit of positive philosophy: word for positive thinking 2-e izd. Sankt-Peterburg : Vestnik znanija, 2011. 76 s.

5. *Levada Ju. A. Pokolenie XX veka: vozmozhnosti issledovanija = XX century generation: exploration opportunities // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2001. № 5 (55). S. 7-14.
6. Lebedev A. N. Psihologicheskoe sostojanie obshhestva i fenomen psihologicheskoy poljarizacii = Psychological state of society and the phenomenon of psychological polarization / A. N. Lebedev, O. V. Gordjakova // Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2019. T. 4. № 2 (14). S. 22–45.
7. Malinovskij P. V. Istoricheskaja ritmodinamika pravjashhhij elit Rossii: k postanovke problem = Historical rhythmodynamics of the ruling elites of Russia: to formulation of the problem // Mikropolitika. Sub#ektivnye aspekty politicheskogo processa v Rossii. Moskva: Sovremennye tetradi, 2004. S. 62–80.
8. Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij – sostjazatel'nost' – jekonomicheskie ambicii = Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations – adversarial – economic ambitions / per. s angl. E. Ja. Dodina. Moskva : INION RAN, 2000. 162 s.
9. Markuze G. Odnomernyj chelovek = One-dimensional person / per. s angl. A. A. Judina. Moskva : AST, 2009. 331 s.
10. Mill' D. S. Ogjust Kont i pozitivizm = Auguste Comte and positivism / Per. s angl. I. I. Spiridonova. 3-e izd. Moskva: URSS, 2011. 170 s.
11. Nestik T. A. Problema psihologicheskogo sostojanija obshhestva i politicheskijh processov v sovremennoj Rossii = The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia / T. A. Nestik, A. V. Selezneva, E. B. Shestopal, A. V. Jurevich // Voprosy psihologii. 2021. T. 67, № 5. S. 3–14.
12. Ortega-i-Gasset X. Izbrannye trudy = Selected works / Per. s isp. ; sost., predisl. i obshh. red. A. M. Rutkevicha. 2-e izd. Moskva : Ves' Mir, 2000. 704 s.
13. Selezneva A. V. Politicheskie cennosti rossijskoj molodezhi: sociokul'turnye osobennosti i identifikacionnyj potencial = Political values of Russian youth: socio-cultural features and identification potential // Obshhestvo. Kommunikacija. Obrazovanie. 2020. T. 11, № 3. S. 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302
14. Selezneva A. V. Politicheskie cennosti v sovremennom rossijskom massovom soznanii: psihologicheskij analiz = Political malues in the modern Russian mass consciousness: psychological analysis // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2014. № 2. S. 6-18.
15. Semenova V. V. Sovremennye konceptual'nye i jempiricheskie podhody k ponjatiju «pokolenie» = Modern conceptual and empirical approaches to the concept of “generation” // Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik. 2003 / otv. red. L. M. Drobizheva. Moskva : Institut sociologii RAN, 2003. № 3. S. 213-237.
16. Smul'kina N. V. Psihologicheskoe sostojanie rossijan raznogo vozrasta: politiko-psihologicheskij analiz = Psychological state of Russians of different ages: political and psychological analysis / N. V. Smul'kina, N. N. Rogach // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. T. 12, №2. C. 138–147.
17. Shestopal E. B. Psihologicheskij profil' rossijskoj politiki 1990-h. Teoreticheskie i prikladnye problemy politicheskoy psihologii = Psychological profile of Russian politics of the 1990s. Theoretical and applied problems of political psychology: monografija. Moskva : ROSSPJeN, 2000. 431 s.
18. Shestopal E. B. Jetapy transformacii psihologicheskogo sostojanija rossijskogo obshhestva: politiko-psihologicheskij analiz = Stages of transformation of the psychological

state in Russian society: political and psychological analysis // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2023. T. 19, № 2. S. 150–165. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu23>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

19. Jurina M. V. Mehanizm politicheskoy identifikacii v period pervichnoj politicheskoy socializacii = Mechanism of political identification during the period of primary political socialization // Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki. Serija 12. 2005. № 5. S. 101-105.

20. Janickij M. S. Sistema cennostnyh orientacij «pokolenija Z»: social'nye, kul'turnye i demograficheskie determinanty = “Generation Z” value orientation system: social, cultural and demographic determinants / M. S. Janickij, A. V. Seryj, O. A. Braun, Ju. V. Peleh, O. V. Maslova, M. V. Sokol'skaja, R. D. Sanzhaeva, A. R. Monsonova, S. B. Dagbaeva, Ju. Ju. Nejaskina, R. V. Kadyrov, T. V. Kapustina // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2019. № 72. S. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3.

20. Becker H. Dynamics of cohort and generation research. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992. P. 219-248.

21. «RuGenerations» – rossijskaja shkola Teorii pokolenij». URL: <https://rugenations.su/>. (Data obrashhenija: 07.11.2023).

*** Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады» выполняет функции иностранного агента**

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 25.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 322.22
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-38
EDN: MVYNEA

Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций

Ольга Валентиновна Попова

Доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
rov_64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-7767>

Аннотация. Актуальность статьи определяется развитием направления исследований в российской политологии – политикой идентичности в агломерациях. При том, что изучение агломераций как экономического феномена активно ведется уже несколько десятилетий, политика идентичности как стратегии формирования образа «своей» территории неэкономическими средствами, пока лишь начинает восприниматься учеными и политиками-практиками как значимая. Реальные практики осуществления политики идентичности в агломерациях традиционно связываются с действиями региональных властей в контексте формирования образа территории проживания как «своей» на уровне региона или города, выполняющего функции ядра агломерации с более чем многомиллионным населением. В российских условиях – это 14 областных центров, кроме того, два мегаполиса, Москва и Санкт-Петербург, являясь самостоятельными субъектами федерации, одновременно выполняют роль городов-регионов. Политика идентичности в данном случае касается формирования уникального образа территории в массовом сознании и позитивного образа «мы». В статье ставится вопрос о принципиально значимой роли муниципалитетов в осуществлении политики идентичности агломерации. Парадоксальным образом при очень небольших бюджетах местные власти имеют серьезный ресурс: возможность знакомства жителей между собой и формирования достаточно сплоченного сообщества за счет участия в совместных проектах по благоустройству и наведению порядка (в узкопрактическом и широком значении этого слова). Автор понимает, что формальное внедрение в перечень обязанностей управленцев на локальном, городском и региональном уровнях цели осуществления политики идентичности жителей агломерации будет восприниматься как ненужные дополнительные обязанности с трудно прогнозируемой перспективой практической реализации. Тем не менее приведенные примеры и описание возможных способов действий позволяет с определенной степенью оптимизма смотреть на этот процесс.

Ключевые слова: агломерации; мегаполис; органы местного самоуправления; политика идентичности; муниципальное образование; стратегия; Россия

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта N 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта»

Для цитирования: Попова О. В. Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 38-50. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>. <https://elibrary.ru/MVYNEA>.

Original article

Role of municipalities in shaping the policy of russian agglomerations identity

Olga V. Popova

Doctor of political sciences, candidate of sociological sciences, professor, head of department of political institutes and applied political research, St. Petersburg state university, St. Petersburg

pov_64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-7767>

Abstract. The relevance of the article is determined by the development of research in Russian political science – identity politics in agglomerations. Despite the fact that the study of agglomerations as an economic phenomenon has been actively conducted for several decades, identity politics as a strategy for forming the image of “own” territory by non-economic means is only beginning to be perceived by scientists and practitioners as significant. Real practices for implementing identity policy in agglomerations are traditionally associated with actions of regional authorities in the context of forming the image of settlement area as “own” at the level of a region or city, acting as the core of the agglomeration with more than a multi-million population. In Russian conditions, these are 14 regional centers with two megacities, Moscow and St. Petersburg, being independent subjects of the federation, simultaneously play the role of regional cities. Identity politics in this case concerns the formation of a unique image of territory in the mass consciousness and a positive image of “we”. The article raises the question of the fundamentally significant role of municipalities in implementing the identity policy of the agglomeration. Paradoxically, with very small budgets, local authorities have a serious resource: the possibility to acquaint residents with each other and form a fairly close-knit community through participation in joint projects to improve and restore the order (in the narrow practical and broad meaning of this word). The author understands that the formal introduction into the list of responsibilities of managers at the local, city and regional levels of the goal of implementing the identity policy of the inhabitants of the agglomeration will be perceived as unnecessary additional responsibilities with a difficult to predict prospect of practical implementation. Nevertheless, the examples given and the description of possible methods of action allows considering this process with a certain degree of optimism.

Keywords: agglomerations; metropolis; local governments; identity politics; municipality; strategy; Russia

The research was carried out at St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project N 23-28-00933 “Identity politics in Russian agglomerations in the context of international experience”

For citation: Popova O. V. Role of municipalities in shaping the policy of russian agglomerations identity. *Social and political researches*. 2024;1(22): 38-50. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>. <https://elibrary.ru/MVYHEA>.

Введение

Агломерация – это территориальное жилое образование, включающее ряд городских поселений (или городских и сельских поселений), которые в результате роста численности населения и физического расширения объединились в один непрерывный городской или промышленно развитый район. Наиболее простой моделью агломерации является одноуровневая модель, которая появляется в ходе слияния самостоятельных муниципальных образований. Еще одним способом организации данного типа агломерации является включение в состав городского муниципалитета близлежащих земель [Сирина, 2017].

В рамках договорной агломерации происходит заключение договоров между муниципалитетами и региональными образованиями, направленными на реализацию стратегии совместного развития. В этом типе агломераций реализуются инфраструктурные проекты, проводится согласованная политика по социальным, экономическим, жилищным, финансовым и другим вопросам. Данная модель предусматривает создание совместных органов управления, однако муниципалитеты сохраняют самостоятельность в рамках оперативного управления, а деятельность совместного органа управления направлена исключительно на решение стратегических вопросов. Это определяет главное преимуще-

ство данной модели – сравнительную гибкость модели управления. Основной недостаток договорной модели агломерации – требование достижения консенсуса по различным вопросам, что зачастую довольно сложно.

Создание агломерации с сохранением муниципалитетов нижнего уровня и их автономии носит название двухуровневой модели. При такой организации муниципалитеты передают часть своих полномочий на высший, агломерационный уровень, но оставляют за собой часть функций. *Двухуровневая агломерация характеризуется следующими признаками.* Во-первых, создается муниципальное образование «второго уровня», однако уже существующие муниципалитеты сохраняются. Во-вторых, образованию «второго уровня» присваивается координирующая роль. В-третьих, определяется специальная компетенция агломерационного образования. Виды агломераций весьма разнообразны. Выделяют моноядерные (однойдерные) и полиядерные (двухядерные) агломерации типа «город-район», «город-моногорода», «город-сельские поселения», но в любом случае «первокирпичиком» в них выступают локальные сообщества, связанные, прежде всего, с муниципальным устройством поселения [Меркурьев, 2013; Меркурьев, 2015; Kübler, 2016; Белокина, 2023; Кабалинский, 2023].

В современной России насчитывается более 130 агломераций различного типа. С 2010 г. наблюдается повышенное внимание к развитию агломераций в РФ. Свыше 7 лет функционирует план мероприятий («дорожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации», в соответствии с которым/ой предлагается развивать следующие агломерации: Барнаульскую, Кузбасскую, Новосибирскую, Красноярскую, Владивостокскую, Южно-Башкортостанскую, Махачкалинско-Каспийскую, Самаро-Тольяттинскую, Горнозаводскую, Ставропольскую, Тульскую, Ульяновско-Дмитровградскую, Челябинскую, Березниковско-Соликамскую, Абакано-Черногорскую. Стратегия развития сети агломераций в России связывается с концепцией устойчивого развития государства [Полянская, 2021; Суворова, 2023].

В настоящее время разработан проект Федерального закона «О городских агломерациях» (Проект Федерального закона «О городских агломерациях» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 01/05/09-20/00107906) (не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, текст по состоянию на 04.09.2020). Цель проекта заключается в законодательном определении условий функционирования городских агломераций, порядок межмуниципального сотрудничества входящих муниципальных образований [Доклад о состоянии ... , 2021]. В настоящий

момент накоплен определенный практический опыт межмуниципального сотрудничества в рамках агломераций [Меркурьев, 2016; Меркурьев, 2022].

В России сейчас существуют 16 агломераций с ядром-мегаполисом. Самыми крупными агломерациями являются Москва и Санкт-Петербург; агломерации Воронежа, Краснодара и Самары (двухъядерная Самарско-Тольяттинская) будучи крупными промышленными центрами, захватывают расположенные рядом сельскохозяйственные типы поселений; в агломерациях Волгограда, Екатеринбург (большого Екатеринбурга), Казани, Красноярска (большого Красноярска), Нижнего Новгорода (Нижегородская), Новосибирска (большого Новосибирска), Омска, Перми, Челябинска, Ростова-на-Дону (Большого Ростова), Уфы сопутствующие поселения преимущественно городского типа. Эти гигантские агломерации охватывают свыше 50 % населения. Важно, что именно они обеспечивают синергетический эффект развития экономической и логистической составляющих. Агломерации с ядром-мегаполисом опираются на уникальные трудовые ресурсы, но также сюда можно отнести территориальную потребность, водоснабжение, инфраструктуру, места под складирование, переработку и захоронение твердых бытовых отходов. Но и эти гиганты строятся на элементарных образованиях – муниципалитетах.

Развитие агломераций с необходимостью порождает планы развития муниципальных образований в границах, которые превышают их фактические административно-территориальные. Считается, что *на данный момент существует два варианта решения данной проблемы:*

1. Строительство объектов на границе муниципальных образований.

2. Строительство объектов за границами города.

Типичный пример – отношения Санкт-Петербурга с Ленинградской областью и Москвы с Московской областью по проблемам дорог, налогов, больниц, вывоза, хранения и переработки мусора с учетом того, что с апреля по октябрь огромное количество дачников едет из мегаполисов за город в садоводства и на дачные участки [Михайленко, Золотарев, 2022].

Современная урбанистика во многом отходит от традиционного представления о городах как о центрах только экономических и политических процессов, контролируемых государством. Ставка делается на сотрудничество управленческих структур, рядовых граждан и каких-то частных бизнес-структур. Развитие экономики исключительно важно, но в настоящее время важно развитие не только ее.

В Стратегии пространственного развития страны агломерации определяются как полюса экономического роста и воспроизводства человеческого капитала [Об утверждении Основ ...].

Агломерации муниципальных образований являются приоритетным вектором развития федеральных и региональных органов власти, а также механизмом совершенствования существующей системы местного самоуправления, так как именно они аккумулируют инновации, финансовые ресурсы и человеческий капитал и определяют темпы экономического роста.

Формирование идентичности в контексте осуществления политики идентичности

Какая связь между темой политики идентичности агломераций и функциями муниципалитетов, тем более что изучение политики идентичности городских агломераций находится пока на этапе становления в современной науке? *Человеческий капитал – это совокупность интеллектуального потенциала, знаний, практических навыков, опыта деятельности, которые подлежат использованию в хозяйственной практике и обеспечивают ее эффективность.* Но человек – не робот, реализующий свою экономическую функцию в государстве. Определить свое место в мире – это задача, которая требует обращения к системе личных духовных координат, к размышлениям о себе и о мире. Присутствие человека в мире, пространственно-временные аспекты его существования не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Для взрослого человека вопросы «Кто я?», «Кто мы?» требуют своего уточнения, если не постоянно, то хотя бы

время от времени. Этот поиск актуализирует проблематику идентичности на всех уровнях – от индивидуальной идентичности до национально-государственной и затрагивает, в том числе все уровни территориальной идентичности – локальную, городскую, агломерационную, региональную [Горнова, 2019]. Совершенно очевидно, что конструирование образа «мы-сообщества» для индивида проще на уровне «видимости», хотя фактор «защищенности» лучше работает на уровне *значительных по размеру* сообществ.

Человеческая потребность соотносить себя с социальной группой, разделять с другими идеологические и ценностные установки реализуется в разных формах идентичности: наиболее очевидной для индивида является его локальная идентичность. В наше время локальная идентичность в большей степени связана с первоначальным пониманием политики идентичности (“identity politics”) как борьбы за признание, поскольку именно небольшие локальные сообщества способны в течение продолжительного времени аккумулировать ресурсы и агрегировать интересы группы. Инициативы гражданского общества, связанные с территориальной идентичностью, часто возникают на локальном уровне и связаны с защитой территории проживания от каких-либо проектов власти или бизнеса, которые могут деструктивно, по мнению жителей, влиять на окружающую их среду.

Многие исследователи в качестве значимого фактора формирования идентичности склонны рассматривать материальные предпочтения, не выгоду как таковую, но нечто, связанное с повышением социального капитала. Например, утверждается, что одним из возможных последствий включения муниципалитетов в проекты развития агломераций исследователи видят «сбалансированное развитие муниципальных образований за счёт снижения дифференциации качества жизни в населённых пунктах (в том числе благодаря появлению в них эффективно функционирующей системы стратегического планирования), организации эффективного взаимодействия между территориями, входящими в состав агломераций, развития межрегиональных связей области с другими субъектами Российской Федерации» [Суворова, 2023, с. 78]. В данном случае речь идет о минимизации разрывов доходов и уровня жизни. Но если возможность получения материальной выгоды оказывается не столь очевидной, то роль «первой скрипки» достаточно легко играет культурная политика, воспроизводящая сходные ценности или общие смыслы за счет, например, формирования «легенды» территории.

В более широкой перспективе вопрос может стоять и несколько иначе: при должном понимании и выстраивании политики управления агломерацией неизбежно встанет вопрос о развитии символических проектов, связанных с развитием культуры. Например, в Нижегород-

ской агломерации в 2019 году был создан Институт развития агломерации Нижегородской области (государственное бюджетное учреждение Нижегородской области). Буквально спустя 2 года, в 2021 году начал реализовываться Проект городской идентичности «Быть, а не казаться», направленный на позитивное позиционирование как самих нижегородцев, так и продвигаемых ими проектов по благоустройству конкретных районов города, продвижению программ демонстрирующих талантов горожан.

С 2022 года в Нижегородской области функционирует орган управления на уровне именно агломерации, – штаб по вопросам работы общественного транспорта нижегородской агломерации – который решает исключительно важный практический вопрос инфраструктуры. Тогда же, в 2022 г, разработан Проект кураторства «Базовое развитие Нижегородской агломерации», отвечает за его реализацию заместитель губернатора Нижегородской области. Кроме того, менее чем через год был запущен еще один Проект «Нижний Новгород – молодёжная столица России», который должен решить важную задачу создания позитивного образа города у представителей новых поколений. Считается, что в некоторых случаях при проведении политики идентичности на локальном уровне власти действуют подчас интуитивно. Например, Проект в Пермском крае «Пермский край – территория культуры» (2007 г.) строился по такому же принципу,

принципу «привлекательной неопределенности» [Назукина, 2022].

Внимание исследователей к таким неполитическим факторам как формирование коллективной идентичности при оценке качества функционирования публичной власти субъектов федерального уровня представляется значимым сигналом междисциплинарности исследования, в том числе и политики идентичности в агломерациях [Дахин, 2021]. При этом у исследователей не вызывает никаких сомнений то, что политика идентичности в агломерациях осуществляется, прежде всего, политическими акторами [Гришин, 2023], но с активным привлечением акторов неполитических, реализующих то, что называется отраслевой политикой. Исследователи убеждены, что у жителей агломераций формируется особое мышление в плане восприятия «своей» территории и образа «мы» [Бирюлина, 2016], что отчетливо проявляется в особенностях общественных движений городских агломераций [Саенко, 2022].

Важно понимать, что территориальное сообщество всегда формируется посредством самоопределения и взаимного определения по принципу «свой-чужой». Но если на уровне локальных сообществ, например, тех же муниципалитетов формируется почти зримый образ жителя конкретной территории (например, житель Лиговки в Санкт-Петербурге, по определению, будет отличаться от жителя Невского проспекта, хотя они имеют точку пересечения в буквальном географическом смысле), то это

дает основание думать о гипотетически возможном вкладе муниципалитетов в политику идентичности агломерации.

На наш взгляд, вопрос должен стоять иначе: если существование человека в современных агломерациях, включая места его жизни, работы, отдыха почти неизбежно охватывает большие пространства, то для комфортного существования необходимо наличие позитивного ощущения «как дома» не только с этими локальными точками, но и с пространством между ними, и за их пределами. Это касается также и преодоления рисков атомизации социума; ощущение позитивного образа «мы» объективно снижает риски социальной и политической напряженности [Горлачёв, 2023].

Сегодня легко представить ситуацию гастарбайтера (не имеет значения, приехал он в агломерацию с ядром-мегаполисом из соседнего региона или из другого государства), который относится к этому огромному пространству гигантского города абсолютно равнодушно, только лишь как к месту зарабатывания/добывания денег. Совершенно очевидно, что в этом случае характер проявления его равнодушия зависит исключительно от степени культуры этого человека: кто-то не будет делать ничего хорошего для этого гигантского «дома», но люди с низким культурным опытом неизбежно будут разрушать его своим равнодушием, а то и сознательными деструктивными действиями. Возможно использование политики «интеркуль-

турализма» как «стратегии управления многообразием» поможет решить вопрос о мягкой, постепенной адаптации мигрантов к гигантским многомиллионным агломерациям [Паин, 2020].

В 2017 году в рамках исследования идентичности жителей Санкт-Петербурга при опросе были получены отдельные весьма циничные ответы людей об отношении к этому прекрасному городу. Необходимо напомнить, что в настоящее время не менее трети проживающих в Санкт-Петербурге родились и выросли, прошли первичную и вторичную социализацию не просто в других местах, но совершенно в иных культурных условиях.

«Хмурый, противный холодный и мокрый город. Остаюсь тут только из-за того, что здесь можно заработать деньги», – это еще не самое жесткое высказывание. Люди с такими установками объективно настроены враждебно как к мегаполису, так и к тем горожанам, которые считают Санкт-Петербург родным. Проведенные нами в 2013 и 2017 г. исследования показали, что период полной адаптации мигрантов к жизни в Санкт-Петербурге (если она происходит) в среднем составляет пять лет. Необходимо отметить, что в настоящее время в России накоплен немалый опыт институционализованных практик адаптации мигрантов к жизни в мегаполисах [Капицын, 2018].

Фиксация позитивного отношения к территории – это не отношение к месту, физическому пространству,

это восприятие в качестве «своего», «родного» некоего символического культурного ландшафта, который мы наделяем некоторым символическим смыслом, мифологизируем. Может ли эта «своя» территория быть настолько большой, чтобы охватить значительные пространства современного мегаполиса и даже агломерации? Этот вопрос кажется нам почти риторическим, не требующим ответа. Однако если на уровне муниципалитета, точки проживания индивида через вовлечение человека в социально значимую общественную деятельность или, наоборот, игру, перформанс (квест с загадками на знание истории, культуры, тайн мегаполиса) транслируется информация о других районах, о городе или агломерации в целом, то есть используется дискурс, связанный с мегаполисом или агломерацией, можно быть уверенным, что позитивное отношение к агломерации как к «большому дому» будет постепенно формироваться.

Фактически речь идет о практическом использовании концепции культурного гражданства и превращении культурной политики в один из достаточно эффективных инструментов политики идентичности. Подобные проекты оказываются эффективными, если мегаполис или агломерация с ядром-мегаполисом не будут восприниматься как «куча хорошо сложенных камней»; важно переключение на исключительно позитивные образы

людей данной конкретной территории. Комбинирование темы уникального образа места, его мифологемы, рождения и жизни на конкретной территории значимых исторических личностей/героев, а также монументализация места – это все необходимые условия формирования позитивного отношения к определенной территории, даже если человек родился и вырос в других культурных условиях.

Заключение

В настоящее время невозможно, да и не нужно ставить перед местными, городскими или региональными властями задачу формирования идентичности населения с собственнo агломерацией, однако успешное развитие агломераций возможно только в случае полноценного функционирования осуществляющих агломерационную политику идентичности структур государственной власти на уровне от муниципалитетов до региона с поддержкой управленческих структур ядра агломерации и его спутников, привлечения органами власти для реализации политики идентичности в агломерации образовательных и общественных организаций, движений, групп, бизнес-корпораций (компаний), средств массовой информации и эффективного использования интернет-ресурсов, качественно реализуемых в агломерации государственных программ развития территории и населения.

Библиографический список

1. Белокина В. В. Зарубежный опыт управления и развития городскими агломерациями // Самоуправление. 2023. № 2. С. 216–220.

2. Бирюлина В. В. Особенности агломерационного мышления: отечественная и зарубежная практика / В. В. Бирюлина, И. И. Юрасова // XI Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен» : сб. докладов. Екатеринбург, 17–19 ноября 2016 г. Ч. 2. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2016. С. 217–226.
3. Горлачев Р. Ю. О консолидации населения муниципальных образований России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 7. С. 33–37.
4. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск : Амфора, 2019. 167 с.
5. Гришин Н. В. Политические элиты и политика идентичности городских агломераций // Вопросы элитологии. 2023. № 2. С. 62–74.
6. Дахин А. В. Отечественная политическая регионалистика в контексте становления единой системы публичной власти в России: транзит концепций и практик // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука : ежегодник 2020–2021. Томск : Изд-во ТГУ, 2021. С. 411–433.
7. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации. Межмуниципальное сотрудничество как механизм управления городскими агломерациями : монография / под ред. К. А. Ивановой ; науч. ред. Э. Маркварт. Москва : Проспект, 2021. 324 с.
8. Кабалинский А. И. Местное самоуправление на территории российских макро-регионов // Самоуправление. 2023. № 2. С. 597–601.
9. Капицын В. М. Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14). С. 158–166.
10. Меркурьев В. В. Организация межмуниципального сотрудничества в регионе посредством создания агломераций // VIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2016. С. 556.
11. Меркурьев В. В. Развитие агломераций муниципальных образований как фактор совершенствования территориального размещения населения / В. В. Меркурьев, Е. В. Мягков // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. URL: <https://eee-region.ru/article/6913/>. (Дата обращения 01.12.2023).
12. Меркурьев В. В. Особенности организации и управления агломерациями муниципальных образований в зарубежных странах / В. В. Меркурьев, П. Д. Косинский // Социально-экономические проблемы современной российской экономики : коллективная монография. Москва : ИД «Экономическая газета», 2013. С. 33–51.
13. Меркурьев В. В. Формирование агломераций муниципальных образований: теоретические и прикладные аспекты / П. Д. Косинский, В. В. Меркурьев, А. Г. Чупрякова. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. 206 с.
14. Михайленко Е. Б. Феномен города-региона: проблемы теоретических интерпретаций / Е. Б. Михайленко, Ф. Е. Золотарев // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 4. С. 572–588.
15. Назукина М. В. Конкурс «Центры культуры Пермского края» как инструмент политики идентичности на локальном уровне // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 327–342. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-327-342>.

16. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017. №13. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221>. (Дата обращения: 01.12.2023).

17. Паин Э. А. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России / Э. А. Паин, С. Ю. Федюнин // Полис. Политические исследования. 2020. №1. С. 114-134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.09>.

18. Полянскова Н. В. Управление городскими агломерациями в контексте устойчивого развития территорий / Н. В. Полянскова, Г. И. Беляева // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. №5 (199). С. 18–25. DOI: 10.46554/1993-0453-2021-5-199-18-25.

19. Саенко В. Н. Отличительные особенности общественных движений городской агломерации / В. Н. Саенко, В. В. Лазарева // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 2(6). С. 91–98.

20. Сирина Д. А. Подходы к исследованию структуры городских агломераций // Интернет-журнал «Наукovedение». 2017. Том 9, №1 (2017). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/12TVN117.pdf>. (Дата обращения: 01.12.2023).

21. Суворова А. В. Ориентиры пространственного развития региона: кейс Свердловской и Челябинской областей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-74-83.

22. Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual level analysis from Switzerland // Journal of urban affairs. 2016. Т. 40. № 1. P. 63-81.

Reference list

1. Beljukina V. V. Zarubezhnyj opyt upravlenija i razvitija gorodskimi aglomeracijami = Foreign experience in the management and development of urban agglomerations // Samoupravlenie. 2023. № 2. S. 216–220.

2. Birjulina V. V. Osobennosti aglomeracionnogo myshlenija: otechestvennaja i zarubezhnaja praktika = Peculiarities of agglomeration thinking: domestic and foreign practice / V. V. Birjulina, I. I. Jurasova // XI Mezhdunarodnaja konferencija «Rossijskie regiony v fokuse peremen» : sb. dokladov. Ekaterinburg, 17–19 nojabrja 2016 g. Ch. 2. Ekaterinburg : Izdatel'stvo UMC UPI, 2016. S. 217–226.

3. Gornachjov R. Ju. O konsolidacii naselenija municipal'nyh obrazovanij Rossii = On consolidation of the population of municipalities in Russia // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2023. № 7. S. 33–37.

4. Gornova G. V. Gorodskaja identichnost': filosofsko-antropologicheskie osnovanija = Urban identity: philosophical and anthropological foundations: monografija. Omsk : Amfora, 2019. 167 s.

5. Grishin N. V. Politicheskie jelity i politika identichnosti gorodskih aglomeracij = Political elites and identity politics of urban agglomerations // Voprosy jelitologii. 2023. № 2. S. 62–74.

6. Dahin A. V. Otechestvennaja politicheskaja regionalistika v kontekste stanovlenija edinoj sistemy publichnoj vlasti v Rossii: tranzit koncepcij i praktik = Domestic political regionalism in the context of the formation of a unified system of public power in Russia: transit of concepts and practices // Mozaichnoe pole mirovoj i rossijskoj publichnoj politiki. Politicheskaja nauka : ezhegodnik 2020–2021. Tomsk : Izd-vo TGU, 2021. S. 411–433.

7. Doklad o sostojanii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii. Mezhmunicipal'noe sotrudnichestvo kak mehanizm upravlenija gorodskimi aglomeracijami = Report on the state of local self-government in the Russian Federation. Inter-municipal cooperation as a mechanism for managing urban agglomerations: monografija / pod red. K. A. Ivanovoj. Nauchnyj redaktor izdanija Je. Markvart. Moskva : Prospekt, 2021. 324 s.

8. Kabalinskij A. I. Mestnoe samoupravlenie na territorii rossijskih makroregionov = Local government in the territory of Russian macro-regions // Samoupravlenie. 2023. № 2. S. 597–601.

9. Kapicyн V. M. Reguljatory adaptacii migrantov (voprosy metodologii i klassifikacii) = Migrant adaptation regulators (methodology and classification issues) // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2018. № 1 (14). S. 158–166.

10. Merkur'ev V. V. Organizacija mezhmunicipal'nogo sotrudnichestva v regione posredstvom sozdaniya aglomeracij = Organization of inter-municipal cooperation in the region through the creation of agglomerations // VIII Vserossijskaja nauchno-praktičeskaja konferencija molodyh učenyh s mezhdunarodnym uchastiem «Rossija molodaja». Kemerovo : Kuzbasskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet imeni T. F. Gorbacheva, 2016. S. 556.

11. Merkur'ev V. V. Razvitie aglomeracij municipal'nyh obrazovanij kak faktor sovershenstvovanija territorial'nogo razmeshhenija naselenija = The development of agglomerations of municipalities as a factor in improving the territorial placement of the population / V. V. Merkur'ev, E. V. Mjagkov. // Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. URL: <https://eee-region.ru/article/6913/>. (Data obrashhenija 01.12.2023).

12. Merkur'ev V. V. Osobennosti organizacii i upravlenija aglomeracijami municipal'nyh obrazovanij v zarubezhnyh stranah = Peculiarities of organization and management of agglomerations in foreign countries municipalities / V. V. Merkur'ev, P. D. Kosinskij // Social'no-jekonomičeskije problemy sovremennoj rossijskoj jekonomiki : kollektivnaja monografija. Moskva : ID «Jekonomičeskaja gazeta», 2013. S. 33–51.

13. Merkur'ev V. V. Formirovanie aglomeracij municipal'nyh obrazovanij: teoreticheskie i prikladnye aspekty = Formation of municipalities agglomerations: theoretical and applied aspects / P. D. Kosinskij, V. V. Merkur'ev, A. G. Chuprjakova. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2015. 206 s.

14. Mihajlenko E. B. Fenomen goroda-regiona: problemy teoretičeskij interpretacij = The phenomenon of the city-region: problems of theoretical interpretations / E. B. Mihajlenko, F. E. Zolotarev // Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija). 2022. T. 14, № 4. S. 572–588.

15. Nazukina M. V. Konkurs «Centry kul'tury Permskogo kraja» kak instrument politiki identičnosti na lokal'nom urovne = Competition “Culture Centers in the Perm Territory” as an instrument of identity politics at the local level // Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija). 2022. T. 14, № 2. S. 327–342. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-327-342>.

16. Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16.01.2017 = On the approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2017. №13. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

17. Pain Je. A. Politika interkul'turalizma i vozmozhnosti ee primeneniya v Rossii = Policy of interculturalism and its application in Russia / Je. A. Pain, S. Ju. Fedjunin // Polis. Politicheskie issledovanija. 2020. №1. S. 114-134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.09>.

18. Poljanskova N. V. Upravlenie gorodskimi aglomeracijami v kontekste ustojchivogo razvitiya territorij = Management of urban agglomerations in the context of sustainable development of territories / N. V. Poljanskova, G. I. Beljaeva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2021. №5 (199). S. 18–25. DOI: 10.46554/1993-0453-2021-5-199-18-25.

19. Saenko V. N. Otlichitel'nye osobennosti obshhestvennyh dvizhenij gorodskoj aglomeracii = Distinctive features of social movements of the urban agglomeration / V. N. Saenko, V. V. Lazareva // Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovyh issledovanij. 2022. № 2(6). S. 91–98.

20. Sirina D. A. Podhody k issledovaniju struktury gorodskih aglomeracij = Approaches to the study of the structure of urban agglomerations // Internet-zhurnal «Naukovedenie». 2017. Tom 9, №1 (2017). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/12TVN117.pdf>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

21. Suvorova A. V. Orientiry prostranstvennogo razvitiya regiona: kejs Cverdlovskoj i Cheljabinskoj oblastej = Reference points of spatial development of the region: case of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 29, № 1. S. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-74-83

22. Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual level analysis from Switzerland // Journal of urban affairs. 2016. T. 40. № 1. P. 63-81.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 323.2
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-51
EDN: JPDTBU

Муниципальная публичная политика: кейс Вологодской области

Лариса Игоревна Никовская^{1✉}, Владимир Николаевич Якимец²

¹Доктор социологических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ, г. Москва.

²Доктор социологических наук, кандидат технических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации им. Харкевича Российской академии наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ, г. Москва.

¹nikosky@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

²iakimets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования муниципальной публичной политики в Вологодской области – на примере городского округа Вологда и Вологодского муниципального округа. Данный муниципальный округ присоединяется к процессу муниципальных преобразований, связанных с переходом к одноуровневой системе организационно-территориального устройства местного самоуправления. Показано, что в городском округе Вологда сложился разрывной тип публичной политики, связанный с пассивной позицией местной власти, выходящей переходную ситуацию и занимающей пассивную позицию, что негативно сказывается на качестве взаимодействия с представителями малого и среднего бизнеса. Интегральный индекс муниципальной публичной политики показал, что преимущественно негативные оценки малого и среднего бизнеса и пассивная позиция местной власти привели к утрате партнерского духа коммуникативной составляющей в округе, что сказалось на неблагоприятном статусе основных сторон публичного взаимодействия. Вологодской муниципальный округ, включенный в процесс муниципальных преобразований, сформировал наиболее стратегически верный тип муниципальной публичной политики – партнерский, который позволяет использовать деловой и гражданский ресурс местного сообщества в целях более гладкого и конструктивного перехода к новой модели муниципального управления и снижения издержек репрезентативности общественных интересов основных целевых групп межсекторного взаимодействия в поле публичной политики. В этом отношении очень важен стилевой результат выбора проведения общественных изменений: – с опорой на диалоговые и партнерские принципы взаимодействия с деловой и гражданской инициативой, местным сообществом в целом, чтобы смягчить возможные дисфункции муни-

ципальных преобразований и разрывные моменты муниципальной публичной политики, или опираясь на технологически-административный подход.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная публичная политика; тип муниципальной публичной политики; межсекторное партнерство; диалог; конструктивное взаимодействие; гражданское общество; муниципальные преобразования

Для цитирования: Никовская Л. И., Якимец В. Н. Муниципальная публичная политика: кейс Вологодской области // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 51-67. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-51>. <https://elibrary.ru/JPD7BU>.

Original article

Municipal public policy: the Vologda region case

Larisa I. Nikovskaya¹✉, Vladimir N. Yakimets²

¹Doctor of sociological sciences, candidate of philosophical science, chief researcher at the Institute of sociology of the Federal research sociological Center of the Russian academy of sciences, professor at the Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow.

²Doctor of sociological sciences, candidate of technical sciences, chief researcher at the Kharkevich Institute for information transmission of the Russian academy of sciences, professor at the Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow.

¹nikosky@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

²iakimets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>

Abstract. The article provides results of the sociological study of municipal public policy in the Vologda region – on the example of the urban district of Vologda and the Vologda municipal district. This municipal district joins the process of municipal transformations related to the transition to a single-level system of the organizational and territorial structure of local self-government. It was shown that in the urban district of Vologda there was a discontinuous type of public policy associated with the passive position of local authorities, waiting for a transitional situation and having a passive position, which negatively affects the quality of interaction with representatives of small and medium-sized businesses. The integral index of municipal public policy showed that mostly negative assessments of small and medium-sized businesses and the passive position of local authorities led to a loss of the partnership spirit of the communicative component in the district, which affected the unfavorable status of the main parties to public interaction. The Vologda municipal district, included in the process of municipal transformation, has formed the most strategically correct type of municipal public policy – partner, which allows you to use the business and civil resources of the local community in order to more smoothly and constructively transit to a new model of municipal management and reduce the costs of the representativeness of public interests of the main target groups of inter-sector interaction in the field of public policy. In this regard, the style result of choosing to carry out public changes is very important: based on dialogue and partnership principles of interaction with a business and civil initiative, the local community as a whole, in order to mitigate possible dysfunctions of municipal

transformations and gaps in municipal public policy, or relying on a technological and administrative approach.

Keywords: local government; municipal public policy; type of municipal public policy; cross-sector partnerships; dialogue; structural interaction; civil society; municipal transformations

For citation: Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. Municipal public policy: the Vologda region case. *Social and political researches*. 2024;1(22): 51-67. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-51>. <https://elibrary.ru/JPDTBU>.

Введение

На состоявшемся впервые в истории муниципальной России Форуме «Малая Родина – Сила России», собравшем более 7 тысяч муниципальных работников, Президент страны В. В. Путин, характеризуя особенности работы местного самоуправления (*далее МСУ*), отметил, что местная власть ближе всего расположена к людям и должна эффективно работать с их предложениями, с обратной связью [Президент провел ...]. Глава государства выразил запрос государственного/муниципального управления на развитие институтов муниципальной публичной политики. Потребность общества в публичных, эффективно функционирующих институтах и механизмах социального взаимодействия и кооперации, компенсирует обществу спорные и неопределенные моменты социально-политического напряжения воспроизводство институтов самоорганизации и гражданского общества. Это способствует созданию институциональных гарантий поддержки консолидации общества в целом, предотвращая его от разрушения, формируя основы общественной жизнедеятельности на локальном уровне, со-

ответственно, и на самом близком к людям уровне публичной власти.

В контексте нынешнего политико-смыслового разделения путей выбора развития местного самоуправления важно уметь оценивать, насколько институты и механизмы, посредством которых местное сообщество может влиять на муниципальную власть, согласуются с готовностью этой власти встроить этот публичный ресурс в укрепление дееспособности инструментов, с помощью которых власть может управлять местным сообществом. Это соответствует в целом корневой идее феномена публичной политики – продвижению гражданского участия в политическом процессе через создание добровольческих, гражданских ассоциаций, отстаивание общественных (публичных) интересов [Беляева, 2014; Риттер, 2001]. В конечном итоге основные подходы к изучению публичной политики (*далее ПП*) объединяет одна общая черта:

- ставка на принцип согласования общественных интересов как цель политики;
- управление, понимаемое как коллективное решение публичных проблем (со-управление);

– открытость общественного пространства для заинтересованных участников и опора на согласование как принцип принятия решений вместо административного давления.

Результаты исследования

Концепт муниципальной публичной политики (далее МПП) является относительно молодым понятием в пространстве отечественного дискурса по проблематике публичного управления. Однако он достаточно результативно используется в рамках европейской школы государственного управления, характеризуя особенности локального порядка, обладающего свойствами автономного политического создания [Friedberg, 2015], опирающегося на принципы и технологии межсекторного партнерства (далее МСП), позволяющего искать публичный баланс индивидуальных и общественных интересов [Muller, 1998], выстраивать конструктивное взаимодействие активных сторон в рамках решения локальных социально-значимых проблем, имеющих отношение к формированию общественного благосостояния [Никовская, 2019; Публичная политика ... , 2018].

За основу эмпирического исследования были взяты методы количественного сбора эмпирической информации на базе специально разработанного инструментария в рамках социологического исследования в Вологодском городском округе и Вологодском муниципальном округе. Использование выбранного методического инструментария предполагало эффективное соединение ка-

чественных и количественных подходов для оценки состояния муниципальной публичной политики в условиях санкционного кризиса с учетом интересов различных субъектов и акторов публичной сферы (представителей малого и среднего бизнеса, местной власти и НКО-сообщества, N=157), а также использование таких оценок для выявления проблемных зон во взаимодействии власти и представителей гражданского общества, коррекции проводимой антикризисной политики и в целом – формирования и реализации публичной политики как инструмента поиска баланса интересов всех трех целевых групп местного сообщества в контексте идущих и предполагаемых социально-политических преобразований в системе МСУ.

Для полноты понимания публичных процессов в муниципальных образованиях была выдвинута следующая гипотеза: потенциал и готовность органов местной власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации в интересах формирования институциональной среды и конструктивной мотивации, способствующих реализации общественных интересов и созданию общественных благ для развития территории – одно из важнейших условий конструктивной реализации муниципальных преобразований, снижения степени социальной напряженности и конфликтности, формирования основы для снижения негативных эффектов дефицита репрезентативности обще-

ственных интересов в контексте перехода к одноуровневой модели территориально-организационного устройства МСУ.

Согласно полученным данным, в Вологде сложился *разрывной тип* МПП, когда оценки ПП респондентами из разных секторов – представителей муниципальной власти, НКО-сектора и бизнеса – характеризуются, согласно критерию консолидированности оценок, значимым разрывом (см. рис. 1). Видно, что оценки представителей малого и среднего бизнеса расположены в левом – неблагоприятном – квадранте в значительном отрыве от оценок представителей других секторов – муниципальной власти и НКО-сектора, которые расположились фактически вблизи срединной точки графика. Очевидно, что представителям малого и среднего бизнеса в публичном поле некомфортно, они выпадают из зоны принятия решений и представительства своих интересов в диалоговом режиме: *«Бизнес не понимает куда идти. Он что-то делает, что-то там ковыряется, но перспективного развития, развития в интересах города нет. И бизнес в Вологодской области тоже не понимает, что деньги проходят мимо... Власть области и города слабо реализует возможности национальных проектов в городе. Особенно в сфере туризма»* (интервью с представителем малого бизнеса Вологды).

Муниципальная власть, согласно интегральному индексу МПП, чувствует себя тоже не в лучшей форме: значения ее оценок характеризуются ниже среднего уровня по показателям субъектной активности и более скромным отношением к сложившейся институциональной базе взаимодействия: *«Мэр города хороший человек. Но он, выражаясь современным языком, не эффективный менеджер. И команда его неэффективна. Они не берут на себя ответственность. Дрожат над каждой буквой. Слабо связывают проекты страны с интересами города, вяло как-то. Вся надежда на нового губернатора»* (из интервью представителя общественного Совета города Вологды).

Представители некоммерческого сектора отличаются средними оценками своего взаимодействия в поле МПП, несколько лучше, чем представители власти. Видимо, здесь сказывается эффект «отсвета» работы областного Департамента внутренней политики и Ресурсного Центра, которые активно развивают деятельность «третьего сектора» в области в целом: *«В городе Вологде хорошо налажена работа с некоммерческими организациями... За последнее время «живых» организаций стало больше... Неплохо работает Общественный совет города Вологды, где представлены в том числе и НКО-организации»* (из интервью с руководителем Ресурсного Центра).

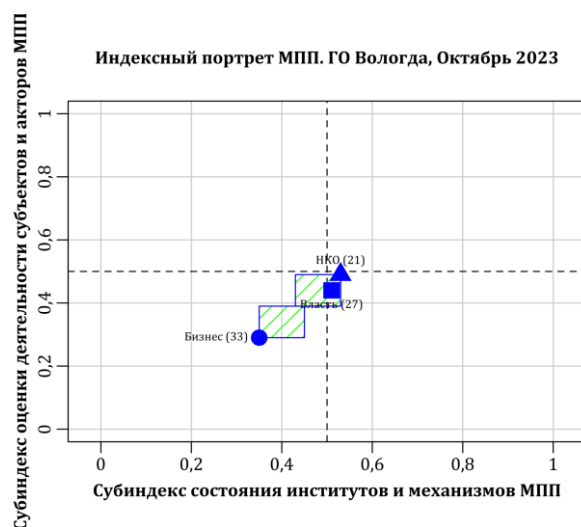

Рис. 1. Индексный портрет МПП городского округа Вологды

С точки зрения субъектного среза МПП, если брать усредненные оценки (см. рис. 2), то можно сказать, что представители некоммерческого сектора, бизнеса оценили себя достаточно высоко – они находятся в зоне успешного функционала своей дея-

тельности. Несостоятельными характеристиками в этом отношении отличаются местные отделения политических партий, деятельность профсоюзов и население. Собственно, такая ситуация характера для большинства регионов страны.

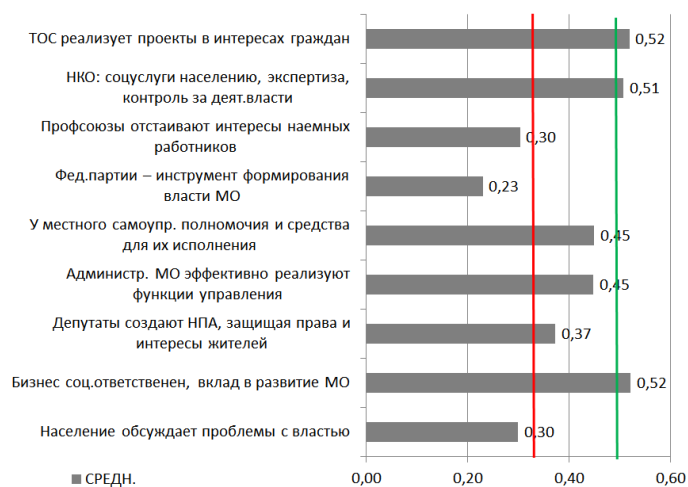

Рис. 2. Средние оценки деятельности субъектов и акторов МПП. Уровень их функциональности. Вологодский городской округ. Октябрь 2023

Если посмотреть на ситуацию субъектного среза МПП дифференцированно, то видно, что наиболее оптимистичные оценки своему субъектно-деятельностному статусу дают представители некоммерческого сектора города. Они высоко оценивают потенциал своей активности, особенно в деятельностном качестве ГОСов, свое взаимодействие с бизнесом, достаточно положительно относятся к стилю управления со стороны городской администрации, при этом осознавая дефицит их полномочий и возможностей. И, что интересно, низко оценивают уровень активности населения. В этом пункте они солидарны с оценками представителей муниципальной власти.

Муниципальная власть более сдержана в своих оценках, она ориентируется на взаимодействие с НКО-сектором, с представителями бизнеса. Более сдержанно оценивает вклад политических партий и местного депутатского корпуса. Интересна комбинация оценок муниципальной власти своего стиля управления: они высоко оценили возможности своего властного статуса (как состоятельные), но средне эффективность их применения.

Самые критичные оценки своего субъектного статуса характерны для представителей малого и среднего бизнеса. Свой вклад они оценивают высоко (фактически на границе полноты успешности своего функционала), а вот активностный статус НКО-сектора, депутатского корпуса, профсоюзов, политических партий, а уж тем более населения – очень низ-

ко. Это свидетельствует о том, что представительство интересов самого бизнеса в поле МПП в городе находится на невысоком уровне и бизнес этим очень неудовлетворен: *«Взаимодействия с бизнесом вообще нет. Властью никак не поддерживается это взаимодействие»* (интервью с представителем МСБ).

С точки зрения эффективности работы институционального среза МПП в городе можно отметить, что самые оптимистичные оценки ей дали представители «третьего сектора». Респонденты довольны тем, как поддерживается их деятельность властями города, как в целом удовлетворяются общественные интересы: *«Власть и НКО идут в основном рука об руку... Они помогают решать многие вопросы социальной сферы»* (из интервью представителя Общественного Совета города). Из 17 институтов и механизмов, характеризующих функционал МПП в городе, 12 респонденты оценили как состоятельные. На волне своей высокой активности они более требовательны к деятельности консультативных структур при органах местной исполнительной власти. Гораздо более скромнее они оценили действенность механизмов инициативного бюджетирования и социального заказа. Но в целом их настрой на позитивные эффекты межсекторного партнерства в городе очевиден.

Представители местной власти идут на втором месте по оценке эффективности институциональной инфраструктуры МПП в городском округе: из 17 институтов и механиз-

мов к состоятельным респонденты отнесли 9. Лучше всего они оценили состояние конфессионального и межнационального согласия, работу системы органов образования, институциональные механизмы для анализа и сбора предложений от населения, а также работы с обращениями граждан.

Очевидно, что в своей работе местная власть большую ставку делает на социальный эффект от реализации такого инновационного механизма МСП, как инициативное бюджетирование и работу с НКО-сектором. Как средне состоятельную они оценивают деятельность совещательных структур при органах местной власти. Низко, фактически на границе слабо состоятельных, респонденты оценили эффект ответственности институтов защиты общественных интересов, контроля за деятельностью органов власти, реализации принципов муниципального социального заказа и системы первичного звена системы здравоохранения.

Самые критичные оценки показали представители малого и среднего бизнеса. Из 17 институтов и механизмов МПП они к состоятельным отнесли всего один механизм – поддержку межконфессионального и межнационального согласия в публичном поле города. Неудовлетворительные оценки были выставлены общественным советам при органах власти, системе контроля за ее деятельностью, защиты интересов муниципальной частной собственности, деятельности судебной власти, борь-

бе с коррупцией, освещению проблематики в средствах СМИ и интернета, системе политических выборов (см. рис. 3).

Иными словами, те институты и механизмы, которые отвечают за репрезентацию интересов и запросов именно этой целевой и самой активной части публичного взаимодействия оказываются, согласно их оценкам, в неудовлетворительном состоянии, и в целом за счет этого массива негативных оценок толкают интегральный индекс МПП городского округа Вологда в *разрывной* формат. Именно по этим оцениваемым пунктам назревает социальное напряжение и точки разрыва в диалоге с местной властью.

В целом, состояние МПП в городском округе Вологда по институциональному критерию оценивается как удовлетворительное, если обратить внимание на усредненную палитру оценок. В разряд несостоятельных попадают всего 2 института – *контроль за деятельностью органов местной власти (за счет очень низких оценок представителей бизнеса) и системы первичного звена системы здравоохранения (за счет низких оценок представителей всех трех секторов города)*.

Местная власть разумно опирается на работу с некоммерческим сектором, используя потенциал конкурсных механизмов МСП, который активно развивает областной Департамент по внутренней политике, добавляя к нему свои незначительные конкурсные ресурсы, но суммарный эффект ощутим для городских не-

коммерческих организаций. Более того, местные власти встроены в реализацию такого инновационного механизма МСП, как *инициативное бюджетирование*, что позволяет

существенно мотивировать общественный сектор города.

Данная идея развития современного института власти идет с уровня области, который активно поддерживается местной властью.

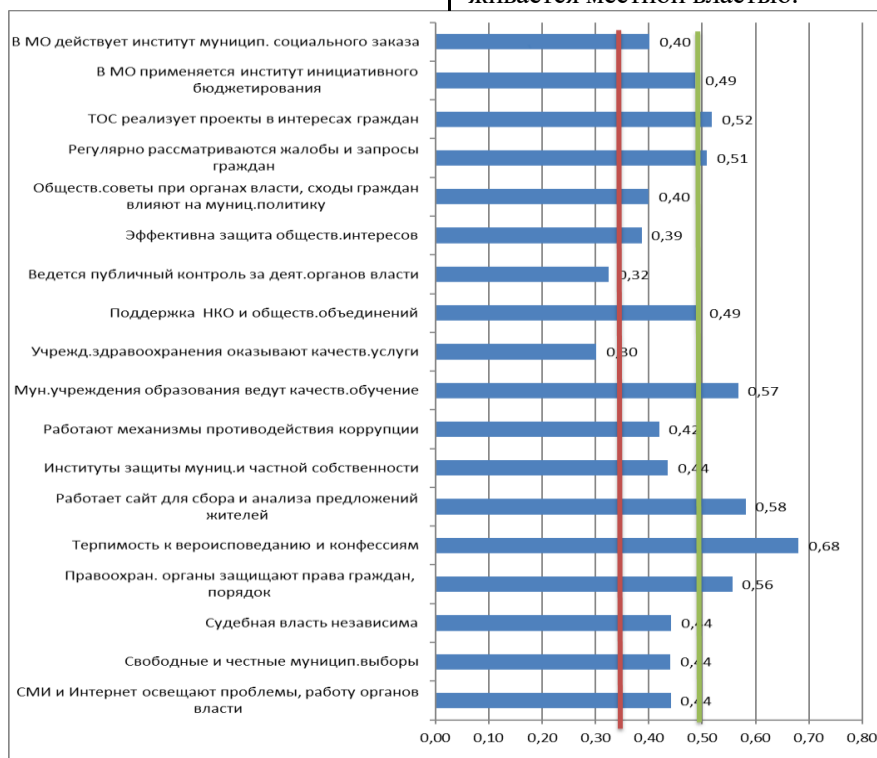

Рис. 3. Состоятельность и средняя оценка деятельности институтов и механизмов МПП тремя группами респондентов. Городской округ Вологда. Октябрь 2023

Обобщая полученные эмпирические данные, отметим, что МПП городского округа Вологды характеризуется пассивным статусом самой местной власти по отношению к происходящим социальным взаимодействиям в публичном пространстве, как будто она выжидает ситуацию идущей в области трансформации МСУ, поскольку наиболее ти-

пичная ситуация для любой власти в поле МПП – это высокая, направляющая активность публичного субъекта взаимодействия, наиболее заряженного общественным служением. Но городское руководство ощущает, что живет в контексте системных муниципальных преобразований, когда из 26 муниципальных районов Вологодской области 23 пошли по

пути укрупнения и перехода на одноуровневую систему организационно-территориального устройства МСУ. Это представляет в целом серьезную трансформацию муниципальной модели управления, хотя напрямую городской округ Вологда эти изменения пока не затронули.

Помимо этого, осенью 2023 г. произошла смена губернатора области (О. А. Кувшинников сменил Г. Ю. Филимонов). Поэтому интегральный индекс МПП в городском округе показал слабую активность в публичном пространстве муниципальной власти и совсем неудовлетворительную позицию малого и среднего бизнеса. НКО-сектор испытывает в большей степени позитивные эффекты деятельности Ресурсного Центра, который работает в целом на область.

Данный кейс свидетельствует, что МПП действительно обладает свойствами локального образования, при которой субъективная реакция трех ведущих сторон межсекторного взаимодействия во многом предопределила разрывной тип сформировавшейся МПП, когда негативные оценки малого и среднего бизнеса и пассивная позиция местной власти привели к утрате партнерского духа коммуникативной составляющей МПП в отличие от Вологодского муниципального округа, который географически окружает город, активно включился в процесс муниципальных преобразований, но благодаря активной работе управленческой команды сформировал *партнерский тип* МПП.

Таким образом, исследование показало, что муниципальная публичная политика действительно является локальным и автономным образованием, которое может существенно отличаться от территории к территории. В городском округе Вологда представлен разрывной тип МПП, где местная власть находится в некотором пассивном модусе к происходящим публичным процессам и демонстрирует выжидательную позицию.

В Вологодском муниципальном округе, который окружает Вологду, мы выявили партнерский тип МПП, хотя и с особой спецификой, который характеризует процесс включения муниципального образования в системные муниципальные преобразования перехода к одноуровневой системе территориально-организационного устройства МСУ. Качественные исследования позволили выявить, что именно этот тип МПП является наиболее приемлемым для гладкого и конструктивного проведения муниципальных преобразований, и решающую роль здесь сыграла позиция местной власти. Ставка руководства муниципального округа на развитие гражданской и деловой инициативы [Жестянников, 2021], НКО-сектора посредством использования технологий и механизмов МСП оказалась *стратегически* верной. Дело в том, что некоммерческие организации, «*третий сектор*» в целом, как показывает мировой опыт, зачастую работают как масштабная «служба спасения», оказываясь в нужном месте и в нужное время. Важно вовремя поддержать

эти гражданские инициативы управленчески. Ведь глубинная составляющая МПП состоит в том, чтобы, опираясь на общественную активность гражданского общества, уметь ее институционально и технологически воспринимать, поощрять, развивать и грамотно вписывать в систему государственного/муниципального управления [Лидеры России].

Преимущества НКО перед госсектором в сфере общественных услуг очевидны. Во-первых, современные НКО отличает конкретное знание проблем, наличие квалифицированного персонала, адресность, гибкость и быстрота реагирования. Во-вторых, НКО менее бюрократизированы, для них характерны преобладание горизонтальных связей и демократизм в принятии решений. В-третьих, действия НКО более эффективны (в частности, за счет более низких расценок и привлечения труда волонтеров) и обеспечивают значительную экономию государственных/муниципальных средств, сводят к минимуму случаи нецелевого использования финансов. Использование технологий МСП, особенно современных и инновационных – краудсорсинговых и инициативного бюджетирования – это целенаправленное и продуманное вовлечение инициативных групп граждан в социально-значимые процессы посредством предложения конкретных механизмов социального общественного участия. Это приучает людей к ответственности за самих себя и развивает практики публичного управления «через сообщества». Ведь

успех любых программ развития территории, о чем свидетельствуют результативные практики реализации принципов МПП, определяется степенью вовлеченности общественности в их реализацию, которая перерастает рамки простого и пассивного легитиматора власти и превращается в активного созидателя общественно-полезных благ. Грамотное использование технологий и принципов МСП закладывает основы конструктивной социальной и политической самоорганизации представителей «третьего сектора», приучает их грамотно и профессионально защищать, артикулировать и продвигать свои интересы, учитывать и понимать интересы представителей государства и бизнеса в процессе партнерского взаимодействия, формировать культуру диалога и спокойного восприятия аргументации всех сторон межсекторного партнерства, искать и находить согласие в выработке совместных решений и программ.

Помимо этого, для руководства муниципального округа очень важным оказался феномен «вовлечения» активных граждан в процессы развития муниципалитета, особенно при формировании системы единой публичной власти в стране [Жесятников, 2022]. Активный гражданин ею воспринимается как *самоценность*, как *ресурс развития* территории. Поэтому можно со всей определенностью говорить, что развитие институтов и технологий муниципальной публичной политики на уровне местного сообщества способствует

формированию мотивации к конструктивному партнерству для развития локального сообщества и кумулятивному эффекту в плодотворном проявлении эффектов социального капитала. Последний включает в себя горизонтальные связи и отношения между людьми, социальные сети и соответствующие нормы, которые воздействуют на продуктивность и благосостояние различных сегментов местного сообщества. В этом отношении можно взять за основу на фундаментальный вывод Р. Патнэма о значимости нематериальных факторов в общественном развитии, утверждавшего, что экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность [Патнэм, 1995]. Опыт Вологодского муниципального округа, собственно, и подтверждает данную закономерность, занимая первое место в региональных рейтингах муниципальных районов области по результатам оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления [Чухнин]. За этим стоят высокий профессионализм и опора на современные методы «умного» государственного/муниципального управления, умеющего конвертировать публичный ресурс в ощутимые результаты общественного развития.

Правда интегральный индекс МПП выявил некоторые институциональные проблемы в функционировании управленческого контура муниципального округа. Но мы связываем эти проблемные моменты с трансформационными процессами в системе территориально-

организационного переформатирования муниципальной системы в Вологодской области, которые при партнерской модели МПП вполне корректируемы и решаемы, поскольку они осознаются руководством округа, и есть взаимная заинтересованность в их разрешении. Тяжелых и негативных провалов в системе общественных интересов публичного поля муниципального округа мы не выявили, а ведь именно они являются очень чувствительным индикатором в системе взаимоотношения «*власть-местное сообщество*» при подавлении в их реализации. Субъектный срез МПП в целом характеризуется положительным потенциалом.

Заключение

Согласно результатам нашего исследования при явно проявляющейся тенденции к централизации и административизации МСУ [Боженова, 2022; Широков, 2022], Вологодский муниципальный округ пошел по пути формирования публичного управления «*через сообщества*», сделал главную ставку на развитие гражданской и деловой инициативы, принципов МСП. Институциональная структура новой управленческой муниципальной модели пока окончательно не сложилась, поскольку институты формируются и оттачиваются годами и десятилетиями, но главный посыл власти – развивать партнерские отношения с гражданским обществом, используя его потенциал, дает свой результат: институт продвижения и отстаивания общественных интересов им оценен как состоятельный, что является трудно

достижимой задачей для многих регионов в свете переформатирования системы местного самоуправления. Местное же руководство целенаправленно опирается на ту управленческую модель, когда принимаемые решения и действия муниципальной власти соотносятся с потребностями и запросами общественного сектора округа, зарекомендовавшего себя в качестве конструктивного партнера в решении многих социально-значимых проблем, что соответствует уровню взрослого российского общества.

Иными словами, проведенное исследование показало, что только *партнерский тип МПП* способствует конструктивной реализации проводимых муниципальных преобразований, реализуя технологии межсекторного партнерства, принципы общественного диалога и тем самым снижая дефицит репрезентативности общественных интересов. *Разрывной тип МПП*, а тем более неконсолидированный, утяжеляет ситуацию, связанную с дефицитом репрезентации общественных интересов упраздненных поселений, их удаленности от центра принятия решений и тем самым повышает уровень социального напряжения и конфликтности.

Использование технологий межсекторного партнерства, проектно-сетевое принятие публичного вовлечения граждан в созидательную деятельность, направленную на благоустройство и развитие своих территорий, позволило сохранить позитивную динамику развития встраивающегося в новую модель местного

самоуправления муниципального округа и избежать негативных социальных процессов. Более того, руководитель округа С. Г. Жестянников, который является победителем IV сезона конкурса управленцев «Лидеры России» [Названы имена ...], понимает, что *вовлечение местного сообщества* – это целенаправленный и постоянно воспроизводимый процесс, который позволяет аккумулировать интересы и активность граждан вокруг проектов развития различного масштаба и объединять население в различных формах самоорганизации. Уникальность данного примера состоит в том, что он показывает проблему муниципального строительства в свете задач формирования единой системы публичной власти, которую можно решать в рамках действующего ФЗ-№ 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данный закон за все время своего существования соединил много полезных и проверенных практикой поправок, позволяющих объединять активность множества локальных деловых и гражданских форм местного уровня с возможностями государственных программ и проектов, увеличивающих финансовый и бюджетный ресурс укрупняющихся муниципальных образований [ФЗ-№131 ...].

Новый же законопроект №40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Законопроект №40361-8 ...] будет в этом

случае более жестким и директивным, поскольку по замыслу предполагается подчинение местного уровня управления действиям региональной власти, существенно ограничив объем полномочий МСУ и усилив политико-административный контроль за распределением ресурсов, что, соответственно, скажется на активности и местной власти, и местного сообщества.

Усиление же административных подходов в реформировании МСУ, с большей опорой на административно-бюрократические рычаги преобразований, вызовет и существенные изменения в публичном пространстве и, соответственно, скажется на качестве реализации публичной политики, поскольку последняя очень чувствительна к характеру организации коммуникативных и социальных практик взаимодействия между властью и обществом [Двадцать пять лет ... , 2018; Коряковцева, 2020]. Данные тренды в настоящий момент имеют тенденцию к усилению в связи с переформатированием производственной и социально-политической жизни страны под задачи СВО [Слатинов, 2023]. В этом отношении очень важна осознанная позиция представителей местной власти: по какому варианту пойти в муниципальных преобразованиях – с опорой на диалоговые и партнерские принципы взаимодействия с деловой и гражданской инициативой, местным сообществом в целом, чтобы смягчить возможные дисфункции

муниципальных преобразований и разрывные моменты МПП, или опираясь на чисто технологически-административный подход [Федеральные экспертные ... , 2022].

Нынешний этап реформы местного самоуправления четко обозначил политико-смысловую развилку его встраивания в единую систему публичной власти. Качественные и структурные моменты такого «встраивания» обозначил предложенный законопроект №40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который прошел первое чтение и затормозился в 2022 году на решающем втором. С точки зрения интересов развития гражданской самоорганизации, «низовых» общественных инициатив, углубления диалоговых и партнерских практик, что является основой феномена публичной политики, несомненную тревогу вызывает стремление через понятие «*единство публичной власти*» сделать органы местного самоуправления нижним уровнем государственной власти, что может сказаться на качестве муниципальной публичной политики и реализации принципов межсекторного партнерства, снизить возможности для минимизации дисфункций в репрезентативности общественных интересов и развития гражданской и деловой самоорганизации, что важно в нынешних непростых условиях общественного развития.

Библиографический список

1. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание движущим силам и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 72-87.
2. Боженова О. И. Демократия и эффективность: местное самоуправление в поисках баланса // Местное право. 2022. № 2. С. 3-13.
3. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. Москва : Весь Мир. 2018. 384 с.
4. Жестянных С. Г. Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 1. С. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3.
5. Жестянных С. Г. Приоритеты и инструменты трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 88–101.
6. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>. (Дата обращения: 04.01.2024).
7. Коряковцева О. А. Социальная ответственность политической элиты как импульс модернизации России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 162-167.
8. «Лидеры России» – открытый конкурс для руководителей нового поколения. URL: <https://лидерыроссии.рф/>. (Дата обращения: 04.01.2024).
9. Названы имена 106 победителей четвертого сезона конкурса «Лидеры России». URL: <https://xn--d1achcanypala0j.xn--p1ai/tpost/eutdymnef1-nazvani-imena-106-pobeditelei-chetvertog>. (Дата обращения 30.01.2024).
10. Никовская Л. И. Ведение в предметное поле муниципальной публичной политики / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социально-политические исследования. 2019. № 4. С. 34-51. DOI 10.24411/2658-4284-2019-545.
11. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №4. С. 77-86.
12. Президент подвел итоги I Всероссийского Форума «Малая родина – сила России». URL: <https://smotrim.ru/article/3755790>. (Дата обращения: 17.01.2024).
13. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие : коллективная монография / под ред Л. В. Сморгунова. Москва : Аспект-Пресс, 2018. С. 78–84.
14. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры. // Граждане и власть: проблемы и подходы. Москва ; Санкт-Петербург : ИТД «Летний Сад», 2001. С. 17-38.
15. Слатинов В. Б. Изменения в организации публичной власти регионов Центрального Черноземья: приоритеты и ожидаемые эффекты. // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, №1. С. 43-58.
16. Федеральные экспертные слушания «Об актуальных вопросах муниципального строительства и развития законодательства в сфере местного самоуправления в Российской Федерации» (г. Москва, Общественная палата Российской Федерации, 24 января 2022 г.) // Местное право. 2022. №1. С. 79-131.
17. ФЗ-№ 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. (Дата обращения: 04.01.2024).

18. Чухнин И. Вологодский район стал лучшим в четвертый раз. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/28337/4482465/>. (Дата обращения: 30.01.2024).

19. Широков А. Н. Местное самоуправление: большая реформа или упразднение / А. Н. Широков, С. Н. Юркова // Журнал Бюджет. 2022. № 1. С. 70-74.

20. Friedberg E. Le pouvoir et la regles. Dynamiques de l'action organisée. Paris, 2015. 329 p.

21. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. Paris, 1998. P. 13-24.

Reference list

1. Beljaeva N. Ju. Razvitie koncepta publichnoj politiki: vnimanie dvizhushhim silam i upravljajushhim sub#ektam = Development of the concept of public policy: attention to driving forces and governing entities // Polis. Politicheskie issledovanija. 2011. № 3. S. 72-87.

2. Bozhenova O. I. Demokratija i jeffektivnost': mestnoe samoupravlenie v poiskah balansa = Democracy and efficiency: local government in search of balance // Mestnoe pravo. 2022. № 2. S. 3-13.

3. Dvadcat' pjat' let social'nyh transformacij v ocenkah i suzhdenijah rossijan: opyt sociologicheskogo analiza = Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience in sociological analysis / pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petuhova. Moskva : Ves' Mir. 2018. 384 s.

4. Zhestjannikov S. G. Obshhestvennoe uchastie kak instrument razvitija territorii (iz opyta Vologodskogo municipal'nogo rajona Vologodskoj oblasti) = Public participation as a tool for the development of the territory (from the experience of the Vologda municipal district of the Vologda region) // Problemy razvitija territorii. 2021. T. 25, № 1. S. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3.

5. Zhestjannikov S. G. Prioritety i instrumenty transformacii upravlenija municipal'nymi obrazovanijami v kontekste novej reformy mestnogo samoupravlenija = Priorities and tools for transforming municipal governance in the context of new local government reform // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2022. T. 15, № 4. S. 88–101.

6. Zakonoproekt № 40361-8 «Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v edinoj sisteme publichnoj vlasti» = Bill No. 40361-8 “On the general principles of organizing local self-government in a single system of public power”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>. (Data obrashhenija: 04.01.2024).

7. Korjakovceva O. A. Social'naja otvetstvennost' politicheskoy jelity kak impul's modernizacii Rossii = Social responsibility of the political elite as an impetus for modernization of Russia // Kaspjiskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2020. № 1 (62). S. 162-167.

8. «Lidery Rossii» – otkrytyj konkurs dlja rukovoditelej novogo pokolenija = “Leaders of Russia” is an open competition for leaders of a new generation. URL: <https://lideryrossii.rf/>. (Data obrashhenija: 04.01.2024).

9. Nazvany imena 106 pobeditelej chetvertogo sezona konkursa «Lidery Rossii» = The names of 106 winners of IV Leaders of Russia competition have been named. URL: <https://xn--d1achcanyala0j.xn--p1ai/tpost/eutdymnef1-nazvani-imena-106-pobeditelei-chetvertog>. (Data obrashhenija: 30.01.2024).

10. Nikovskaja L. I. Vedenie v predmetnoe pole municipal'noj publichnoj politiki = Maintenance of municipal public policy in the subject field / L. I. Nikovskaja,

V. N. Jakimec // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 4. S. 34-51. DOI 10.24411/2658-428Ch-2019-545

11. Patnjem R. Procvetajushhie kom'juniti, social'nyj kapital i obshhestvennaja zhizn' = Thriving communities, social capital and social life // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1995. №4. S. 77-86.

12. Prezident podvel itogi I Vserossijskogo Forumu «Malaja rodina – sila Rossii» = The President summed up the results of the I All-Russian Forum “Small Homeland – the Power of Russia”. URL: <https://smotrim.ru/article/3755790>. (Data obrashhenija: 17.01.2024).

13. Publichnaja politika: Instituty, cifrovizacija, razvitie = Public policy: Institutions, digitalization, development : kollektivnaja monografija / pod red. L. V. Smorgunova. Moskva : Aspekt-Press, 2018. S. 78–84.

14. Ritter M. Publichnaja sfera kak ideal politicheskoy kul'tury = The public sphere as the ideal of political culture // Grazhdane i vlast': problemy i podhody. Moskva ; Sankt-Peterburg : ITD «Letnij Sad», 2001. S. 17-38.

15. Slatinov V. B. Izmenenija v organizacii publichnoj vlasti regionov Central'nogo Chernozem'ja: priority i ozhidaemye jeffekty = Changes in organization of public authorities of the Central Black Earth Regions: priorities and expected effects // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2023. T. 18, №1. S. 43-58.

16. Federal'nye jekspertnye slushanija «Ob aktual'nyh voprosah municipal'nogo stroitel'stva i razvitija zakonodatel'stva v sfere mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» (g. Moskva, Obshhestvennaja palata Rossijskoj Federacii, 24 janvarja 2022 g.) = Federal expert hearings “About topical issues of municipal construction and development of the legislation in the sphere of local government in the Russian Federation” (Moscow, Public chamber of the Russian Federation, on January 24, 2022) // Mestnoe pravo. 2022. №1. S. 79-131.

17. FZ-№ 131 «Ob obshhikh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» = FZ-No. 131 “On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. (Data obrashhenija: 04.01.2024).

18. Chuhnin I. Vologodskij rajon stal luchshim v chetvertyj raz = The Vologda region became the best for the fourth time. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/28337/4482465/>. (Data obrashhenija: 30.01.2024).

19. Shirokov A. N. Mestnoe samoupravlenie: bol'shaja reforma ili uprazhdenie = Local government: big reform or abolition / A. N. Shirokov, S. N. Jurkova // Zhurnal Bjudzhet. 2022. № 1. S. 70-74.

20. Friedberg E. Le pouvoir et la regles. Dynamiques de l'action organisée. Paris, 2015. 329 p.

21. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. Paris, 1998. P. 13-24.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 21.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 304.2:378
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-68
EDN: MKMODB

Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы»

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения, Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. В статье автором проанализировано какие инструменты и механизмы используют ведущие вузы России и Правительство РФ для привлечения и заинтересованности талантливых граждан из Китая. В 2023 году были опрошены студенты, магистранты, аспиранты из Китая, обучающиеся в ведущих вузах РФ. В рамках статьи представлены результаты интервьюирования позиционных экспертов (сотрудники центров (отделов) международного образования при вузах, профессора и т. д.). Был проведен анализ сайтов (сайты служб, отделов, департаментов по рекрутингу и сопровождению иностранных студентов) ведущих вузов, в которых учится больше всего граждан из Китая с целью выяснить, какие условия (возможности) созданы для поступающих (обучающихся) из КНР. Установлено, что для большинства граждан из Китая обучение в российских вузах является одним из этапов на пути построения успешной карьеры. Многие еще в Китае приняли решение, что после окончания вуза в РФ уедут продолжать учиться или работать в США, Канаду, Великобританию и т. д. Примерно у одной трети выпускников-бакалавров изменились планы. Изначально они не планировали продолжать обучение после получения высшего образования. Но заканчивая вуз в России, решили продолжить обучаться в РФ и получить еще и степень магистра. Установлено, что около одной пятой магистрантов из КНР поменяли свои планы и решили продолжить обучение в аспирантуре в РФ. Выявлено, что только незначительное число выпускников-магистрантов из КНР приняли решение остаться работать в РФ. В статье предлагаются рекомендации для совершенствования государственного механизма привлечения и заинтересованности талантливых абитуриентов из Китая.

Ключевые слова: мягкая сила; интернационализация; экспорт образовательных услуг; конкуренция за таланты; мобильность студентов; вузы, барьеры экспорта услуг; иностранные студенты; академическая мобильность

Для цитирования: Таланов С. Л. Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22).

Original article

Export of russian higher education as a tool of “soft power”

Sergei L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher in the sector of sociology of deviant behavior, Center for the study of adaptation processes in changing society, Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. In the article, the author analyzed what tools and mechanisms are used by leading universities in Russia and the Government of the Russian Federation to attract and interest talented citizens from China. In 2023, students, master's students, post-graduate students from China studying at leading universities of the Russian Federation were interviewed. The article presents the results of interviewing positional experts (employees of centers (departments) of international education at universities, professors, etc.). The analysis of sites (sites of services, departments, departments for recruiting and accompanying foreign students) of leading universities in which the most citizens from China study was carried out in order to find out what conditions (opportunities) were created for applicants (students) from the PRC. It has been established that for most citizens from China, training in Russian universities is one of the stages on the way to building a successful career. Many still in China decided that after graduation in the Russian Federation they will leave to continue to study or work in the USA, Canada, Great Britain, etc. About one-third of undergraduate graduates have had their plans changed. Initially, they did not plan to continue their studies after graduating. But finishing the university in Russia, they decided to continue to study in the Russian Federation and also get a master's degree. It was found out that about one fifth of undergraduates from the PRC changed their plans and decided to continue their postgraduate studies in the Russian Federation. It was revealed that only a small number of graduate students from the PRC decided to stay to work in the Russian Federation. The article offers recommendations for improving the state mechanism for attracting and interested talented applicants from China.

Keywords: soft power; internationalization; export of educational services; competition for talent; student mobility; universities, barriers to the export of services; international students; academic mobility

For citation: Talanov S. L. Export of Russian higher education as a tool of “soft power”. *Social and political researches*. 2024;1(22): 68-83. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-68>. <https://elibrary.ru/MKMODB>.

Актуальность исследования

Аксиомой является тот факт, что высшая школа России вносит свой существенный вклад в экономическое процветание страны. Главное

для любого современного государства – человеческий капитал, чем больше в стране образованных людей, тем интенсивнее оно развивается. Ведущие вузы страны, несмотря

на то, что после распада СССР резко сократилось финансирование, сумели сохранить лучшие традиции, научные школы, систему подготовки высококлассных специалистов, в результате Россия доминирует по многим позициям в рамках глобальной конкуренции. Россия владеет технологиями полного цикла создания современных турбореактивных двигателей, морских газотурбинных двигателей (только 5 стран способны производить такие двигатели). У РФ своя поисковая система, а как известно, только три страны имеют свою поисковую систему – США, Россия, Китай. Россия – ведущая страна мира по развитию атомных технологий и первая в мире по строительству реакторов за рубежом. РФ входит в число 6 стран, у которых есть свои среднемагистральные самолеты. Российские программисты считаются лучшими в мире. И данный список достижений России можно продолжать, но чтобы удерживать лидерство в условиях динамики социальных изменений, необходимо все время на должном уровне финансировать систему образования и науки, именно от развития этих двух институтов зависит, будет ли РФ доминировать на глобальном рынке. Но, к сожалению, в последние годы в стране высокий уровень смертности, низкий уровень рождаемости, старение населения, что негативно отражается на развитии государства. Так как рождаемость моментально не повысить, то нехватку экономически активного населения можно восполнить за счет трудовых

мигрантов высокой квалификации, а также за счет привлечения талантливых иностранных абитуриентов. Многие страны через образование стремятся максимально привлечь самых способных абитуриентов в свои вузы, и это позволяет им доминировать на международной арене. Нашей стране необходимо не только привлекать самых талантливых абитуриентов, но и заинтересовать их остаться после окончания вузов, в частности, создавать условия для их полноценной самореализации в РФ [Таланов, 2022]. Например, экономика Китая стала самой развитой в мире, в частности, благодаря огромным финансовым вложениям в человеческий капитал, а также благодаря правильной миграционной политике по привлечению и заинтересованности самых талантливых иностранных граждан в Китае. Сначала власти КНР активно стремились, чтобы наиболее талантливая часть молодежи училась за рубежом в лучших вузах мира. Потом, через десятки лет такой практики, власти Китая изменили стратегию и стали наоборот привлекать максимально возможное количество талантливых иностранных граждан в вузы Китая. Необходимо перенимать опыт Китая, так как талантливые иностранные абитуриенты – важный ресурс для развития любой страны. Но опыт надо перенимать с учетом российской специфики. Если мы правильно организуем миграционную политику, то в РФ будет много талантливых людей и данная стратегия станет сравнительным преимуществом РФ.

Учитывая все вышеперечисленное, мы предприняли попытку проанализировать, какие инструменты используют ведущие вузы России и Правительство РФ для привлечения и заинтересованности талантливых граждан из Китая.

Постановка проблемы

В рамках исследования предпринята попытка проанализировать какие инструменты используют ведущие вузы мира и их правительства для привлечения и заинтересованности талантливых граждан из Китая, а также изучен опыт Китая по привлечению и заинтересованности самых лучших иностранных студентов и аспирантов.

Политологи и социологи целенаправленно анализируют, как в разных странах правительства организуют работу по привлечению и заинтересованности талантливых выпускников-иностранцев [Dursun, Altin Gumussoy, 2021; Schlesinger, 2021; Kim, 2011].

Многочисленные исследования демонстрируют, что РФ отстает от США, Канады, Великобритании, Германии, Японии, Китая по количеству иностранных студентов. Поэтому отечественные ученые целенаправленно изучают как организован рекрутинговый процесс правительствами разных стран [Артеев, 2021; Антонова, 2020].

По данным статистики, для иностранных абитуриентов самыми престижными и желанными являются вузы США, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Японии и

Китая, по этой причине социологи, политологи педагоги активно изучают, какие инструменты используются в данных странах для популяризации высшего образования. Учеными было, в частности, установлено, что Китай с 2008 года реализовывал план «Тысяча талантов», в результате власти КНР смогли привлечь более 60 тыс. ученых со всего мира, которые, в свою очередь, внесли и продолжают вносить огромный вклад развитие науки и экономики Китая [Tse, Agnes Chung-yan, 2014; Wen, 2018; Gong, 2015].

Исследования показывают, что в Китае иностранных граждан хорошо охраняют, уровень преступности очень низкий, иностранные студенты в КНР чувствуют себя в полной безопасности. В вузах Китая жесткая дисциплина. Все это безусловно положительно сказывается на росте желающих получить высшее образование в Китае [Хуе, 2015].

Для привлечения наиболее талантливой молодежи ведущие страны мира совершенствуют миграционную политику, в частности, упрощают получение визы на въезд в страну для ученых и высококлассных специалистов, а также ускоряют для данной категории граждан процедуру на получение постоянного места жительства. Например, в Канаде развита программа «Экспресс-въезд», в Великобритании программа «Глобальная виза талантов», данные программы уже хорошо себя зарекомендовали. Кроме того, канадские власти увеличивают количество канадских школ в Китае, выпускники

данных школ по окончании стремятся поступать именно в вузы Канады [Hansen, Anders Sybrandt and Thøgersen, Stig., 2015].

Для заинтересованности выпускников-иностранцев власти Германии совершенствуют миграционное законодательство. В частности, неоднократно изменения коснулись законодательства о пребывании в стране и занятости (2000, 2005, 2011 гг.), что позволило создать комфортные условия для талантливых выпускников, у которых есть возможность по упрощенной схеме получить вид на жительство после окончания вуза, если они устроятся на работу по квалификации, указанной в дипломе [Moser, 2014].

Проведенный нами анализ показывает, что во Франции эффективно работает система «единого окна поддержки иностранных студентов», позволяющая им быстро адаптироваться к новой социальной реальности.

Ученые из США подробно анализируют влияние изменений федеральной политики на иностранных студентов, получающих высшее образование в Соединенных Штатах [McKivigan, 2020; Corley, 2007; Israel, 2021].

Исследователи систематически изучают взаимосвязь между имиджем и репутацией конкретного университета и мотивами иностранных абитуриентов [Lebeau, 2022; Del-Castillo-Feito, 2019; Manzoor, 2021; Aledo-Ruiz, 2022].

Многочисленные социологические опросы показывают, что ино-

странные студенты так или иначе вовлечены во вторичную занятость, что позволяет им оплачивать обучение. Но учиться успешно (на отлично) и одновременно работать очень сложно, соответственно, необходимо создавать студентам такие условия, чтобы им не нужно было подрабатывать [Бабуркин, 2022; Шатилов, 2020; Алешин, 2021; Коряковцева, 2022].

В трудах отечественных исследователей подробно рассматриваются проблемы, связанные с привлечением иностранных абитуриентов в связи с COVID-19 [Березин, 2020].

Проведенный нами вторичный анализ показывает, что во всех ведущих странах мира, чем выше уровень образования выпускников-иностранцев, тем более лояльное по отношению к ним миграционное законодательство, тем кто обучается в докторантуре легче получить вид на жительство, гражданство [Kahn & MacGarvie, 2020].

Выводы, полученные в ходе анализа миграционной политики ведущих стран мира, учитывались нами в ходе нашего исследования.

Эмпирическая база исследования

Анализ статистики показывает, что главной экономикой мира становится Китай, по этой причине важно самых талантливых абитуриентов из КНР привлекать в российские вузы.

В 2023 году были опрошены студенты, магистранты, аспиранты из Китая, обучающиеся в ведущих вузах РФ: РУДН, КФУ, МФПУ, СПбПУ, МГУ, ВШЭ, УрФУ, СПбГУ, ОмГА, ПМГМУ.

Применена двухступенчатая выборка, выборка квотная со случайным механическим отбором респондентов на второй ступени.

Первая ступень – отбор вузов, в которых в 2022/2023 академическом году обучалось наибольшее число граждан из Китая, отобрано 10 вузов.

Вторая ступень – онлайн опрос. Сначала пользователи самых популярных социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники и т. п.), увидев рекламу на веб-сайте, зарегистрировались на сайте панели. Затем респондент оставлял базовую социально-демографическую информацию о себе (свою профильную анкету) и только после этого становился участником панели. Если респонденты соглашались принять участие, то переходили по ссылке на анкету и самостоятельно заполняли её. Специальная программа позволяла контролировать, чтобы каждый респондент мог отдать свой голос только один раз. Онлайн-опрос осуществлялся в соответствии с заданными квотами, рассчитанными для каждого вуза в соответствии с представительством в нем граждан из Китая.

Переменные квотирования: пол, возраст, тип семьи, статус (студент, магистрант, аспирант). Объем выборки составил $n=1\ 200$ человек.

Осуществлено интервьюирование позиционных экспертов (сотрудники центров (отделов) международного образования при вузах, профессора и т. д.), $n=25$.

Был проведен анализ сайтов (сайты служб, отделов, департаментов по рекрутингу и сопровождению ино-

странных студентов) ведущих вузов, в которых учится больше всего граждан из Китая, с целью выяснения, какие условия (возможности) созданы для поступающих (обучающихся) из КНР.

Авторская гипотеза

Государственная политика в сфере высшего образования как инструмент мягкой силы будет более эффективной в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий:

- вузы должны создать комфортные условия иностранным студентам для социальной, психологической, физиологической и языковой адаптации;
- за каждым иностранным студентом закрепляется куратор и студент-старшекурсник с высоким уровнем кросс-культурных компетенций;
- с иностранными студентами должны работать преподаватели, обладающие знаниями о национально-психологических особенностях студентов (магистрантов, аспирантов) из Китая;
- систематически проводить олимпиады в Китае, дающие право поступать в российские вузы;
- открывать центры по довузовской подготовке в вузы РФ в КНР;
- предоставлять наиболее способным иностранным аспирантам место для работы в российских вузах;
- инвестировать в образовательные рынки за рубежом, в частности, открывать русские школы в Китае с внедрением китайских методик обу-

чения, в распространение курсов изучения русского языка во внешкольное время;

– выделять больше отдельных комнат в общежитиях для иностранных граждан – студентов (магистранту, аспиранту и т. д.);

– расширить сеть терминалов в представительствах Россотрудниче-

ства за рубежом, чтобы любой иностранный гражданин мог подать документы в вузы РФ.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, какие планы у иностранных граждан – выпускников российских вузов (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Ваши планы после окончания обучения в российском вузе?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из Китая					
	бакалавры		магистры		аспиранты	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Получить еще одно высшее образование	—	5	—	—	—	—
Учиться в магистратуре в России	33	34	—	—	—	—
Работать за рубежом (США, Канада, Великобритания, Германия и т. д.)	24	14	35	29	45	51
Получить еще какое-либо дополнительное образование, учиться на профессиональных курсах и т. д.	13	18	18	21	—	—
Работать в России	12	14	11	12	—	—
Вернуться на Родину	10	9	—	—	—	—
Продолжить учиться за рубежом (США, Канада и т. д.)	8	6	15	18	40	39
Учиться в аспирантуре в России	—	—	21	20	—	—
Учиться в докторантуре в России	—	—	—	—	15	10

Чем выше уровень получаемого образования, тем больше желание у респондентов уехать работать или учиться за рубеж. Также мы видим, что только 12 % юношей и 14 % девушек бакалавров-выпускников хотят работать в РФ. Кроме того, установлено, что около одной трети юношей и девушек желают продолжить обучение в магистратуре, около

одной пятой планируют обучаться в аспирантуре, и только 15 % юношей и 10 % девушек хотят поступить в докторантуру.

Далее мы предприняли попытку выяснить, какие были планы у абитуриентов перед поступлением в российский вуз и после его окончания (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Изменились ли Ваши планы после завершения обучения?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из Китая					
	бакалавры		магистры		аспиранты	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Да, изменились. Не планировал продолжать обучение после получения высшего образования. Теперь решил получить еще и степень магистра	33	34	—	—	—	—
Нет, не изменились, я планировал получить степень бакалавра и уехать работать в США, Великобританию и т. д. Обучение в РФ – это просто один из этапов карьеры (обучения). Так и сделаю	24	14	—	—	—	—
Да, изменились. Не планировал учиться на курсах повышения квалификации и переподготовки, но во время обучения в РФ решил обучаться	13	18	18	21	—	—
Да, изменились. Раньше хотел уехать после окончания учебы в Китай, теперь планирую работать в РФ	12	14	11	12	—	—
Да, изменились. Изначально я хотел получить в РФ еще и степень магистра, теперь не хочу. Поеду обратно в Китай	10	9	—	—	—	—
Нет, не изменились, обучение в РФ – это изначально промежуточный этап. Буду как и планировал продолжить учиться за рубежом (США, Канада и т. д.)	8	6	15	18	40	39
Да, изменились. Раньше не планировал получать второе высшее образование в РФ, теперь планирую	—	5	—	—	—	—
Нет, не изменились, я планировал получить степень магистра и уехать из РФ работать в США, Великобританию и т. д. Так и сделаю	—	—	35	29	—	—
Нет, не изменились, я планировал получить научную степень и уехать из РФ работать в США, Великобританию и т. д. Так и сделаю	—	—	—	—	45	51
Нет, не изменились, я планировал закончить докторантуру в РФ и уехать из страны. Так и сделаю	—	—	—	—	10	5
Да, изменились. Не планировал продолжать обучение после окончания магистратуры. Теперь решил получить еще и научную степень, закончив аспирантуру	—	—	21	20	—	—

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из Китая					
	бакалавры		магистры		аспиранты	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Да, изменились. Не планировал продолжать обучение после окончания аспирантуры. Теперь решил получить еще и докторскую степень, закончив докторантуру	—	—	—	—	5	5
Да, изменились. Изначально я хотел закончить в РФ еще и аспирантуру, теперь не хочу	—	—	—	—	—	—
Да, изменились. Изначально я хотел закончить в РФ еще и докторантуру, теперь не хочу	—	—	—	—	—	—

Как видно из ответов опрошенных, для большинства граждан из Китая обучение в российских вузах – это изначально один из этапов на пути построения успешной карьеры. Многие еще в Китае приняли решение, что после окончания вуза в РФ уедут продолжать учиться или работать в США, Канаду, Великобританию и т. д. Примерно у одной трети выпускников-бакалавров изменились планы. Изначально они не планировали продолжать обучение в России после получения высшего образова-

ния. Но заканчивая вуз, решили продолжить обучаться в РФ и получить еще и степень магистра. Только незначительное число выпускников-магистрантов из КНР приняли решение остаться работать в РФ. Из аспирантов – граждан КНР – никто не планирует остаться работать в РФ.

Далее мы изучали, с чем именно связано изменение планов студентов и аспирантов из Китая (см. табл. 3). Выборка иная, так как в таблице представлены ответы только тех кто указал, что его планы изменились.

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы оказались ключевыми при пересмотре планов?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из Китая					
	бакалавры		магистры		аспиранты	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Вузы США, Великобритании и т. д. входят в мировые рейтинги вузов мира. В РФ мало вузов, которые сопоставимы по престижу с вузами этих стран	100	100	100	100	100	100
В других странах (США, Канаде, и Европе) в целом больше возможностей для трудоустройства	100	100	100	100	100	100
В США, а также в странах Европы лучше социально-экономическая среда, более развитая инфраструктура	78	87	79	84	80	88

Ответы респондентов	Иностранные граждане из Китая					
	бакалавры		магистры		аспиранты	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
В других странах (США, Германии и т. д.) лучше экология, климат	74	65	72	62	71	59
Низкая известность российских вузов за рубежом, слабые позиции в международных рейтингах	52	55	51	56	49	53
Недружелюбное визовое законодательство	47	56	43	58	46	59
Изменились условия на рынке труда	24	17	26	16	25	18
Отношение окружающих (агрессия, грубость, враждебность со стороны проживающего населения)	23	45	25	47	27	49
В РФ высокий уровень преступности	22	37	21	38	18	21
СВО	21	22	20	19	21	22
Повышение доходов Вашей семьи	19	18	16	18	18	21
Снижение доходов Вашей семьи	18	28	21	31	22	34
COVID-19	18	19	17	18	16	20
Чувство одиночества в новой культуре	13	17	10	14	5	6
Личные причины	6	7	7	8	6	9
Другое	5	5	5	5	5	5

**Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Мы видим, что для иностранных граждан из КНР возможность учиться и работать в США, Канаде, Японии и странах Европы кажется более престижной из-за развитой инфраструктуры, высоких зарплат, комфортных условий проживания, и наличия более престижных вузов.

Был проведен анализ сайтов (сайты служб, отделов, департаментов по рекрутингу и сопровождению иностранных студентов) ведущих вузов, в которых учится больше всего граждан из Китая, чтобы выяснить, какие условия (возможности) созданы для поступающих (обучающихся) из КНР.

Установлено, что вузы предоставляют иностранным студентам

помощь в виде консультаций, прикреплении за группой кураторов из числа преподавателей и студентов старших курсов, помогают снять жилье или дают комнату в общежитии, предлагают работу в РФ после окончания вуза, психологическую поддержку, в некоторых вузах оказывают бесплатную юридическую помощь. В вузах существует четкое разделение по направлениям: одни взаимодействуют со студентами из Китая, другие отделы отвечают за взаимодействие с иностранными гражданами из стран Африки. В плане рекрутирования новых абитуриентов из КНР российские вузы добавляют новые каналы коммуникации с иностранными гражданами

из Китая, пытаются представлять информацию о своем вузе в самых популярных социальных сетях Китая на китайском языке, что способствует и продвижению вуза, и его узнаваемости для граждан Китая.

В рамках исследования осуществлено интервьюирование позиционных экспертов (сотрудники центров (отделов) международного образования при вузах, профессора и т. д.), n=25.

Профессор, 70 лет

«В ведущих странах мира иммиграционная политика направлена не только на привлечение талантливой молодежи, но и на то, чтобы наиболее способные оставались в стране и работали на ее процветание. А что у нас? Мы с таким трудом через открытия «Русских домов», проведения международных олимпиад, популяризацию русского языка привлекаем иностранных абитуриентов в страну, а иностранные граждане, получая степень бакалавра в РУДН, МГУ, ВШЭ и т. д., стремятся продолжить образование в США, Великобритании, Канаде, Франции, Германии и, как правило, получив там степень магистра или степень Ph.D., там и остаются. Надо совершенствовать инструменты «мягкой силы» во внешней политике России».

Сотрудник международного отдела вуза, доцент, 57 лет

«Иностранные граждане по-разному (с разной скоростью) адаптируются к новому месту обучения. Большинство граждан из Китая достаточно хорошо приспособлива-

ются к климатическому и временному поясу. Но у ряда иностранных студентов из КНР возникают сложности при адаптации к новой социокультурной среде. Необходимо совершенствовать институт наставничества в вузах. Мы сталкиваемся с тем, что многие студенты из КНР не знают, куда можно обратиться за юридической или медицинской консультацией, считаю, что Россотрудничество должно повысить эффективность своей работы. Необходимо существенно увеличить финансирование федеральных целевых программ и проектов, направленных на продвижение и укрепление позиций российского образования и русского языка за рубежом».

Декан факультета иностранных языков, профессор, 60 лет.

«По данным статистики количество студентов из Китая больше всего в вузах США, Великобритании, Канады, очевидно, что старые формы рекрутинга, применяемые российскими вузами, больше не работают. Нужно совершенствовать механизмы рекрутингового процесса, развивать свои собственные бренды. А у нас пока на слуху только МГУ, ВШЭ, СПбГУ, хотя есть чем гордиться, много вузов сильных не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Новосибирске, и Томске. Организовывать туристические поездки для ребят из КНР, хотя бы в Новосибирск, Томск, Красноярск. Кроме этого, необходимо максимально упростить подачу заявки на обучение в РФ для абиту-

риентов из Китая. В стране много непонятных посредников, коммерческих фирм, которые за деньги помогают подать документы в российские вузы. Нужно избавляться от таких посредников, помощь должно оказывать Россотрудничество, у него для этого есть все ресурсы».

Мы видим, что у позиционных экспертов есть большое количество предложений как повысить эффективность миграционной политики в отношении талантливой молодежи из КНР.

Заключение

Для совершенствования государственного механизма привлечения и удержания в стране иностранных абитуриентов из Китая необходимо следующее:

- вузы должны создать комфортные условия для социальной, психологической, физиологической и языковой адаптации иностранным студентам;
- за каждым иностранным студентом важно закрепить куратора и студента-старшекурсника с высоким уровнем кросс-культурных компетенций;
- с иностранными студентами должны работать преподаватели, обладающие знаниями о национально-психологических особенностях студентов (магистрантов, аспирантов) из Китая;
- систематически проводить олимпиады в Китае, дающие право поступать в российские вузы;

- открывать центры по довузовской подготовке в вузы РФ в КНР;
- предоставлять наиболее способным иностранным аспирантам место для работы в российских вузах;
- инвестировать в образовательные рынки за рубежом, в частности, открывать русские школы в Китае с внедрением китайских методик обучения, в распространение курсов изучения русского языка во внешкольное время;
- выделять больше отдельных комнат в общежитиях для иностранных граждан – студентов (магистранту, аспиранту и т. д.);
- доступ на сайт российских вузов должен быть круглосуточным и иметь режим быстрой обратной связи, учитывая разные часовые пояса с КНР, а также вся информация на сайте должна дублироваться на китайском языке;
- информация о вузах должна быть широко представлена в самых популярных социальных сетях в КНР, причем должны быть созданы сообщества и группы, где в режиме быстрой обратной связи любой гражданин Китая мог бы общаться с представителем российских вузов и получать всю необходимую информацию;
- расширить сеть терминалов в представительствах Россотрудничества за рубежом, чтобы любой иностранный гражданин мог подавать документы в вуз РФ, пройти собеседование онлайн, не покидая своей страны, вблизи от места своего проживания.

Библиографический список

1. Алешин В. В. Учебная миграция выпускников средних школ: предпосылки и мотивы (на материалах Ярославской области) // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 8. С. 24-35.
2. Антонова Н. Л. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // *Образование и наука*. 2020. Т. 22. № 1. С. 31-58.
3. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. Т. 13, № 1. С. 32-57.
4. Бабуркин С. А. Отношение к учебе и вторичной занятости студентов: гендерные особенности // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 11. С. 47-62.
5. Березин Д. Т. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2020. № 10. С. 12-22.
6. Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // *Информационные войны*. 2022. № 1 (61). С. 23-25.
7. Коряковцева О. А. Цифровое поколение: вызов к гражданской идентичности / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // *Политическое в условиях цифровых трансформаций : материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием)*. Москва : Аспект-Пресс, 2022. С. 165-175.
8. Кушнарв Ф. Ю. Бренд страны, региона и города как фактор «мягкой силы» России // *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 3 (13). С. 44-68.
9. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 2 (12). С. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
10. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках «мягкой силы» Российской Федерации // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 10-13.
11. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro E., & Santos-Jaén J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image // *Corporate social responsibility and environmental management*. 2022. № 29(3). P. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
12. Corley E.A. & Sabharwa M. Foreign-born academic scientists and engineers: producing more and getting less than their us-born peers? // *Research in higher education*. 2007. №48. P. 909-940.
13. Del-Castillo-Feito C., A. Blanco-González and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university // *European research on management and business economics*. 2019. № 25 (2). P. 87-92.
14. Dursun O., & Altin Gumussoy C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view // *Quality assurance in education*. 2021. № 29. P. 166-182.

15. Gong Xue, Huybers Twan. Chinese students and higher education destinations: Findings from a choice experiment // Australian journal of education. 2015. 59. 2. P. 196-218.
16. Hansen Anders Sybrandt, Thøgersen Stig. The anthropology of chinese transnational educational migration // Journal of current chinese affairs. 2015. 44. 3. P. 3-14.
17. Israel E. & Batalova J. International students in the United States. 2021. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/international-students-united-states-2020>. (Дата обращения: 14.01.2021).
18. Kahn S. & MacGarvie M. The impact of permanent residency delays for stem PhDs: Who leaves and why // Research policy. 2020. 49(9). P. 54.
19. Kim D., Wolf-Wendel L. & Twombly S. International faculty: Experiences of academic life and productivity in US universities // The journal of higher education. 2011. №82. P. 720-747.
20. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the ‘university image model’ for higher education institutions’ sustainability // J. Market. High educ. 2021. № 31 (2). P. 220-239.
21. McKivigan J. M. Effect of federal policy changes on international students pursuing higher education studies in the United States // Higher education research. 2020. №5. P. 60.
22. Moser P., Voena A. & Waldinger F. German jewish émigrés and US invention // American economic review. 2014. №104. P. 3222-55.
23. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy reviews in higher education. 2022. Volume 6. Issue 1. P. 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
24. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High educ. 2021. P. 1-19.
25. Tse Agnes Chung-yan. Beauty is in the eye of the beholder – promoting chinese soft power to the right audience in the right ways // International journal of arts & sciences. 2014. 7. 5. P. 1-10.
26. Wen W. Inbound international student policies in China: a historical perspective // Asian education and development studies. 2018. Vol. 7 Issue: 2, P.174-183: <https://doi.org/10.1108/AEDS-09-2017-0097>.

Reference list

1. Aleshin V. V. Uchebnaja migracija vypusnikov srednih shkol: predposylki i motivy (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Educational migration of secondary school graduates: prerequisites and motives (based on materials from the Yaroslavl region) // Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly). 2021. № 8. S. 24-35.
2. Antonova N. L. «Mjagkaja sila» vysshego obrazovanija kak faktor mirovogo liderstva = The “soft power” of higher education as a factor in world leadership / N. L. Antonova, A. D. Sushhenko, N. G. Popova // Obrazovanie i nauka. 2020. T. 22, № 1. S. 31-58.
3. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russia's foreign policy: “soft power” of the regions // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2021. T. 13, № 1. S. 32-57.
4. Baburkin S. A. Otnoshenie k uchebe i vtorichnoj zanjatosti studentov: gendernye osobennosti = Attitudes to students' studies and secondary employment: gender aspect // Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly). 2022. № 11. S. 47-62.

5. Berezin D. T. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = Impact of COVID-19 on the higher education system / D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2020. № 10. S. 12-22.
6. Bincin Ch. «Mjagkaja sila» v koncepcii vneshnej politiki Kitaja = “Soft power” in China's foreign policy concept // Informacionnye vojny. 2022. № 1 (61). S. 23-25.
7. Korjakovceva O. A. Cifrovoe pokolenie: vyzov k grazhdanskoj identichnosti = Digital generation: a challenge to civic identity / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Politicheskoe v uslovijah cifrovyh transformacij : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhnarodnym uchastiem). Moskva : Aspekt-Press, 2022. S. 165-175.
8. Kushnarev F. Ju. Brend strany, regiona i goroda kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = The brand of the country, region and city as a factor of “soft power” of Russia // Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 3 (13). S. 44-68.
9. Talanov S. L. Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = Place of education in the policy of “soft power” of Russia: strategic directions and tools // Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 2 (12). S. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
10. Shatilov A. B. Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov gumanitarnyh i obshhestvovedcheskih napravlenij v ramkah «mjagkoj sily» Rossijskoj Federacii = Academic mobility of foreign students of humanitarian and social studies in the framework of “soft power” of the Russian Federation // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 6 (42). S. 10-13.
11. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro E., & Santos-Jaén J. M. The influence of corporate socialresponsibility on students' emotional appeal in the HEIs: Themediating effect of reputation and corporate image // Corporatesocial responsibility and environmental management. 2022. № 29(3). P. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
12. Corley E.A. & Sabharwa M. Foreign-born academic scientists and engineers: producing more and getting less than their us-born peers? // Research in higher education. 2007. №48. P. 909-940.
13. Del-Castillo-Feito C., A. Blanco-González and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university // European research on management and business economics. 2019. № 25 (2). P. 87-92.
14. Dursun O., & Altin Gumussoy C. The effects of quality of servicesand emotional appeal on university reputation: stakeholders' view // Quality assurance in education. 2021. № 29. P. 166-182.
15. Gong Xue, Huybers Twan. Chinese students and higher education destinations: Findings from a choice experiment // Australian journal of education. 2015. 59. 2. P. 196-218.
16. Hansen Anders Sybrandt, Thøgersen Stig. The anthropology of chinese transnational educational migration // Journal of current chinese affairs. 2015. 44. 3. P. 3-14.
17. Israel E. & Batalova J. International students in the United States. 2021. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/international-students-united-states-2020>. (Data obrashhenija: 14.01.2021).
18. Kahn S. & MacGarvie M. The impact of permanent residency delays for stem PhDs: Who leaves and why // Research policy. 2020. 49(9). P. 54.
19. Kim D., Wolf-Wendel L. & Twombly S. International faculty: Experiences of academic life and productivity in US universities // The journal of higher education. 2011. №82. P. 720-747.

20. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the ‘university image model’ for higher education institutions’ sustainability // J. Market. High educ. 2021. № 31 (2). P. 220-239.
21. McKivigan J. M. Effect of federal policy changes on international students pursuing higher education studies in the United States // Higher education research. 2020. №5. P. 60.
22. Moser P., Voena A. & Waldinger F. German jewish émigrés and US invention // American economic review. 2014. №104. P. 3222-55.
23. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy reviews in higher education. 2022. Volume 6. Issue 1. P. 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
24. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High educ. 2021. P. 1-19.
25. Tse Agnes Chung-yan. Beauty is in the eye of the beholder – promoting chinese soft power to the right audience in the right ways // International journal of arts & sciences. 2014. 7. 5. P. 1-10.
26. Wen W. Inbound international student policies in China: a historical perspective // Asian education and development studies. 2018. Vol. 7 Issue: 2, P.174-183: <https://doi.org/10.1108/AEDS-09-2017-0097>.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.
The article was submitted on 23.12.2023; approved after reviewing 27.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-84

EDN: IASNC

Социальное конструирование милитаризованных пространств Юго-Западного фронта в нарративах участников Первой мировой войны

Александра Сергеевна Лихачева

Аспирант, старший преподаватель, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

likhacheva.yspu@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0683-8464>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции просопографии авторов военных нарративов об опыте взаимодействия русской армии с милитаризованными пространствами Юго-Западного фронта Первой мировой войны, и, в частности, об опыте оккупации русскими войсками австрийской провинции Галиция. Источниковая база данного исследования представлена личными материалами (письма, дневники, мемуары) представителей двух профессиональных групп – комбатантов и медицинского персонала Юго-Западного фронта. Данная группа источников позволяет исследовать специфику конструирования беллигеративных ландшафтов в экспертных дискурсах, а также определить спектр моделей описания милитаризованной окружающей среды Галиции в индивидуальных нарративах участников конфликта. В статье приведены результаты анализа непосредственного социального конструирования военной реальности участниками боевых действий сквозь призму их происхождения, уровня образования, групповой идентичности, профессиональной принадлежности, степени вовлеченности в реальные боевые действия. Автор статьи приходит к выводам о том, что особенности профессиональной деятельности на фронте влияют на ракурс восприятия происходящего, и определяет специфику дискурса каждой группы. Так, социальное конструирование образа окружающей среды зависело от культурного багажа автора эпистолярных материалов и его предшествующего военного опыта, от принадлежности к конкретному роду войск, от плотности контактов с милитаризованными пространствами и их населением, от конкретной фазы военных действий. Означивание военизированной окружающей среды через пропагандистские, религиозные, литературные каноны способствовало для свидетелей событий принятию смертельного ужаса войны, негативного боевого опыта, траура и ностальгии по утраченным жизненным мирам. Одновременно профессионализация дискурсов покорения окружающей среды через военно-стратегическую и медицинскую призму имела долгосрочное институциональное влияние.

© Лихачева А. С., 2024

Ключевые слова: Первая мировая война; Юго-Западный фронт; Галиция; индивидуальные нарративы; источники личного происхождения; военный опыт; просопография; социальное конструирование реальности

Исследование выполнено в рамках проекта «Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе» (РФФИ / РЦНИ)

Для цитирования: Лихачева А. С. Социальное конструирование милитаризованных пространств Юго-Западного фронта в нарративах участников Первой мировой войны // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 84-101. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-84>. <https://elibrary.ru/JIASNC>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

Social construction of militarized spaces of the Southwestern Front in the narratives of participants in the First world war

Aleksandra S. Likhacheva

Post-graduate student, senior lecturer, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

likhacheva.yvspu@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0683-8464>

Abstract. The article is devoted to reconstructing the prosopography of the authors of military narratives about the experience of the interaction of the Russian army with the militarized spaces of the Southwestern Front during the First World War, and, in particular, about the experience of the occupation by Russian troops of the Austrian province, Galicia. The source base of this study is represented by personal materials (letters, diaries, memoirs) of representatives of two professional groups – combatants and medical personnel of the Southwestern Front. This group of sources allows investigating the specifics of the construction of belligerent landscapes in expert discourses, as well as determining the range of models for describing the militarized environment of Galicia in individual narratives of participants in the conflict. The article presents the results of the analysis of the direct social construction of military reality by participants in hostilities through the prism of their origin, level of education, group identity, professional affiliation, degree of involvement in real hostilities. The author of the article comes to the conclusion that the peculiarities of professional activity at the front affect the perception of what is happening, and determines the specifics of the discourse of each group. Thus, the social construction of the image of the environment depended on the cultural baggage of the author of epistolary materials and his previous military experience, on belonging to a specific kind of troops, on the contacts with militarized spaces and their population, on a specific phase of hostilities. The signification of the paramilitary environment through propaganda, religious, literary canons contributed to the acceptance of the deadly horror of war, negative combat experience, mourning and nostalgia for lost life worlds for witnesses of events. At the same time, the professionalization of discourses of conquering the environment through a military-strategic and medical prism had a long-term institutional impact.

Keywords: World war I; Southwestern front; Galicia; individual narratives; sources of personal origin; military experience; prosopography; social construction of reality

The study was carried out within the framework of the project “The Great War and the Anthropocene: toxic legacies of empires and environmental transformation in Central and Eastern Europe” (RFBR / RCSR)

For citation: Likhacheva A. S. Social construction of military reality: spaces of the Southwestern front in narratives of the First world war participants. *Social and political researches*. 2024;1(22): 84-101. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-84>. <https://elibrary.ru/IIASNC>.

Введение

В исследовательских дискуссиях и общественных представлениях Первая мировая война по праву возводится в статус одного из ключевых событий Новейшей истории. Размах военных действий, численность сражающихся армий, новые технологии уничтожения, степень мобилизации воюющих обществ определили длительные направления развития отдельных стран, регионов, системы международных отношений в целом. Мобилизация миллионных армий, их чрезмерная концентрация на узких участках боевых действий, максимальное насыщение этих пространств техникой и социальными практиками насилия привели к возникновению и постоянному расширению специфического вида «беллигеративных ландшафтов», подчинявшихся особой военной логике. Принудительная включенность человека в эти пространства и длительное пребывание в них в значительной степени определяли переживания войны, поведенческие практики и образцы толкования групповых и индивидуальных переживаний. Как считают ведущие специалисты в области военно-исторической антропо-

логии, именно военный опыт определил дальнейшую радикализацию социальных настроений и катастрофы революционных потрясений и Гражданской войны в России [Нарский, 2007; Нарский, 2005; Голубев, Поршнева, 2011; Сенявская, 1999]. Тем не менее лакуной современной историографии остаются вопросы непосредственного социального конструирования военной реальности участниками боевых действий сквозь призму их происхождения, групповой идентичности, профессиональной принадлежности.

В данной статье предполагается обратиться к существующим исследовательским пробелам и реконструировать просопографию авторов военных нарративов об опыте взаимодействия русской армии с милитаризованными пространствами Юго-Западного фронта Первой мировой войны, и, в частности, об опыте оккупации австрийской провинции Галиция. Источниковая база исследования представлена индивидуальными нарративами двух профессиональных групп – комбатантов [Письма Огнева И. Н.; Степун, 1926; Ильин, 2016; Морозов, 2018; Анисимов; Саянский, 2014; Торнау, 1923;

Рассказы солдат и унтер-офицеров ... ; Экк, 2014; Дневник И. В. Карпова; Белов, 1915] и медицинского персонала [Краузе, 2013; Фармборо, 2014; Захарова, 1915; Дневник Ю. Буторовой; Farmborough, 1979; Варнек, 2001; Кравков, 2014; Ткачёв, 2014; Гар; Зарубин; Воспоминания зауряд-врача ... , 2014]. Личные материалы позволяют изучить субъективную реальность, какой являются образы беллигеративных ландшафтов и приемы конструирования окружающей среды.

Состояние исследований

и методологические подходы

Инструментарий *военно-исторической антропологии* вбирает в себя конструктивистские теории «жизненных миров» Э. Гуссерля и А. Шюца, теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, военного опыта Р. Козеллека. Концепция «жизненного мира», в ординарном состоянии описывающая пространства действий индивида на стыке частной и публичной сред, в случае экстремальной военной ситуации позволяет выявить специфические реакции участников и свидетелей войны в широком смысле на стремительную и кардинальную смену устойчивых структур повседневности. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, именно через непрерывный процесс структурирования, ментального переозначивания, принятия или реинтерпретации индивидом и сообществами окружающего мира осуществляется социаль-

ное конструирование реальности [Бергер, 1995].

Антропологический поворот в исторической науке вызвал пристальный исследовательский интерес к переживаниям «маленького человека» в экстремальных событиях и процессах, что привело к становлению направления военно-исторической антропологии [Сенявская, 1995]. Введение в научный оборот личных материалов, непосредственно отражающих переживания на фронте и в тылу, позволило выявить социальные стратегии приспособления к новым условиям, коллективные и индивидуальные поведенческие практики, эмоциональный режим комбатантов и мирного населения, роль образов в формировании горизонта ожидания и образцов толкования военного опыта. Классическим исследованием восприятия военизированных пространств комбатантами Западного фронта стала работа П. Фассела «Великая война и современная память», опубликованная в 1975 г. [Фассел, 2015]. Автор пришел к выводу, что именно Первая мировая война привела к кардинальному слоому в сознании, породила новое мировосприятие, потребовавшее, в свою очередь, принципиально иного подхода к отражению действительности в слове – существующий вокабуляр, представляющий собой множество седиментированных социальных практик, не был способен описать переживания военной катастрофы. Через деконструкцию текстов Фассел выявил принципы и стилистические приемы,

выработанные «окопными авторами», установил точки континуитета и разрыва с предшествующими литературными традициями [Фассел, 2015]. До сих пор этот труд выступает в качестве ориентира при подобной постановке вопросов и работе с однородными видами источников.

Сходную постановку исследовательских вопросов на примере обширнейшего комплекса фронтовых писем немецких комбатантов реализует Б. Ульрих. Автор подчеркивает уникальность данного вида материалов, исходя из непосредственной причастности корреспондентов к незавершившимся еще историческим событиям. С другой стороны, он призывает исследователей быть максимально осторожными при работе с подобными источниками и уделять внимание условиям возникновения текстов писем. В качестве факторов, влияющих на фронтовые эпистолярные нарративы, Ульрих определяет религиозную, политическую, поколенческую, этническую принадлежность, читательский и профессиональный опыт, военный ранг автора [Ulrich, 1994].

Лингвистический поворот в гуманитарных науках позволил историкам обогатить свои методы приемами лингвистики и литературоведения. Признавая определяющую роль языка при реализации властных претензий на контроль за производимыми в конкретном обществе смыслами и толкованиями, М. Фуко ввел в научные исследования категорию «дискурс», подразумевая под этим, в том числе рамки высказыва-

ний, основные правила вербализации о явлениях окружающего мира, влияющие на усвоение переживаний и их превращение в структуры опыта [Фуко, 1996]. Дискурс относится к институционально закрепленному разделению знания (например, медицинский, психологический, судебный, экономический, научный), и одновременно этим термином обозначаются социальные практики, которые формируют объекты, концепты и стратегии. Обращение к дискурсивным практикам Первой мировой войны позволяет исследователю выявить сущностные принципы организации познания, упорядочивания экспертного знания и бытового сознания в экстремальных условиях военного времени, а также описать рамки создания индивидуальных нарративов участников военных действий в условиях постоянного соприкосновения с милитаризованной окружающей средой.

Многообразные подходы к изучению индивидуальных нарративов сближает метафора личности как рассказчика и повествователя собственной истории. Хотя в процессе повествования автор вербализует свой личностный смысл и опыт, он в обязательном порядке соотносит его с системой социальных значений и политическим контекстом, характеризующим определенный лингвосоциум [Брокмейер, 2000]. Принцип деконструкции, предложенный Ж. Дерридой, позволяет выявить в нарративах возможные противоречивые утверждения между логическим и риторическим содержанием

текста, а также определять степень взаимосвязи языка и смыслового наполнения [Derrida, 1967]. Деконструкция предполагает смещение фокуса исследователя с «открытого» содержания, передаваемого в тексте, на посредника, которым служит язык, и он же позволяет выявить маловероятные детали и маргиналии, раскрывающие скрытое значение текста, например то, что скрыто метафорически. Рассматривая деконструкцию в широком смысле, ее можно ассоциировать с критической формой переосмысления различных типов канонов, таких как, например, литературные, философские, исторические и т. д.

Лакуны источниковой базы, объясняемые низким уровнем грамотности нижних чинов и плохой сохранностью эго-документов в условиях революции и Гражданской войны, могут быть компенсированы на основе принципа экстраполяции выводов, сделанных на основе отдельных кейсов. Как отмечает Б. Циманн, источниками относительно единообразных образцов толкований для комбатантов Первой мировой войны, помимо религиозных и языковых канонов, выступали постоянные разговоры с сослуживцами в окопах и в резерве. И хотя исследователь признает невозможность документального подтверждения существования и степени воздействия данного канала коммуникации (кроме единичных отражений в более поздних воспоминаниях и произведениях художественной литературы) [Ziemann,

2013], можно с высокой долей вероятности принять эту точку зрения и считать дошедшие до нас индивидуальные нарративы выражением типической реакции на контакты комбатантов с военизированной природой.

Комбатанты Юго-Западного фронта Первой мировой как социальная группа

Авторы анализируемых индивидуальных нарративов являются комбатантами Юго-Западного фронта и участниками оккупации Галиции. Большинство из них имели статусное военное образование: например, И. Огнев (годы жизни неизвестны) окончил Гатчинскую военную авиационную школу [Летчик Огневгерой Первой мировой], И. Ильин (1885–1981 гг.) – выпускник Михайловского артиллерийского училища [Ильин, 2016, с. 9], Э. Экк (1851–1937 гг.) начал офицерский путь после Николаевской академии Генерального штаба [Экк Эдуард Владимирович], Л. Братанович (1877–1936 гг.) получил звание подпрапорщика, окончив курс Виленского пехотного юнкерского училища [Братанович Леопольд Станиславович], С. Торнау (1889–1964 гг.) – выпускник Пажеского корпуса в Петербурге [Торнау Сергей Александрович]. Их взгляд дополняется свидетельствами участников войны, не являющихся кадровыми военными, попавшими на фронт добровольно или в ходе мобилизации в Российской империи. Например, Ф. Степун (1884–1965 гг.) был мобилизован после отбывания

воинской повинности и учебы в Гейдельбергском университете (его частично европейская социализация представляется особенно интересной для выстраивания сравнительных перспектив при изучении нарративов) [Вахитова, 2005, с. 428], а И. Карпов (1897–1965 гг.), до войны получивший образование в городском училище в Боровске, отправился на фронт в статусе вольноопределяющегося [Савелова, 2021, с. 29].

Предшествующий опыт исследуемой группы авторов также дифференцируется по признаку наличия опыта военной службы до Первой мировой войны. Эрк командовал дивизией во время Русско-японской войны [Эрк Эдуард Владимирович], получив в 1904 г. звание генерал-лейтенанта, Братанович также являлся участником Русско-Японской войны 1904–1905 гг. и, в частности, сражения под Мукденом, награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и орденом Св. Анны 4-й степени, к 1914 г. стал младшим офицером 97-го пехотного Лифляндского полка [Братанович Леопольд Станиславович]. Ильин к началу Первой мировой войны долгое время служил в 74-ой артиллерийской бригаде 74-ой пехотной дивизии [Ильин, 2016]. Ракурс восприятия беллигеративных ландшафтов Галиции кадровыми офицерами расширяется за счет впечатлений комбатантов, не имевших опыта военной службы, Огнев прибыл на Юго-Западный фронт добровольно [Летчик Огнев-герой Первой мировой], Анисимов был мобилизован

сразу после начала войны [Анисимов], В. Белов (1890–1930-е гг.) являлся корреспондентом периодических изданий «Нива», «Солнце России», газет «Биржевые ведомости», «Рижский курьер», Карпов служил конторщиком в казенных учреждениях [Савелова, 2021].

Анализируемая группа авторов-комбатантов включает в себя представителей всех структурных подразделений Российской императорской армии: авиация, пехота, артиллерия. Однако степень вовлеченности авторов в реальные боевые действия различна. Братанович соприкоснулся с жизнью фронта опосредовано как заведующий хозяйством 16-го военно-санитарного поезда, позже служил в Александровском комитете о раненых, параллельно числился в 1-ом запасном пехотном полку в Петрограде и 97-м пехотном Лифляндском полку, в 1917 г. получил звание подполковника [Братанович Леопольд Станиславович]. Ильин занимал тыловые должности ввиду ранений и контузии в самом начале войны [Ильин, 2016, с. 9], Огнев обслуживал самолеты и не участвовал в военных действиях [Летчик Огнев-герой Первой мировой]. В полной мере с боевой жизнью столкнулся В. Белов, добровольно начавший службу в звании прапорщика и служивший в 68-м маршевом запасном батальоне и 94-м пехотном Енисейском полку, позже был контужен и отравлен газами [В. Белов], но остался в строю, а позже произведен в подпоручики. Активное участие в непосредственных битвах принима-

ли артиллеристы 12-й Сибирской Стрелковой дивизии М. Анисимов и Ф. Степун (призванный в действующую армию в начале войны и к 1916 г. дослужившийся до офицерского звания) [Степун Федор Августинovich]. Носителями опыта руководства крупными военными операциями являлись Экк (принимал участие в Галицийской битве 1914 г. и Брусиловском прорыве 1916 г. в статусе командира 7-го и 23-го армейских корпусов) [Экк Эдуард Владимирович] и пехотный офицер С. А. Торнау (служил капитаном лейб-гвардии Преображенского полка) [Торнау Сергей Александрович]. Стоит учитывать факт того, что функционал старших офицеров включал в себя командование подразделениями и организацию боевых операций, но исключал прямое столкновение с противником в битвах с оружием. Специфика их военного опыта состоит в возможности большего охвата данных о положении дел на фронте и понимании функционирования армии на широких пространствах.

С пером и скальпелем: военные медики Юго-Западного фронта Первой мировой как авторы нарративов

Особую группу носителей военного опыта Первой мировой войны составили военные медики: корпусные доктора, сестры милосердия, врачи оккупационной администрации, эпидемиологи и бактериологи, специально приглашенные из столичных университетов. Во-первых,

особенности природы и климата провинции влияли на практическую деятельность медицинского персонала (малоизвестные штаммы болезней, высокая вероятность распространения инфекций при плотности размещения комбатантов, отсутствие данных об источниках воды). Во-вторых, бегство на запад австрийских медиков, более осведомленных о санитарно-медицинских угрозах в Галиции, создавало минимальные возможности трансфера знаний и коммуникации для русских специалистов. С одной стороны, это закрепляло сформированные еще до оккупации представления, с другой – требовало собственных эпидемиологических исследований. В-третьих, в отличие от солдат и оставивших мемуарное наследие офицеров, медики соприкасались непосредственно с местным населением, у них была возможность плотного профессионального контакта с жителями Галиции. Наконец, на примере именно этой профессиональной группы военных мы получаем возможность проанализировать женский взгляд на войну и природу, что практически невозможно в других источниковых массивах о пребывании русских армий в Галиции.

Некоторые из авторов анализируемых нарративов имели высокий уровень образования: Т. Я. Ткачев (1885–1970 гг.) с отличием окончил Воронежскую духовную семинарию в 1907 г., однако, для продолжения образования выбрал не духовную академию, а медицинский факультет Харьковского университета, который

окончил в 1912 г. [Ткачёв, 2014]. В. Кравков (1859–1920 гг.), получил специализированное военно-медицинское образование, являлся выпускником Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, а в 1891 г. получил степень доктора медицины [Узбекова, 2014, с. 51-54]. Не менее статусное образование имел Ф. Краузе (1887–1973 г.), окончивший медицинский факультет Московского университета [Краузе, 2013, с. 3]. Их взгляд дополняется свидетельствами И. Арямова (1884–1958 гг.), не получившего полного медицинского образования, мобилизованного на фронт Первой мировой войны с V курса медицинского факультета Московского университета [Воспоминания зауряд-врача ... , 2014, с. 89]. Профессиональная подготовка к работе в полевых госпиталях и лазаретах сестры милосердия Ф. Фармборо (1887–1978 гг.) ограничивалась полугодовым курсом, сравнительно короткой практической деятельностью в тыловом госпитале для раненых солдат и сдачей экзамена в Обществе Красного креста [Фармборо, 2014]. Ю. Буторова (1885–1946 гг.) также в начале войны прошла ускоренные курсы по подготовке сестер милосердия при Кауфманской общине в Санкт-Петербурге [Жердева, 2021]. Т. Варнек (1894–1990 гг.) также поступила в Кауфманскую общину на курсы запасных сестер милосердия после окончания гимназии в 1912 г., но окончила их и получила назначение в лазарет в 1914 г. [Жердева, 2021].

В статье используются также изданные в 1915 г. дневниковые записи сестры милосердия Л. Захаровой (даты жизни не установлены). Ее подробной биографии пока не найдено, в реконструкции довоенного опыта данного автора мы можем лишь опираться на представления о распространенных механизмах попадания на фронт сестер милосердия. Кроме того, необходимо учитывать факт публикации нарратива Захаровой в условиях военной цензуры и пропаганды.

Для анализа восприятия милитаризированной природы важен предшествующий опыт исследуемой группы врачей и сестер милосердия. Долгое время специализировавшийся на военной медицине Кравков имел огромный стаж работы в качестве младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка и 159-й пехотного Гурийского полка, старшего врача Оренбургского местного батальона, Казанского военного госпиталя, руководителя полевым госпиталем в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Узбекова, 2014], участником которой в качестве военного хирурга являлся еще один анализируемый автор Е. Л. Гар (1870–1948 гг.) [Гар Егор (Георгий) Лукич]. До Первой мировой войны Т. Я. Ткачев принимал участие в борьбе с эпидемией холеры, являлся организатором санитарного дела в Воронежской губернии, где с 1912 по 1914 гг. он работал земским санитарным врачом [Ткачёв, 2014].

Довоенная карьера Краузе не была связана с военными подразделе-

ниями и ограничивалась работой врачом-ассистентом в Морозовской городской детской больнице [Краузе, 2013]. Ракурс восприятия беллигеративных ландшафтов Галиции кадровыми врачами расширяется за счет впечатлений Фармборо, не имевшей опыта военной или медицинской службы, прибывшей на Восточный фронт добровольно и занимавшейся до войны обучением воспитанниц английскому языку в качестве гувернантки [Фармборо, 2014]. Довоенный опыт сестер милосердия Ю. Буторовой и Т. Варнек не был связан с медицинской сферой деятельности. Ю. Буторова являлась представителем дворянского рода Буторовых и правнучкой известного героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова [Сумбурова, 2019], Т. Варнек также происходила из дворянской семьи генерала А. И. Варнека.

Степень соприкосновения авторов с реальными боевыми действиями на территории Галиции и их последствиями различна. Кравков прибыл на Юго-Западный фронт в августе-сентябре 1914 г. в составе XXV армейского корпуса и стал свидетелем Галицийской битвы [Узбекова, 2014, с. 51-54]. Позже он занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии и корпусного врача нескольких армейских корпусов. Свои дневниковые записи он создавал с 1914 по 1917 г. Т. Я. Ткачев служил старшим врачом 142-й технической дружины [Ткачёв, 2014, с. 3] и описал в полевом дневнике свою деятельность во фронтовых лазаретах в период с 1914 по 1916 г. Е. Л. Гар служил воен-

ным хирургом в 404-м военнопольном госпитале, специфика его дневниковых записей состоит в регулярной фиксации впечатлений от перемещения по ландшафтам Галиции и Юго-Западного фронта [Гар Егор (Георгий) Лукич]. В полной мере с милитаризованными ландшафтами столкнулся Краузе, в мае 1915 г. назначенный старшим врачом летучего санитарно-дезинфекционного отряда и командированный на фронт в Восточную Галицию [Краузе, 2013, с. 4]. Его будничная деятельность на данной территории заключалась в обеспечении санитарно-эпидемического благополучия армии, предотвращении и борьбе с эпидемиями. Осуществление данных функций было связано с частыми перемещениями по ходу наступления и отступления армии (Радзивиллов, Броды, Радехов, Дубно), о чем свидетельствуют его письма из Галиции своей невесте, отправленные в период с 1914 по 1917 г. Арямов прибыл в Галицию в качестве зауряд-врача (категория военнослужащих Российской императорской армии, которая была задействована при недостатке соответствующего персонала в условиях военного времени) и находился там на протяжении 1914–1915 гг., фиксируя свои наблюдения в личном дневнике [Воспоминания зауряд-врача, 2014, с. 89-103]. Профессиональный функционал зауряд-врача ограничивался выполнением простейших медицинских процедур и несложных операций. Сестры милосердия Фармборо, Варнек, Захарова работали в госпиталях и лазаретах за

линией фронта, осуществляя медицинскую помощь раненым. Их нарративы были созданы также непосредственно во время боевых действий, отражая наблюдения в жанре дневника. Записи Фармборо датируются 1914-1918 гг., в то время как текст Л. Захаровой был опубликован уже в 1915 г. Ю. Буторова получила назначение во 2-й передовой санитарный поезд Красного Креста [Сумбурова, 2019, с. 100-108]. В составе санитарной поезда бригады она проработала с октября 1914 г. по март 1916 г. [Жердева, 2021].

Выводы

Участники Первой мировой войны, создавшие ряд индивидуальных нарративов непосредственно во время военного конфликта или после него, могут быть охарактеризованы как единая социальная группа, во-первых, в силу осуществления общей социально значимой деятельности, во-вторых, в силу наличия четкой социальной идентификации, осознания каждым индивидом себя как части группы (что особенно ярко проявляется у комбатантов ввиду особого характера воинских норм поведения, субординации и подчинения), в-третьих, реализация социальной интеракции в условиях фронта (активная коммуникация осуществлялась как внутри охарактеризованных групп авторов, так и между этими группами). Помимо этого, реконструкция просопографии авторов позволила выделить множество других совпадающих признаков у многих авторов, например, наличие военного или медицинского образова-

ния, сопричастность культурной среде, опыт военной службы в период Русско-Японской войны у комбатантов и прохождение аналогичных курсов подготовки сестрами милосердия.

Как правило, в довоенном опыте авторов, которые описывают пребывание на милитаризованной территории как увлекательную поездку по естественным достопримечательностям, присутствует высокий уровень образовательного ценза и начитанность. Именно эти факторы определяют проявление канонов художественной литературы при описании военного опыта. Проявление туристического мотива при соприкосновении с незнакомой местностью, романтизация окружающей среды, жалость к погибшим людям и животным свойственны многим личным нарративам участников войны.

Индивидуальные нарративы комбатантов русской армии содержат множество свидетельств, отражающих восприятие длительного пребывания на фронте в качестве путешествия особого рода. Сформированность «туристического» дискурса, использование свойственных путевым заметкам фраз-клише объясняется тем, что практики путешествий в Российской империи XIX – начала XX вв. были, в том числе связаны с карьерой военного. Военная элита имела возможность знакомства с новой местностью и чужеродными ландшафтами благодаря службе в дипломатическом корпусе, обучению за рубежом, участию в военных действиях за пределами Российской империи. К примеру, Русско-

японская война, затронувшая значительную часть русского кадрового офицерства, выступила весьма необычным опытом и сформировала устойчивые ожидания столкновения с чужеродной средой, которые артикулировались в индивидуальных и групповых нарративах.

Особенности профессиональной деятельности на фронте влияют на ракурс восприятия происходящего и определяют специфику дискурса каждой группы. Медицинский взгляд на окружающую среду оккупированной в годы Первой мировой войны Галиции был обусловлен сформированным в довоенный период горизонтом ожиданий данной профессиональной группы: колониальный характер представлений об отсталой и даже опасной в эпидемиологическом отношении местности обуславливал стратегии санитарной культивации окружающей среды и ее населения. Маркировка местности как опасной, природы и населения как угроз жизни и здоровью различным категориям военнотружущих русской армии формировали представление о необходимости контроля над территорией посредством повсеместной дезинфекции. Масштабные задачи, структурные дефициты, невозможность противостоять эпидемиологическим угрозам в чуждой местности обуславливали среди медиков постепенное распространение особого вида

профессионального цинизма, отсутствие любой эмоциональной оценки происходящему.

Таким образом, социальное конструирование образа окружающей среды зависело от культурного багажа автора и его предшествующего военного опыта, от принадлежности к конкретному роду войск, от плотности контактов с милитаризованными пространствами и их населением, от конкретной фазы военных действий. Определение воензированной окружающей среды через пропагандистские, религиозные, литературные каноны способствовало для свидетелей событий нормализации смертельного ужаса войны, негативного боевого опыта, траура и ностальгии по утраченным жизненным мирам. Одновременно профессионализация дискурсов покорения окружающей среды через военно-стратегический и медицинский взгляды имела долгосрочное институциональное влияние

Обращение историков к индивидуальным нарративам участников Первой мировой войны позволяет выявить формы и механизмы вербального, визуального и материального конструирования беллигеративных ландшафтов в профессиональных дискурсах, индивидуальных нарративах и практиках участников Первой мировой войны на Юго-Западном фронте.

Библиографический список

1. Анисимов М. Дневник // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464>. (Дата обращения: 14.10.2023).
2. Белов В. М. Лицо войны: Записки офицера. Петроград : Кн-во б. М. В. Попова, 1915. 182 с.

3. Белов Вадим Михайлович // Памяти героев Великой войны. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital939347/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fysclid%3D110kp03d334755199%26last_name%3DBелов%26first_name%3DВадим%20%26middle_name%3DМихайлович%20%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1. (Дата обращения: 05.03.2024).
4. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Москва : Медиум, 1995. 323 с.
5. Братанович Леопольд Станиславович // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521>. (Дата обращения: 13.01.2024).
6. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2000. № 3. С. 29–42.
7. Варнек Т. А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы : Сборник воспоминаний / под ред. Н. Д. Солженицыной. Москва : Русский путь, 2001. С. 6–170.
8. В. Белов. «Жертва» // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/refl/memu/detail.php?ELEMENT_ID=6547. (Дата обращения: 02.02.2024).
9. Вахитова Т. М. Степун Фёдор Августович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 томах. Т.2. Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. 719 с.
10. Воспоминания зауряд-врача И. А. Арямова о Первой мировой войне. 1914–1915 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89.
11. Воспоминания о первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войне Зарубина А. А. // Военно-медицинский музей г. Санкт-Петербург. ВФ-7327.
12. Гар Е. Г. Дневник 1914–1918 // «Темный лес». URL: <https://temnyjles.ru/dr/EgorGar.shtml?fbclid=IwAR2RsXg4HMB-kRzAavHmJqxoVxYMQAXTa3ytDdAoSfMfiDK003c1-AiNJuk>. (Дата обращения: 10.02.2024).
13. Гар Егор (Георгий) Лукич // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5996>. (Дата обращения: 10.02.2024).
14. Голубев А. В. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн / А. В. Голубев, О. С. Поршнева. Москва : Новый хронограф, 2011. 391 с.
15. Дневник И. В. Карпова // Открытый архив Сибирского Отделения Российской академии наук. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003. (Дата обращения: 06.12.2023).
16. Дневник Ю. Буторовой // Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5.
17. Жердева Ю. А. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны / Ю. А. Жердева, Е. И. Сумбурова, М. В. Черкасова // Научный диалог. 2021. No 8. С. 307–322. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322.

36. Торнау Сергей Александрович // Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Торнау_Сергей_Александрович. (Дата обращения: 25.02.2024).
37. Ткачёв Т. Я. Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914-1916 гг. Воронеж : ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2014. 159 с.
38. Узбекова Д. Г. В. П. Кравков – санитарный врач Русской Императорской армии (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. Т. 22, № 4. С. 51-54.
39. Фассел П. Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2015. 469 с.
40. Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 397 с.
41. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва : ИД «Касталь», 1996. 469 с.
42. Эрк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе, 1868-1918. Москва : Кучково поле, 2014. 630 с.
43. Эрк Эдуард Владимирович // Русская армия в Первой мировой войне. Карто-тека проекта. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547>. (Дата обращения: 01.03.2024).
44. Derrida J. Of Grammatology Editions de Minuit. Paris, 1967. 431 p.
45. Farmborough F. Russian album 1908-1918. Wilton : Michael Russell, 1979. 96 p.
46. Keller T. Destruction of the ecosystem // 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918online.net/article/destruction_of_the_ecosystem. (Дата обращения: 20.02.2023).
47. Stein O. "Orientfahrten". Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militaergeschichtliche Zeitschrift, Vol. 75, no. 2, 2016, Pp. 327-358.
48. Ulrich B. Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges – Möglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 1994. 53 p.
49. Ziemann B. Gewalt im Erster Weltkrieg. Toeten – Ueberleben – Verweigern. Essen: Klartext, 2013. 276 p.

Reference list

1. Anisimov M. Dnevnik = Diary // «Prozhito». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464>. (Data obrashhenija: 14.10.2023).
2. Belov V. M. Lico vojny: Zapiski oficera = Face of War: officer's notes Petrograd : Kn-vo b. M.V. Popova, 1915. 182 s.
3. Belov Vadim Mihajlovich = Vadim Mikhailovich Belov // Pamjati geroev Velikoj vojny. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital939347/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fysclid%3D1t110kp03d334755199%26last_name%3DBelov%26first_name%3DVadim%20%26middle_name%3DMihajlovich%20%26groups%3Dawd%3Apt%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneny%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1. (Data obrashhenija: 05.03.2024).
4. Berger P. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniija = Social construction of reality. Treatise on sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. Moskva : Medium, 1995. 323 s.

5. Bratanovich Leopold Stanislavovich = Bratanovich Leopold Stanislavovich // «Prozhito». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521>. (Data obrashhenija: 13.01.2024).
6. Brokmeier I. Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy = Narrative: challenges and promises of one alternative paradigm / I. Brokmeier, R. Harre // *Voprosy filosofii: nauchno-teoreticheskij zhurnal*. 2000. № 3. S. 29–42.
7. Varnek T. A. Vospominanija sestry miloserdija (1912–1922) = Memoirs of a sister of mercy (1912-1922) // *Dobrovolicy : Sbornik vospominanij / pod red. N. D. Solzhenicynoi*. Moskva : Russkij put', 2001. S. 6–170.
8. V. Belov. «Zhertva» = “Victim” // «Velikaja vojna» 1914-1918. URL: http://www.rhga.ru/refl/memu/detail.php?ELEMENT_ID=6547. (Data obrashhenija: 02.02.2024).
9. Vahitova T. M. Stepun Fjodor Avgustovich = Stepun Fedor Augustovich // *Russkaja literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskij slovar': v 3 tomah*. T.2. Moskva : OLMA-PRESS Invest, 2005. 719 s.
10. Vospominanija zaurjad-vracha I. A. Arjamova o Pervoj mirovoj vojne. 1914–1915 gg. = Memoirs of the doctor I.A. Aryamov about the First World War. 1914-1915 // *Otechestvennye arhivy*. 2014. № 3. S. 89.
11. Vospominanija o pervoj mirovoj, Grazhdanskoj i Velikoj Otechestvennoj vojne Zarubina A. A. = Memories of the First World War, Civil and Great Patriotic War A. Zarubin // *Voenno-medicinskij muzej g. Sankt-Peterburg*. VF-7327.
12. Gar E. G. Dnevnik 1914-1918 = Diary 1914-1918 // «Temnyj les». URL: <https://temnyjles.ru/dr/EgorGar.shtml?fbclid=IwAR2RsXg4HMB-kRzAavHmJqxoVxYMQAXTa3ytDdAoSfMfiDK003c1-AiNJuk>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).
13. Gar Egor (Georgij) Lukich = Gar Egor (Georgy) Lukich // «Prozhito». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5996>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).
14. Golubev A.V. Obraz sojuznika v soznanii rossijskogo obshhestva v kontekste mirovyh vojn = The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars / A. V. Golubev, O. S. Porshneva. Moskva : Novyj hronograf, 2011. 391 s.
15. Dnevnik I. V. Karpova = Diary of I. V. Karpov // *Otkrytyj arhiv Sibirskogo Otdelenija Rossijskoj akademii nauk*. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003. (Data obrashhenija: 06.12.2023).
16. Dnevnik Ju. Butorovoj = Diary of Yu. Butorova // *Syzranskij filial Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti*. F. 63. Op. 1. D. 2, 3, 4, 5.
17. Zherdeva Ju. A. Vosprijatie rossijskoj politiki v Galicii v dnevnikah i memuarah uchastnikov Pervoï mirovoi voïny = Perceptions of Russian politics in Galicia in diaries and memoirs of World War I participants / Ju. A. Zherdeva, E. I. Sumburova, M. V. Cherkasova // *Nauchnyj dialog*. 2021. No 8. S. 307–322. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322.
18. Zaharova L. Dnevnik sestry miloserdija: Na передovyh pozicijah = Sister of mercy diary: At the Forefront Petrograd : Biblioteka «Velikoj vojny», 1915. 173 s.
19. Il'in I. S. Skitanija russkogo oficera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914-1920 = Wandering of Russian officer: diary of Iosif Iliin. 1914-1920. Moskva : Knizhnica : Russkij put', 2016 477 s.
20. Kravkov V. P. Velikaja vojna bez retushi: zapiski korpusnogo vracha = The Great War without retouching: corps doctor's notes / tajnyj sovetnik V. P. Kravkov. Moskva : Veche, 2014. 414 s.
21. Krauze F. Pis'ma s Pervoj mirovoj = Letters from the First World War / otv. red. L. A. Bulgakova. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2013. 332 s.

22. Letchik Ognev-geroj Pervoj mirovoj = Pilot Ognev-hero of the First World War // «Velikaja vojna» 1914-1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/news/new.php?ELEMENT_ID=2352. (Data obrashhenija: 02.02.2024).

23. Morozov O. V. Lichnyj frontovoj dnevnik L.S. Bratanovicha. 1914-1915 gody = Personal front-line diary of L. S. Bratanovich. 1914-1915. // Baltfort. Baltiiskij voenno-istoricheskij zhurnal. 2018. №1 (34). S. 65-72.

24. Narskij I. V. «Ja kak stal sredi vojny zhit', tak i stala mne vojna, chto dom rodnoj...» Frontovoj opyt russkikh soldat v «germanskoj» vojne do 1917 g. = “As I began to live among the war, so I became a war that the home was native...” Front-line experience of Russian soldiers in the “German” war until 1917// Opyt mirovykh vojn v istorii Rossii : Sb. statej. Cheljabinsk : Kamennyj pojas, 2007. S. 488–502.

25. Narskij I.V. Frontovoj opyt russkikh soldat = Front-line experience of Russian soldiers // Novaja i novejšaja istorija. 2005. № 1. S. 194-204.

26. Pis'ma Ogneva I. N. Nikolaju Vasil'evichu i Tat'jane Ivanovne Ognevym, 1916-1917 = Letters of Ognev to I. N. Nikolai Vasilievich and Tatyana Ivanovna Ognevs, 1916-1917 // Rossijskaja nacional'naja biblioteka. F. 1139. D. 340.

27. Rasskazy soldat i unter-oficerov carskoj armii o boevyh jepizodah vo vremja 1-j mirovoj vojny 1914-1915 godov = Stories of soldiers and non-commissioned officers of the tsarist army about combat episodes during the 1st World War of 1914-1915 // Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 834. Op. 4. D. 605.

28. Savelova O. A. Jelektronnyj arhiv sester Karpovyh: istorija nauchnoj dinastii = Electronic archive of the Karpov sisters: the history of the scientific dynasty / O. A. Savelova, I. A. Kraïneva // Istoricheskiĭ kur'er. 2021. No 2 (16). S. 25–35.

29. Sajanskij L.V. Tri mesjaca v boju. Dnevnik kazach'ego oficera = Three months in battle. Diary of a Cossack officer // Velikaja vojna. 1914 g.: Sbornik istoriko-literaturnykh proizvedenij. Moskva : Sodruzhestvo «Posev» (Golosa istorii), 2014. S. 7-111.

30. Senjavskaja E. S. 1941-1945 : Frontovoe pokolenie : Istoriko-psihologicheskoe issledovanie = 1941-1945: Front-line generation: Historical and psychological research. Moskva : IRI, 1995. 218 s.

31. Senjavskaja E.S. Psihologija vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii = Psychology of war in the 20th century: the historical experience of Russia. Moskva : ROSSPJEN, 1999. 383 s.

32. Stepun F. Iz pisem praporshhika artillerista = From the letters of the gunner praporshchik Praga : Plamja, 1926. 267 s.

33. Stepun Fedor Avgustinovich = Stepun Fedor Avgustinovich // Pamjati geroev Velikoj vojny. URL:

https://gwar.mil.ru/heroes/person2400147/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fysclid%3Dlt110kp03d334755199%26last_name%3DStepun%26first_name%3DFedor%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Apr%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Apr_person%26page%3D1. (Data obrashhenija: 05.03.2024).

34. Sumburova, E. I. Sestry miloserdija Pervoj mirovoj vojny: na materialah avtodokumental'nyh tekstov = Sisters of Mercy of the First World War: on the materials of auto-

documentary texts // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2019. T. 1, № 2(2). S. 100-108.

35. Tornau S. A. S rodnym polkom (1914-1917 gg.) = With his native regiment (1914-1917). Berlin : [b/i], 1923. 144 s.

36. Tornau Sergej Aleksandrovich = Tornau Sergey Aleksandrovich // Oficery russkoj imperatorskoj armii. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Tornau_Sergej_Aleksandrovich. (Data obrashhenija: 25.02.2024).

37. Tkachëv T.Ja. Net konca bezumiju, net granicy bedstviju... Polevoi dnevnik voennogo vracha. 1914-1916 gg. = There is no end to madness, no boundary to disaster... Field diary of a military doctor. 1914-1916. Voronezh : GBUK VO «Zhurnal «Pod#ëm», 2014 159 s.

38. Uzbekova D. G. V. P. Kravkov – sanitarnyj vrach Russkoj Imperatorskoj armii (k 100-letiju nachala Pervoj mirovoj vojny) = V. P. Kravkov – sanitary doctor of the Russian Imperial Army (on the 100th anniversary of the outbreak of World War I) // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2014. T. 22. № 4. S. 51-54.

39. Fassel P. Velikaja vojna i sovremennaja pamjat' = The Great War and Modern Memory / per. s angl. A. Glebovskoj. Sankt-Peterburg : Evropejskij un-t v Sankt-Peterburge, 2015. 469 s.

40. Farmboro F. Pervaja mirovaja vojna: dnevniki s fronta = World War I: Diaries from the Front Moskva : OLMA Media Grupp, 2014. 397 s.

41. Fuko M. Porjadok diskursa = Discourse order // Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. Moskva : ID «Kastal'», 1996. 469 s.

42. Jekk Je. V. Ot Russko-tureckoj do Mirovoj vojny. Vospominaniya o sluzhbe, 1868-1918 = From Russo-Turkish to World War II. Memories of service, 1868-1918. Moskva : Kuchkovo pole, 2014. 630 s.

43. Jekk Jeduard Vladimirovich = Ekk Eduard Vladimirovich // Russkaja armija v Pervoj mirovoj vojne. Kartoteka proekta. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547>. (Data obrashhenija: 01.03.2024).

44. Derrida J. Of Grammatology Editions de Minuit. Paris, 1967. 431 p.

45. Farmborough F. Russian album 1908-1918. Wilton : Michael Russell, 1979. 96 p.

46. Keller T. Destruction of the ecosystem // 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918online.net/article/destruction_of_the_ecosystem. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

47. Stein O. "Orientfahrten". Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militaergeschichtliche Zeitschrift, Vol. 75, no. 2, 2016, Pp. 327-358.

48. Ulrich B. Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges – Moeglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 1994. 53 p.

49. Ziemann B. Gewalt im Erster Weltkrieg. Toeten – Ueberleben – Verweigern. Essen: Klartext, 2013. 276 p.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 22.12.2023; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 94/47
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-102
EDN: DAEGZM

Система руководства партизанским движением в годы Великой Отечественной войны: на примере Брянского края

Ольга Николаевна Литвинова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
litvinova_olganik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4522-5732>

Аннотация. Актуальность и научная новизна исследования определяются важностью тематики Великой Отечественной войны для нашего государства, а также наметившимися тенденциями пересмотра роли и характера партизанского движения, способными привести к искажению исторической правды. Среди территорий, внесших особый вклад в победу над фашизмом, выделяется Брянский край, как регион наиболее интенсивного партизанского движения на территории РСФСР, принявшего всенародный характер и отличавшегося искренним желанием прогнать оккупантов с родной земли, направляемым и поддерживаемым правительством страны. Создание партизанского движения было жизненно необходимым в виду неудачно складывающихся военных действий на начальном этапе войны. Однако как центральные, так и местные органы власти допустили ряд ошибок в организации системы управления партизанской борьбой в 1941 г., вызванных непониманием ее специфики и стремлением превратить партизан во вспомогательные части регулярной армии. Это привело к фактически автономному развитию партизанского движения до середины 1942 г., когда эффект стихийности преобладал над организованностью, а наибольшую работу по унификации партизанской борьбы проводили органы НКВД. С организацией Центрального и Брянского штабов партизанского движения процесс упорядоченности народной борьбы стал набирать обороты, что привело, в конечном итоге, к подчинению партизан централизованному руководству к 1943 г. В исследовании рассматривается специфика организационных мероприятий партии и правительства и их конкретное влияние на развитие партизанского движения на разных этапах войны, а также борьба различных тенденций в системе управления партизанами, которые воплощали армейское и партийное руководство, а также органы госбезопасности.

Ключевые слова: СССР; партизанское движение; Великая Отечественная война; Центральный штаб партизанского движения; Брянский край; НКВД; взаимодействие партизанских отрядов; снабжение партизан

Для цитирования: Литвинова О. Н. Система руководства партизанским движением в годы Великой Отечественной войны: на примере Брянского края // Социально-

Original article

**The system of leadership of the partisan movement during the Great Patriotic war:
on the example of the Bryansk territory**

Olga N. Litvinova

Candidate of historical sciences, associate professor, department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
litvinova_olganik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4522-5732>

Abstract. The relevance and scientific novelty of the study is determined by the importance of the theme of the Great Patriotic War for our state, as well as the emerging trends in revising the role and nature of the partisan movement, which can lead to distortion of historical truth. Among the territories that made a special contribution to the victory over fascism, the Bryansk Territory stands out as the region of the most intense partisan movement on the territory of the RSFSR, which took on a popular character and was distinguished by a sincere desire to chase away the invaders from their native land, directed and supported by the government of the country. Making a partisan movement was vital in view of the unsuccessful military operations at the initial stage of the war. However, both central and local governments made a number of mistakes in organization of the partisan struggle management system in 1941, caused by a lack of understanding of its specifics and the desire to turn partisans into auxiliary parts of the regular army. This led to the virtually autonomous development of the partisan movement until mid-1942, when the effect of spontaneity prevailed over organization, and the NKVD bodies carried out the greatest work to unify the partisan struggle. With the organization of the Central and Bryansk headquarters of the partisan movement, the process of ordering the people's struggle began to gain momentum, which ultimately led to the subordination of partisans to centralized leadership by 1943. The study examines the specifics of party and government organizational measures and their specific influence on the development of the partisan movement at different stages of the war, as well as the struggle of various trends in the system of management of partisans, which embodied the army and party leadership, as well as the state security bodies.

Keywords: USSR; partisan movement; the Great Patriotic War; Central headquarters of the partisan movement; Bryansk Territory; NKVD; interaction of partisan detachments; supply of partisans

For citation: Litvinova O. N. The system of leadership of the partisan movement during the Great Patriotic war: on the example of the Bryansk territory. *Social and political researches*. 2024;1(22): 102-119. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-102>. <https://elibrary.ru/DAEGZM>

Введение

Вопрос о стихийности или управляемости партизанского движения является одним из ключевых в исто-

риографии борьбы в тылу врага. С одной стороны, существует группа исследователей, которые подчеркивают огромную роль советских во-

енных и партийных органов власти в организации партизанского движения, высокую результативность и беспрецедентность этого руководства, способствовавшего успешному решению поставленных военных задач [Анисков, 2003; Партизанское движение ... , 2001; И пусть поколения ... , 2003]. С другой стороны, группа исследователей отдает приоритет в разворачивании партизанского движения органам НКВД, которые, как минимум, до мая 1942 г. были ведущей силой борьбы в тылу врага. [Боярский, 2003; Попов, 2004; Войска НКВД ... , 2015]. Так или иначе, авторы подчеркивают важность государственных мероприятий, которые создали партизанское движение и придали ему организованный характер, что приводит в определенной степени к принижению стихийного народного характера борьбы в тылу врага, движения снизу со стороны населения, не связанного с органами власти. Даже те авторы, которые подчеркивают несовершенство централизованного управления партизанами, исследуют противоречия и отрицательные факты партизанской борьбы все равно склоняются к мысли о связи власти и партизан, которые «стали регулярными частями РККА, выполняющими задания советского командования в особых условиях» [Ковалев, 2011, с. 76].

В западной историографии, напротив, преобладает мнение об отсутствии существенного руководства партизанскими отрядами со стороны государственных, партий-

ных и военных органов [Верт, 1992; Treadgold, 1995; Kenez, 1999] или обратная тенденция, которая отрицает народный характер борьбы в тылу врага. Так, Б. Мусял писал о том, что «людей “из народа”, колхозников и рабочих, среди советских партизан 1941 года почти не было» [Musial, 2009, s. 437]; «Советскому руководству не удалось сформировать из массы партизан мощные вооруженные силы, создать второй фронт...» [Musial, 2009, s. 442]. Таким образом, вопрос о системе руководства партизанским движением напрямую связан с проблемой его эффективности и характера борьбы в тылу врага.

С одной стороны, без организации должного руководства деятельность партизанских отрядов может свестись к минимальной активности, которая в ходе одной из партизанских конференций была метко описана одним из участников борьбы: «Сидят, едят и ничего не делают <...> они кругом себя заминировали, подступа к ним нет, и абсолютно ничего не делают <...> когда приходится действовать против общего врага совместными действиями ряда партизанских отрядов, эти мелкие отряды часто подводят» [Партизаны Брянщины..., 1970, с. 209]. С другой стороны, сам дух партизанского движения основывается на вольном характере, добровольности участия и сопротивлении существующей оккупационной системе управления. Поскольку основную массу борцов составляло не привыкшее и часто не желавшее воинской дисциплины гражданское население (например, в

Орловской области, куда административно входила Брянщина, от 85 до 90 % [Партизанское движение ... , 2001; ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 119]), превратить партизанский отряд в традиционное армейское или специальное диверсионное подразделение было крайне сложно. Таким образом, перед советским руководством с началом Великой Отечественной войны стояла тяжелая задача организации управления партизанской борьбой многочисленного населения как в масштабах всей оккупированной территории, так и в рамках отдельных регионов.

Целью данного исследования является выделение основных этапов в развитии руководства партизанским движением и анализ достоинств и недостатков этой системы управления на практике. Основными источниками исследования послужили материалы Центра документации Новейшей истории Брянской области (делопроизводственные и оперативные документы), оцифрованные документы Российского государственного архива социально-политической истории, а также официальные нормативно-правовые акты и воспоминания участников народной борьбы в тылу врага. В качестве ключевого **метода исследования** применялся классический сравнительно-исторический анализ, позволивший выявить основные противоречия в существовавшей в годы Великой Отечественной войны системы управления партизанским движением. В качестве главного объекта анализа был выбран Брян-

ский край – регион наиболее интенсивной партизанской борьбы на территории России, имевший свою специфику. Нахождение на стыке трех советских республик (РСФСР, УССР, БССР) привело к превращению брянского партизанского движения в интернациональное, поскольку оно отличалось очень пестрым национальным составом, постоянным взаимодействием российских, белорусских и украинских партизан, которые имели свои базы и вели активные боевые действия на Брянщине. Здесь оттачивали свое мастерство такие знаменитые партизанские командиры как С. Ковпак, А. Сабуров и другие, что позволяло командованию оказывать определенное влияние на партизанское движение в национальных регионах, сделать Брянский край своеобразным полигоном для испытаний различных методов руководства борьбой в тылу врага.

Результаты исследования

В ходе организации системы управления партизанским движением на Брянщине можно выделить *три основных этапа*: 1) *июнь 1941 – май 1942 г.* – период директивного руководства борьбой в тылу врага, который характеризовался отсутствием единой централизованной системы управления, самоорганизацией партизанского движения на местном уровне; 2) *май 1942 – ноябрь 1942 г.* – создание Центрального штаба партизанского движения и региональных штабов, поиск оптимальной модели управления, который характеризовался усилением

централизаторской и армейской тенденций руководства; 3) *ноябрь 1942 – сентябрь 1943 г.* – создание эффективной модели взаимодействия центральных, региональных и локальных органов управления партизанским движением, просуществовавшей вплоть до освобождения Брянщины осенью 1943 г. Представляется целесообразным рассмотрение эволюции и эффективности организации партизанского движения на каждом из этих этапов.

Вероломное нападение Германии и ее союзников на СССР застало врасплох как центральное руководство, так и местные партийные и советские органы власти, не обладавшие опытом организации партизанской борьбы, да и не планировавшие ее, поскольку еще в 1939 году в Полевом уставе Красной армии была закреплена доктрина, предполагавшая ведение боевых действий «наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории» [Полевой устав ... , 1939]. Естественно, такое положение не предусматривало организации партизанского движения на советской земле, несмотря на достаточно успешный опыт его использования в годы Гражданской войны. Поэтому подготовительная работа по созданию условий для борьбы в тылу врага стала осуществляться только с началом Великой Отечественной войны. Поскольку единого центра руководства не существовало, работа с переменным успехом велась как по линии советских и партийных органов, так и по

линии НКВД СССР в июне-октябре 1941 г. вплоть до оккупации Брянщины. В советской историографии утверждалось, что подготовка региона к партизанской борьбе была проведена вполне благополучно, что было следствием целенаправленной работы государства и партии [Партизаны Брянщины ... , 1970]. Современные российские исследователи также подчеркивают успешность подготовительной работы, но отдают приоритет органам госбезопасности, которым принадлежали «оперативное планирование и организация боевой деятельности партизанских формирований» [Климов, 2020, с. 137]. В действительности подготовка Брянского региона к партизанскому движению была далеко не так успешна как на центральном, так и на местном уровнях, а в некоторых районах даже полностью провалена.

Так, в самом начале Великой Отечественной войны государственными и партийными органами были созданы важнейшие документы и указания по организации партизанской борьбы, которые придали легитимность партизанским действиям и содержали указания для местных органов власти. Это были Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», выступление И. В. Сталина по радио от 3 июля 1941 г. и Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. При всей значимости этих документов и указаний, необходимо отме-

тить, что они содержали определенные противоречия в вопросах организации партизанского движения. Первый документ и выступление Сталина предписывали уничтожение запасов продовольствия, горючего и других ценных материалов в виду их опасности попадания к врагу, взрыв мостов, повреждение дорог, линий связи и поджог складов [Коммунистическая партия ... , 1961], что в других обстоятельствах могло быть воспринято людьми как вредительство и провокаторство. Население, которому до войны внушали, что порча народного имущества – это тягостное преступление, оказалось в противоречивом положении. К тому же уничтожаемые запасы могли пригодиться как в партизанской борьбе, так и просто для выживания на оккупированной территории. Кроме того, ни Сталин, ни директива от 29 июня не содержали конкретных вопросов организации партизанского движения (снабжение, вооружение, командование и т. д.).

Новые указания, последовавшие более чем через две недели в постановлении от 18 июля, напротив, требовали сохранения определенной части имущества и предписывали, что «партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы» [РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 166 Д. 662 Л. 78]. Любопытно, что в перечень необходимых для партизан материалов не попало

жизненно необходимое продовольствие и, напротив, были включены деньги, которые не пользовались у населения широкой популярностью на оккупированных территориях в силу объективных причин потери их покупательской способности. Это может свидетельствовать о трудностях понимания центральным руководством вопросов организации партизанской борьбы. К тому же население и руководство Брянщины даже по мере продвижения немецких войск сохраняло веру в Красную Армию и до последнего сомневалось в необходимости подготовки к партизанскому движению. На Брянском фронте было сосредоточено достаточно большое количество войск, были своевременно сделаны укрепления, что давало надежду избежать оккупации. В частности, «Постановление бюро Орловского обкома ВКП(б) о мобилизации партийных и комсомольских организаций на вооруженную борьбу с захватчиками» предписывало готовить гражданское население не к партизанской борьбе, а к обороне Брянска, Орджоникидзegrада, Орла [Партизаны Брянщины ... , 1970]. Разговоры об оккупации могли быть восприняты как трусость и паникерство, в то время как директива от 29 июня предписывала за эти преступления «немедленно предавать суду военного трибунала» [Коммунистическая партия ... , 1961, с. 87].

Таким образом, правительственные указания о подготовке партизанской борьбы, принятые летом 1941 г., в большинстве пунктов

местными органами были выполнены далеко не в полной мере и имели неоднозначные последствия. В частности, органы власти начали создание будущих партизанских баз с оружием и продовольствием в труднодоступных лесных массивах [Шли на битву ... , 1961, с. 88-89]. Аналогичные меры предпринимались и по линии НКВД, который создал особую спецгруппу, совершившую в течение нескольких месяцев 1941 г. скрытный марш по тылам противника на Брянщине, Орловщине и в Белоруссии «с целью создания баз для дальнейшей боевой разведывательной и диверсионной работы отрядов» [Климов, 2020, с. 104-105]. Однако организация этих баз была в ряде регионов провалена. В частности, В. Андреев вспоминал: «Базу заложили в лесочке, годном лишь на то, чтобы прятать там от жары телят, а поблизости находился огромный Брянский лес! В результате на второй же день оккупации, не успели еще люди собраться на базу как на нее напали немцы и разгромили» [Андреев, 1961, с. 110]. В другом, упоминаемом Андреевым примере, несмотря на то, что директива от 18 июля предписывала выделить людей «для формирования и руководства партизанским движением опытных боевых и до конца преданных нашей партии» само партийное начальство выдало партизанскую базу немцам [Андреев, 1961, с. 139-140]. Кроме того, в военных условиях руководство региона не обладало большими запасами и вряд ли готовилось к длительной оккупации,

ожидавая контрнаступления Красной Армии, поэтому даже те склады, которые не были захвачены вражескими войсками, содержали незначительные запасы, максимум, на месяц боевых действий [Партизаны Брянщины ... , 1970]. Следовательно, первым партизанам в вопросах снабжения в большей степени приходилось полагаться на свои силы, чем на подготовительные мероприятия руководства.

Не удалось в полной мере решить вопрос и с вооружением будущих партизан. Более или менее удалось обеспечить вооружением Брасовский, Навлинский, Трубчевский и Суземский отряды, имевшие не только винтовки, но и пулеметы [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45 Л. 1-15]. В ряде других отрядов была существенная нехватка оружия и встречались отказы во вступлении в отряд по этой причине [Материалы научно-практической ... , 2004]. Бойцы жаловались: «Какие мы партизаны, если у нас нет винтовок? Мы просто буза» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 49 Л. 120].

Противоречивой была ситуация и с подготовкой кадров партизанского движения. Огромную работу по обучению будущих партизан проводили органы госбезопасности. В частности, при штабе Западного фронта в июле 1941 г. в районе г. Брянска из работников НКВД и милиции был создан оперативно-учебный центр во главе с опытным полковником И. Г. Стариновым. Центр готовил бойцов партизанских отрядов, диверсионных групп и инструкторов по

проведению данной работы [Климов, 2020]. Однако осуществляемая партийными органами и НКВД подготовка кадров была достаточно поверхностной и быстрой, иногда даже однодневной [Штоппер, 2014]. Один из известных партизанских командиров Д. Емлютин писал, что в первых партизанских отрядах «было много нытиков и враждебно настроенных лиц» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45 Л. 2], что подтверждает и другой крупный партизанский военачальник М. П. Ромашин: «в истребительный батальон было много принято без тщательного отбора и индивидуального подхода» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44 Л. 94]. Некоторых зачисляли в будущие партизанские отряды «под страхом исключения из партии» или не осуществляли должный отбор, в результате чего в отряд могли попасть дезертиры и окруженцы [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4 Л. 84-85]. Последние не стремились возвращаться туда, откуда с большим трудом вырвались.

Тем не менее во всех городах и районах Брянщины органами госбезопасности создавались истребительные батальоны, куда вступали в основном сотрудники милиции, рабочие, служащие и иное мобилизованное гражданское население [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 138 Л. 17]. Именно эти подразделения должны были стать базой для создания партизанских отрядов. Но недостатки организации, а также недооценка и отсутствие опыта борьбы в тылу врага привели к тому, что в ходе оккупации региона многие истре-

бительные батальоны растеряли свой состав и так и не превратились в партизанские отряды [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44 Л. 68]. Тем не менее накануне оккупации удалось создать более 70 партизанских отрядов, включающих в свой состав около 650 бойцов [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 15 Л. 28].

Но, несмотря на все усилия руководства страны и командования Красной Армии, в течении октября 1941 г. большая часть Брянского края была занята немецкими войсками, что положило начало длительному периоду оккупации, в ходе которого организационные меры по подготовке партизанского движения были проверены на практике. Выяснилось, что ряд партийных органов не только не смог организовать партизанское движение, но и стал уничтожать документы о своей партийной принадлежности и скрываться в глубоком подполье. Так, в Дятьковском районе при приближении немецких войск 193 члена партии уничтожили свои документы [Партизаны Брянщины, 1970]. В объединенных партизанских отрядах Выгоничского района только 15 % коммунистов сохранили на руках партбилеты [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6 Л. 135]. Более того, непонимание специфики партизанского движения привело к тому, что первые партизаны, в частности, Жириятинский отряд, а также партизанские группы Емельянова и Фильковского, пытались вести боевые действия как регулярные части Красной Армии, либо выполнить директиву Орлов-

ского обкома ВКП(б) по обороне городов. Слабовооруженные мелкокалиберными винтовками и гранатами с небольшим количеством боеприпасов, эти малочисленные отряды были легко разгромлены врагом [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45 Л. 1; Д. 4. Л.84].

Однако достаточно жесткая оккупационная политика новых властей совместно с высоким патриотизмом значительной части населения оккупированных регионов и инициативностью отдельных граждан, партийных и военных деятелей, таких как Ф. Стрелец, В. Рябок, В. Рысаков, А. Сабуров и др. привели к воссозданию партизанских отрядов снизу, которое нередко проходило без какого-либо руководства сверху. В новые и старые партизанские отряды активно вливались местные жители, бежавшие военнопленные и узники концлагерей, окруженцы, сотрудники разгромленных государственных органов, люди, спасавшиеся от судьбы остарбайтера и др. Деятельность значительной части отрядов сводилась к выживанию на оккупированной территории, которое предполагало борьбу за ограниченные ресурсы региона. Работники НКВД, которые пытались организовать разрозненные партизанские соединения в единую силу, отмечали достаточно низкую боевую активность ряда брянских партизан. Так, согласно докладу Д. В. Емлютина, Трубчевский, Навлинский, Брасовский и другие отряды до конца декабря 1941 г. «... боевой деятельностью не

занимались, отсиживались в лесу в землянках» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-15]. В Стародубском районе до апреля 1942 г. партизанского движения «почти не было» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 107]. Деятели советского режима объясняли этот факт слабой партийно-политической работой комиссаров и политруков [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 63]. Но это было скорее связано со слабостями раннего партизанского движения, вызванными плохим вооружением, тактической подготовкой, отсутствием опыта борьбы в тылу врага и существенной поддержки со стороны армейского командования, на которое было возложено взаимодействие с партизанами, но как заметил член Военного Совета Брянского фронта Матвеев, оно считало партизанское движение обузой и не занималось им [Партизаны Брянщины ... , 1970]. К тому же, несмотря на то, что Сталин лично внес правку при подготовке постановления от 18 июля 1941 г., предписав снабдить партизан радиостанциями [РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 166 Д. 662. Л. 76-78], это не было осуществлено в полной мере. Так, вплоть до лета 1942 года командование имело радиосвязь только с 3 партизанскими формированиями из 57, а ходоков, которые могли бы обеспечить живую связь, почти не было [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 118]. Кроме того, для оказания существенной помощи партизанам командованию фронтов была необходима авиация, которой в началь-

ный период войны катастрофически не хватало. Самолеты не справлялись не только с доставкой людей, но и с переброской вооружения, боеприпасов и продовольствия для отрядов [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 99]. Доставка всего необходимого партизанам осуществлялась по остаточному признаку, а нередко срывалась даже в период коренного перелома в войне [Партизаны Брянщины ... , 1970].

Таким образом, несмотря на значительные подготовительные меры по организации партизанского движения, первый этап партизанской борьбы (до мая 1942 г.) характеризуется отсутствием единой системы руководства партизанским движением с момента оккупации территорий вермахтом. Значительная часть партизанских соединений возникала стихийно и находилась вне контроля со стороны государственных и партийных органов. Более успешными были органы НКВД, которые за счет засылки своих агентов на оккупированные территории, смогли если не поставить под контроль, то оказывать определенное влияние на большую часть партизанских отрядов, за счет своих людей. Существует точка зрения, что к концу мая 1942 г. более 90 % партизанских соединений, выявленных НКВД, были подчинены органам госбезопасности [Климов, 2020, с. 137]. Стоит отметить, что высшее советское руководство, долгое время не обладало достоверной информацией о положении на оккупированных территориях и несколь-

ко недооценивало партизанскую борьбу. Однако по мере установления более или менее регулярных контактов с партизанами, правительство убедилось в высокой эффективности партизанского движения, которое, не смотря на трудности со снабжением, стало представлять значительную угрозу для немецких тыловых частей и инфраструктуры, постоянно расширялось и срывало планы Гитлера по эксплуатации захваченных территорий.

На втором этапе организации борьбы в тылу врага 30 мая 1942 г. было принято решение ГКО о создании Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) во главе с П. К. Пономаренко, в подчинении которого вошли 6 региональных штабов, в том числе Брянский штаб партизанского движения (БШПД) при Военном Совете Брянского фронта во главе с Матвеевым, Горшковым и Чекмазовым [РГАСПИ. Ф. 644 Оп. 2 Д. 65 Л. 78-79]. Брянский штаб состоял из шести основных отделов, которые поддерживали связь, проводили разведывательные мероприятия, осуществляли оперативное руководство движением, материально-техническое снабжение партизан, проводили подбор кадров и укрепляли политическую работу в отрядах. Однако создание Центрального и Брянского штабов еще не означало, что все партизанские соединения автоматически вошли в его подчинение. Предстояла кропотливая работа по поиску и организации эффективной системы управления

партизанским движением, которая вылилась в борьбу *трех основных тенденций* – армейской, партийной и чекистской, каждая из которых видела свои задачи в развитии партизанского движения. Армейское руководство, которое воплощал назначенный 6 сентября 1942 г. главнокомандующим партизанским движением К. Е. Ворошилов [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 55. Л. 55], видело главную задачу партизанского движения во всемерной помощи Красной Армии и стремилось превратить партизанские соединения в воинские части с соответствующей дисциплиной и субординацией, действующие как регулярная армия. Ведомство Берии, которое наиболее активно в партизанском движении представлял П. И. Судоплатов, также выступало за укрепление единоначалия в партизанской борьбе, но видело главную задачу в диверсионной работе на оккупированных территориях – уничтожении коллаборантов и лиц, чуждых советской власти, срыв мероприятий оккупантов, чистке отрядов от вражеских шпионов и т. д. Наконец, партийное руководство в лице начальника ЦШПД и одновременно первого секретаря компартии Белоруссии П. К. Пономаренко делало ставку на совершенствование партийно-политической работы в отрядах для укрепления централизации и преодоления недостатков партизанского движения [Боярский, 2003], придания всем отрядам идейного характера, расширении партизанских территорий и зон с целью восстанов-

ления советской власти на как можно большей части оккупированной территории. Основная проблема состояла в том, что ни одна из тенденций в полной мере не отражала ожидания участников партизанского движения, а борьба в центральном руководстве переносилась на места и имела неоднозначные последствия.

С одной стороны, деятельность штабов партизанского движения способствовала улучшению взаимодействия партизан с Большой землей и друг с другом, росту объемов поставок вооружения и снаряжения для партизан, увеличению их информированности и имела большое моральное значение для жителей оккупированных территорий. С другой стороны, конкуренция между различными советскими ведомствами разрушала единство партизан, приводила к параллелизму в руководстве, порождала репрессии и чистки в самих партизанских отрядах.

Стоит отметить, что несмотря на существование единой централизованной системы управления борьбой в тылу врага, ей не удалось охватить все партизанские отряды, поскольку проблемы со связью не были решены в полной мере. Живая связь была редким явлением, а сигнал радиосвязи практически отсутствовал, поскольку квалифицированных радистов катастрофически не хватало, а теоретическая подготовка в ускоренные сроки в Центральной радиошколе не всегда соответствовала практической обстановке, в которой оказывались радисты. В результате, при-

сылаемые специалисты не могли связаться с Большой землей [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 165]. Это касалось и специалистов в других областях, которых готовили в ускоренные сроки: диверсантов – за 15 дней; разведчиков – за 10; организаторов – за 30 [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Кроме того, трудности возникали и из-за дефицита кадров в военной обстановке, когда большая часть мужчин была мобилизована и большую часть контингента диверсионных Спецшкол составляли девушки-комсомолки в возрасте до 20 лет [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 99-100]. Не всегда на высоком уровне были и партизанские соединения, формируемые для отправки в тыл врага на неоккупированной территории СССР. Они могли отличаться низким уровнем дисциплины, поскольку многие их члены хотели попасть на фронт и были разочарованы зачислением в партизанские отряды [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 84].

На самой оккупированной территории взаимодействие между отрядами было на невысоком уровне. Основным способом общения были связные, иногда телефоны [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 135], но эти способы связи не были регулярными и отряды не всегда могли скоординировать действия друг с другом, а некоторые имели свое видение оперативной ситуации и были не согласны с планами объединенного командования и предпочитали действовать

самостоятельно, как, например, командир отряда им. Ворошилова № 1 Покровский [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 53] или начальник штаба Северного боевого участка майор Лапутин [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 30. Л. 8]. Руководство ЦШПД и БШПД не в полной мере понимало специфику партизанской борьбы, что приводило к требованию от местных партизан проведения операций по типу общевоинских, на которые командиры отдельных отрядов не могли решиться из-за небольшого людского резерва.

Ряд партизан выступал против внедрения сверху воинской дисциплины, устава и субординации [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 86], что вызывало недовольство отдельных бойцов, неблагонадежные разговоры, фиксируемые работниками НКВД [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 49. Л. 119]. В частности, наблюдался отказ отдельных бойцов и командиров от принятия вводимой летом 1942 г. «Присяги Красного партизана» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 29-30], которая предполагала беспрекословное выполнение приказов командиров, строгое соблюдение дисциплины и всемерную помощь Красной Армии [Партизаны Брянщины ..., 1970]. Партизаны стремились сохранить возникшие на первом этапе партизанского движения демократические вольные порядки от равенства в отношениях, подмеченной В. Андреевым [Андреев, 1961], до выборности командиров [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4.

Л. 85]. Бойцы даже могли угрожать «пустить под откос» присланных из центра командиров [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 100]. Центральное руководство боролось с данными проявлениями, считало, что партизаны должны действовать как регулярная воинская часть, что порождало определенное недопонимание. Снятие неугодных командиров приводило к тому, что «обиженные» оставались в отрядах и группировались вместе, проявляя недовольство и обсуждая приказы и распоряжения нового командного состава [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 138], подрывали его престиж среди партизан.

Не все было гладко со снабжением партизан, особенно в зимний период. Поэтому ЦШПД иногда в своих приказах настаивал, что все необходимое нужно добывать у врага, не рассчитывая на снабжение из советского тыла [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 11. Л. 2]. Некоторые отряды, такие как Клинцовский, и вовсе не получали никакой помощи из центра [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 204]. Анализируя поставки, осуществляемые в партизанские отряды самолетами, можно заметить, что в первую очередь привозились взрывчатые вещества, в то время как медикаменты и продовольствие доставлялись партизанам по остаточному принципу [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 16. Л. 5-6]. В обратном направлении старались эвакуировать раненых, но их число было незначительным, по сравнению с тем, кого

лечили в самих отрядах [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 59]. Отсутствие необходимого снижало моральное состояние и политическую устойчивость отдельных бойцов, могло привести к уголовным преступлениям вплоть до убийства [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 137-138].

Однако центральные органы руководства партизанским движением главное внимание уделяли политической и контрдиверсионной работе в отрядах, для чего создавались и развивались политические службы и ячейки НКВД. С последними у партизанских командиров нередко возникали конфликты на почве борьбы с отдельными элементами в отрядах [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 52]. Выборные партизанские командиры защищали подчиненных, подозреваемых в сотрудничестве с врагом, покрывали бывших военнопленных и перешедших на сторону партизан коллаборационистов, которые для чекистов считались неблагонадежными. В связи с этим в ноябре 1942 г. был даже издан специальный приказ, в котором отмечалось, что отдельные командиры «зачастую игнорируют сообщения чекистов» и «незаконно вмешиваются в оперативные функции опер. чекистских групп, пытаясь подменить руководство этими группами» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 28. Л. 40-41]. Сотрудники НКВД, в свою очередь, стремились взять руководство в свои руки, что порождало определенное противостояние и даже попытку

смены командиров, в частности, руководителя объединенного штаба партизанских отрядов брянских лесов, будущего Героя Советского Союза Емлютина, который получил нелестную характеристику от своего начальства, как человек «крайне ограниченный, бестактный и тупой» [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 6. Л. 247].

Политическая работа, за которую ратовало крыло П. К. Пономаренко, также осуществлялась не на должном уровне [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 63]. Несмотря на большое количество мер, значительного увеличения партийной сознательности ряда партизан не случилось, например, в Выгонических и Почепском отрядах [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 95]. Издавались специальные приказы [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 48-49], целью которых был подъем политического и морального духа партизан, но они не были на эффективными [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 52. Л. 261], хотя ЦШПД и БШПД активно работали в этом направлении. В некоторых случаях даже разрешалось применять оружие для проведения чистки отрядов и поднятия морального состояния бойцов [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 49]. Многие партизаны привыкли к вольным порядкам и не хотели возвращаться к советскому образу жизни, продвигаемому сверху. Политруки не всегда занимали положенные им должности и могли находиться в отрядах на правах про-

стых бойцов [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 8], а выборные политруки не всегда обладали высокой квалификацией [ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 75].

Таким образом, несмотря на создание централизованной системы руководства партизанскими отрядами советскому правительству не удалось в полной мере взять партизанское движение под свой контроль, а также наладить достаточно эффективное взаимодействие с партизанами в 1942 г., чему мешало и соперничество между различными представлениями о целях партизанской борьбы в высшем руководстве страны. Наиболее острая фаза борьбы была завершена в ноябре 1942 г., когда постановлением ГКО была упразднена должность главнокомандующего партизанским движением [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 111. Л. 151].

На последнем этапе руководства брянским партизанским движением происходило усиление партийного и чекистского контроля над партизанами, при ослаблении централизации и передачи полномочий на места, что приведет к временному упразднению ЦШПД в марте-апреле 1943 г. и передаче его полномочий обкомам ВКП (б) [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 143. Л. 123-124], а затем его окончательной ликвидации в январе 1944 г. С апреля 1943 г. все партизанские бригады и отряды, действовавшие на территории Орловской области, в том числе брянские партизаны, стали подчиняться обкому

ВКП(б) и Штабу партизанского движения Орловской области

По мере приближения линии фронта в 1943 г. улучшалось снабжение партизанских отрядов, приходило понимание скорого освобождения оккупированных территорий, а следовательно, необходимости сохранять хорошие отношения с советскими и партийными органами власти, что привело к значительному росту их влияния в партизанских отрядах. Центральным органам удалось переломить ситуацию и обеспечить активное участие брянских партизан в крупнейшей операции «Рельсовая война». Партизаны стали выполнять роль вспомогательных подразделений Красной Армии, что способствовало скорейшей деокупации региона. В сентябре 1943 г. Брянщина была освобождена, а многие участники были зачислены в действующую армию и способствовали разгрому захватчиков.

Заключение

Проблема организации управления партизанским движением одна из сложнейших в историографии народной борьбы в тылу врага и ее оценки менялись в зависимости от исторической эпохи: от восторженной похвалы организационной политике партии и правительства до идеализации органов НКВД в их руководящей деятельности или полного отрицания организованного характера партизанской борьбы. В целом, несмотря на все недостатки центра-

лизованного руководства партизанской борьбой в тылу врага, стоит отметить, что советские органы власти справились с трудновыполнимой задачей координации во многом изначально стихийной деятельности партизан и направили ее хаотичный поток в управляемое русло. Ошибки, которые привели к трудностям в организации партизанской борьбы, в 1941 г. были связаны с неверным пониманием задач и потерей необходимого опыта партизанского движения, распространенными в довоенное время. В ходе конкуренции различных тенденций руководства партизанским движением (партийной, армейской, чекистской), с одной стороны, подрывалось организационное единство, развязывалась политическая борьба внутри отрядов народных мстителей, с другой стороны, происходил успешный поиск наиболее эффективных форм и методов руководства партизанской борьбы. Это стало одним из факторов создания в СССР крупнейшего движения сопротивления оккупантам в годы Второй Мировой войны. Это была искренняя борьба советского населения за своих близких, свой край, свою страну, которая была успешно использована и направлена советским правительством на разгром челоноконевинистической идеологии и сохранение существующего строя, попытки демократизации которого наблюдались в партизанском движении.

Библиографический список

1. Андреев В. Народная война. Ленинград : Лениздат, 1961. 656 с.
2. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. Москва : Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
3. Боярский В. И. Партизаны и армия: история утерянных возможностей. Минск : Харвест, 2003. 304 с.
4. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. Москва : Прогресс, 1992. 480 с.
5. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд : в 3 т. Т. II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). Москва : Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 328 с.
6. Климов А. Ю. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / А. Ю. Климов, И. А. Поёмкин, А. С. Сальников. Москва : Академия управления МВД России, 2020. 316 с.
7. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. Москва : Молодая гвардия, 2011. 619 с.
8. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год) : документы и материалы / сост. В. С. Василенко, Е. Д. Орехова. Москва : Госполитиздат, 1961. 704 с.
9. И пусть поколения знают... : материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня освобождения Брянщины и Жуковского района от немецко-фашистских захватчиков, 11 октября 2003 г. / отв. ред.: В. И. Гришенюк. Жуковка : Жуковская муниципальная центральная библиотека, 2003. 48 с.
10. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Москва : Кучково поле, 2001. 464 с.
11. Партизаны Брянщины : сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула : Приокское книжное издательство, 1970. 488 с.
12. Полевой устав РККА (ПУ-39). Москва : Государственное Военное Издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1939. 141 с.
13. Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Москва : Яуза, Эксмо, 2004. 509 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 Оп. 166.
15. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1, Оп. 2.
16. Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1650. Оп. 1.
17. Шли на битву партизаны : сборник материалов научной конференции о все-народной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. Брянск : Изд-во Брянский рабочий, 1972. 344 с.
18. Штоппер С. Нелегальный Брянск, 1941–1943 / С. Штоппер, А. Кукатов. Брянск : Буквица, 2014. 335 с.

19. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge : Cambridge University press, 1999. 266 p.
20. Musial B. Sowjetische Partisanen 1941–1941: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 592 s.
21. Treadgold D. W. Twentieth Century Russia. Boulder, CO : Westview press, 1995. 498 p.

Reference list

1. Andreev V. Narodnaja vojna = People's War Leningrad : Lenizdat, 1961. 656 s.
2. Aniskov V. T. Krest'janstvo protiv fashizma. 1941–1945. Istorija i psihologija podviga = Peasantry against fascism. 1941–1945. History and psychology of the feat. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2003. 502 s.
3. Bojarskij V. I. Partizany i armija: istorija uterjannyh vozmozhnostej = Partisans and the Army: History of lost opportunities Minsk : Harvest, 2003. 304 p.
4. Vert N. Istorija sovetskogo gosudarstva = History of the Soviet state 1900–1991. Moskva : Progress, 1992. 480 s.
5. Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne. Voenno-istoricheskij trud : v 3 t. T. II. Vojska NKVD v pervyj i vtoroj periody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1943) = NKVD troops in World War II. Military historical work: in 3 volumes. V. II. NKVD troops in the first and second periods of World War II (1941-1943). Moskva : Redakcija zhurnala «Na boevom postu» vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2015. 328 s.
6. Klimov A. Ju. Rol' NKVD SSSR v partizanskom dvizhenii i podpol'noj rabote v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov = The role of NKVD of the USSR in the partisan movement and underground work during the Great Patriotic War in 1941-1945 / A. Ju. Klimov, I. A. Potjomkin, A. S. Sal'nikov. Moskva : Akademiya upravlenija MVD Rossii, 2020. 316 s.
7. Kovalev B. N. Povsednevnoj zhizn' naselenija Rossii v period nacistskoj okkupacii = Daily life of the population of Russia during the Nazi occupation Moskva : Molodaja gvardija, 2011. 619 s.
8. Kommunističeskaja partija v period Velikoj Otechestvennoj vojny (ijun' 1941 goda – 1945 god) : dokumenty i materialy = Communist Party during the Great Patriotic War (June 1941 – 1945): documents and materials / sost. V. S. Vasilenko, E. D. Orehova. Moskva : Gospolitizdat, 1961. 704 s.
9. I pust' pokolenija znajut... = And let generations know...: materialy nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju so dnja osvoboždenija Brjanshhiny i Zhukovskogo rajona ot nemecko-fashistskih zahvatchikov, 11 oktjabrja 2003 g. / otv. red.: V. I. Grishenok. Zhukovka : Zhukovskaja municipal'naja central'naja biblioteka, 2003. 48 s.
10. Partizanskoe dvizhenie (Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.) = Partisan movement (According to the experience of the Great Patriotic War of 1941-1945). Moskva : Kuchkovo pole, 2001. 464 s.
11. Partizany Brjanshhiny = Partisans in Bryansk region: sbornik dokumentov o Brjanskom partizanskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 488 s.
12. Polevoj ustav RKKa (PU-39) = Field Charter of the Red Army (PU-39). Moskva : Gosudarstvennoe Voennoe Izdatel'stvo Narkomata Oborony Sojuza SSR, 1939. 141 s.

13. Popov A. Ju. Diversanty Stalina. Dejatel'nost' organov Gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoj sovetskoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = Stalin's saboteurs. The activities of the USSR State Security bodies in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War. Moskva : Jauza, Jeksmo, 2004. 509 s.
14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii = Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17 Op. 166.
15. RGASPI. F. 644. Op. 1, Op. 2.
16. Centr dokumentacii novejshej istorii Brjanskoj oblasti = Center for Documentation of the Latest History in the Bryansk region (CDNIBO). F. 1650. Op. 1.
17. Shli na bitvu partizany = Partisans wre going to battle: sbornik materialov nauchnoj konferencii o vsenarodnoj bor'be v tylu vraga na okkupirovannoj territorii Brjanshhiny v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-43 gg. Brjansk : Izd-vo Brjanskij rabochij, 1972. 344 s.
18. Shtopper S. Nelegal'nyj Brjansk, 1941–1943 = Illegal Bryansk, 1941-1943 / S. Shtopper, A. Kukatov. Brjansk : Bukvica, 2014. 335 s.
19. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge : Cambridge University press, 1999. 266 p.
20. Musial B. Sowjetische Partisanen 1941–1941: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 592 s.
21. Treadgold D. W. Twentieth Century Russia. Boulder, CO : Westview press, 1995. 498 p.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.
The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-120

EDN: FVMLYY

Цивилизационно-идеологический конфликт на фоне советской помощи Китаю в 1950-1960-х гг.

Се Голян^{1✉}, Сунь Цзянь²

¹Доктор исторических наук, доцент кафедры мировой истории, Сучжоуский университет науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

²Аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

¹xieguoliang367@sina.com.cn, <https://orcid.org/0009-0009-3056-4927>

²xieguoliang367@sina.com.cn

Аннотация. В статье подчеркивается, что попытки Китая в 1950-1960-е гг. достичь цели построения современного общества с советской помощью вызвали конфликт между патриархальной этикой и научным знанием. Помощь Советского Союза Китаю была связана и с потребностью консолидации советских интересов в Северо-Восточной Азии, и с идеалами укрепления социалистического лагеря, но в конечном счете она была связана с восстановлением независимости Китая под руководством научного знания. Отмечается, что запрос помощи со стороны Китая основывался на этических принципах. Когда Советский Союз лишил Китай помощи в сфере ядерных технологий, таких как атомная бомба, с точки зрения идеологии Китай оценил это как результат внедрения «теории мирного сосуществования» и пришел к выводу, что хрущевский ревизионизм является анти-марксистским. «Теория мирного сосуществования» Н. С. Хрущева основывалась на историческом развитии России и соответствовала реалиям Советского Союза. В то же время критика Китая хрущевского ревизионизма, основанная на революционной доктрине марксизма-ленинизма, была обобщением, адаптированным к китайской действительности и основанным на свержении Китая «трех больших гор», то есть империализма, феодализма и бюрократического капитализма. Подчеркивается, что СССР через свою помощь не только спровоцировал цивилизационно-идеологический конфликт, но также продемонстрировал свое превосходство, основанное на научном знании. Идеологическое противостояние Китая советскому ревизионизму позволило китайскому народу получить научные знания о своем национальном саморазвитии, преодолении зависимости от этики.

Ключевые слова: Китай; СССР; помощь; патриархальная этика; идеология; научное знание; конфликт

Для цитирования: Се Голян, Сунь Цзянь Цивилизационно-идеологический конфликт на фоне советской помощи Китаю в 1950-1960-х гг. // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 120-140. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-120>. <https://elibrary.ru/FVMLYY>.

Original article

Civilization-ideological conflict against the background of soviet assistance to China in the 1950s and 1960s

Xie Guolian^{1✉}, Sun Jian²

¹Doctor of historical sciences, associate professor, department of world history, Suzhou university of science and technology, Suzhou, PRC

²Post-graduate, Belarusian state university, Minsk, Belarus.

¹xieguoliang367@sina.com.cn✉, <https://orcid.org/0009-0009-3056-4927>

²xieguoliang367@sina.com.cn

Abstract. The article emphasizes that China's attempts in the 1950-1960-s to achieve the goal of constructing a modern society with Soviet help caused a conflict between patriarchal ethics and scientific knowledge. Soviet aid to China was associated with both the need to consolidate Soviet interests in Northeast Asia and the ideals of strengthening the socialist camp, but ultimately it was associated with the restoration of Chinese independence under the guidance of scientific knowledge. It is noted that the request for help from China was based on ethical principles. When the Soviet Union deprived China of assistance in the field of nuclear technologies such as the atomic bomb, in terms of ideology, China assessed this as a result of introducing the “theory of peaceful coexistence” and concluded that Khrushchev revisionism was anti-Marxist. N. S. Khrushchev's “Theory of Peaceful Coexistence” was based on the historical development of Russia and corresponded to the realities of the Soviet Union. At the same time, China's criticism of Khrushchev's revisionism, based on the revolutionary doctrine of Marxism-Leninism, was a generalization adapted to Chinese reality and based on China's overthrow of the “three big mountains”, i.e. imperialism, feudalism and bureaucratic capitalism. It is emphasized that the USSR, through its help, not only provoked a civilization-ideological conflict, but also demonstrated its superiority based on scientific knowledge. China's ideological opposition to Soviet revisionism allowed the Chinese people to gain scientific knowledge about their national self-development, overcoming dependence on ethics.

Keywords: China; USSR; help; patriarchal ethics; ideology; scientific knowledge; conflict

For citation: Xie Guolian, Sun Jian Civilization-ideological conflict against the background of soviet assistance to China in the 1950s and 1960s. *Social and political researches*. 2024;1(22): 120-140. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-120>. <https://elibrary.ru/FVMLYY>.

Введение

Китайский процесс модернизации проходил через *три этапа*: модернизацию материальной базы, культурную модернизацию и институциональную модернизацию. Однако на протяжении всех трех этапов прослеживался один принцип: «китай-

ские знания – сущность, западные знания – инструмент». Первым основателем этого принципа был ученый периода конца цинской династии Чжан Чжидун. В своем произведении «Призыв к учению, внешнее изложение, об устройстве образования» он писал: «Четверокнижия, пя-

тикнижия, история Китая, дела правления и описание земель – это старая наука, западные политические книги, западные искусства, западная история – это новая наука. Старые знания являются сущностью, новые знания используются как инструмент, ни одним из них не следует пренебрегать» [石文玉 ... , 2011, р. 62]. Так называемое «китайское знание» подразумевало под собой три устоя (абсолютная власть правителя над подданными, отца над сыном, мужа над женой) и пять добродетелей (человечность, справедливость, благопристойность, мудрость и честь), а так называемое западное знание выражалось в «правовой системе, инструментах и технологиях» [石文玉 ... , 2011, р. 63]. Противопоставление этических принципов и западной правовой системы и научного знания стало основополагающим в формировании отношения китайского народа к Западу, а также определило непрерывные конфликты в идейной сфере в процессе модернизации Китая [张之洞 ... , 2021].

Советская помощь сыграла ключевую роль во вступлении Китая в современную эпоху. Однако в вопросе о том, как оценивать помощь СССР, мнения ученых расходятся. С точки зрения выполнения интернационалистических обязательств, российские ученые делают акцент на самоотверженности в оказании помощи Китаю в строительстве социализма [Мясников, 2009]. Китайские ученые в большей степени ориентированы на национальные интересы. Например, изменение отношения

И. В. Сталина к Китаю было продиктовано в основном конфронтацией с США; отзыв Н. С. Хрущевым советских специалистов был обусловлен идеологическими разногласиями между СССР и Китаем. «Это идеология, – пишет Шэнь Чжихуа, – которая подменяет государственные отношения и делает привлеченных, а затем отозванных советских специалистов случайными жертвами этих отношений» [沈志华 ... , 2003, р. 414]. Британские и американские ученые утверждали, что экономическая помощь СССР была средством давления на страны-реципиенты и подавления их независимости [Карагонова, 1976], подчеркивая при этом эффективность советской помощи.

СССР оказывал Китаю бескорыстную помощь, руководствуясь принципом интернационализма, а также идеологическими соображениями и национальными интересами. Каждая из этих причин имела свои преимущества, но они также являлись взаимоисключающими. Если рассматривать период «медового месяца» и угасание советской помощи Китаю в свете принципа «китайские знания как сущность, западные знания как инструмент», и, в частности, метод завершения индустриализации Китая с помощью советских специалистов, то китайская вера в этическую ценность бескорыстия становится еще более очевидной. Тот факт, что «вмешательство» в дела Китая Советского Союза, было возведено в ранг «посягательства на государственный суверенитет», в полной мере демонстрировал жест-

кий конфликт между этическими и научными принципами.

Теория «китайские знания как сущность, западные знания как инструмент» основывалась на ценностях, согласно которым этика стояла выше научного знания. Необходимость отказа от вышеупомянутого принципа с целью проведения модернизации в Китае придала новый смысл тому, как Китай использовал советских специалистов для создания современной промышленности, что также является темой, обсуждаемой в настоящей работе.

Первоначальная цель СССР при оказании помощи Китаю

Советская помощь Китаю разделяется на *два периода*: период Сталина и период Хрущева. Если в *период Сталина* Коммунистическая партия Китая была вынуждена искать поддержку Сталина, чтобы подчеркнуть этические принципы интернационализма; затем *при Хрущеве* инициативу проявил Китай, и возникла дихотомия между этическими принципами интернационализма, на которые делал упор Китай, и научными принципами, которые отстаивал Хрущев.

После того, как Коммунистической партии Китая (*далее КПК*) распространила свое влияние на Северо-Восток Китая, освобожденный Красной Армией в августе 1945 г., она активно искала поддержку со стороны СССР. В то время Советский союз находился в процессе исполнения Ялтинского соглашения, в соответствии с которым он отвечал за координацию региональной безопасности

в Китае, поэтому не мог открыто поддерживать КПК. В целях захвата власти Коммунистическая партия Китая придерживалась стратегии установления союза с СССР и активно добивалась всесторонней поддержки со стороны Сталина. Желания КПК были реализованы только после Корейской войны.

Отношение СССР к Коммунистической партии Китая напрямую определялось выводом советских войск с Северо-Востока Китая, возвратом Китайско-Восточной железной дороги и порта Люшунь в г. Далянь, а также восстановлением суверенитета Китая. Вопрос о полном выводе советских войск и восстановлении суверенитета Китая китайские ученые всегда считали результатом того, что Китай оказал Сталину помощь в ходе Корейской войны, сыграв роль союзника СССР [沈志华 ... , 2007; 刘显忠 ... , 2021]. Помощь Сталина Китаю была обусловлена национальными выгодами: Сталин совмещал коммунизм, мировую революцию и защиту национальных интересов на благо СССР [Худолей, 2017].

Известный китайский военный и политический деятель, Линь Бяо, от имени руководителей Северо-Восточного региона Китая обратился к Сталину с просьбой о помощи: «За последние два года мы потратили много сил на восстановление нескольких предприятий лесной, текстильной, бумажной и пищевой промышленности, были восстановлены многие угольные шахты, начали работать золотодобывающие предпри-

ятия. Для обеспечения растущих потребностей фронта, железнодорожной инфраструктуры и населения нам необходимо восстановить и использовать <...> металлургические и сталелитейные заводы, предприятия цветной металлургии и химической промышленности <...> Для этого необходимо соответствующий план восстановления национальной экономики Северо-Восточного региона. Для этой великой работы нам не хватает опытных кадров» [沈志华 ... , 2003, p. 42, 43].

А. В. Ковалёв, возглавлявший работу по организации помощи, подготовил положительный ответ. В своей телеграмме Сталину он написал: «Если вы решите удовлетворить просьбу китайских товарищей, я считаю, что необходимо создать специальную группу или комиссию при Совете Министров СССР. Эта группа должна: 1) проводить исследования и оказывать помощь демократическому Китаю в восстановлении и развитии промышленности и транспорта, разрабатывать единый план практических мер, которые должны принять соответствующие органы и учреждения СССР, а также подготавливать соответствующие предложения для Совета Министров СССР; 2) изучать вопросы экономики и источников сырья, потребности в оборудовании, материалах и кредитовании; 3) руководить работой советских специалистов и помогать организовывать обучение местных кадров» [沈志华 ... , 2003, p. 62, 63].

Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов выдвинул аналогич-

ный план и призвал к его выполнению. Сталин направил экспертов для изучения ситуации в Китае, что в итоге привело к решению об оказании помощи и направлении в Китай советских специалистов. Китайский политический деятель, Лю Шаоци, посетив СССР, привез с собой советских экспертов, высоко оценив помощь, оказываемую Советским Союзом. Он заявил: «Советские специалисты приехали издалека, они оставили свои семьи, они отложили свою работу, чтобы проделать долгий путь в Китай. Это великий дух интернационализма, и мы должны относиться к ним как к хорошим учителям. Китайцам необходимо поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом в работе, не допуская недопонимания. Если возникнет какая-либо неприятная ситуация, китайский народ должен взять на себя ответственность. Неважно, чья это вина, наши люди должны будут понести наказание. Мы должны быть крайне строги к себе в данном деле» [李跃然. ... , 1994, p. 6].

Помощь Сталина Китаю воплотила в себе дух научного знания. *Во-первых, власть должна быть легитимной.* Сталин сказал: «Я согласен с вашим мнением о превращении общей политической программы Китая в основной закон государства. Конституция должна включать в себя, во-первых, всеобщее избирательное право, во-вторых, признание частной собственности владельцев предприятий и зажиточных крестьян, в-третьих, признание иностранных концессий на ведение деятельности

на китайских предприятиях. Я думаю, что в 1954 году вы можете провести выборы и принять конституцию» [李海文整理 ... , 1991, p. 408]. Сталин всегда считал, что общая политическая программа – это только программа Коммунистической партии и без согласия других политических партий она не является законной. Только посредством проведения выборов и принятия конституции правительство Китая может продемонстрировать превосходство над всеми политическими партиями.

Во-вторых, Китай еще не обладал необходимыми условиями для построения социализма. Сталин говорил: «Различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминдановской клики, будут еще долго жить и китайская компартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении... Надо иметь в виду, что Китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая будет по своей политике <...> национальным революционно-демократическим правительством, а

не коммунистическим» [刘文沛 ... , 2013, p. 72].

В-третьих, отрицание привязанности КПК к Коммунистической партии Советского Союза. Мао Цзэдун, говоря о взаимоотношениях между КПК и КПСС, сказал, что Советский Союз всегда был старшим братом для Китая, и это означает, что Китай, как брат, должен уважать авторитет СССР, а Советский Союз, как старший брат, должен взять на себя обязанность помощи и защиты Китая. Сталин однако считал иначе: «Вы говорите в своем докладе, что КПК подчиняется решениям КПСС, нам это кажется странным, когда партия одной страны подчиняется партии другой страны, этого никогда не было и это недопустимо. Обе партии должны быть ответственны перед своим народом, обсуждать проблемы и оказывать взаимную помощь в трудностях, но нельзя говорить о том, что одна партия подчиняется другой» [刘文沛 ... , 2013, p. 74].

На основе этих трех пунктов было решено, что Советский Союз готов оказать помощь Китаю, надеясь при этом, что Китай добьется независимости.

Во времена Хрущева наступил «медовый месяц» в отношениях между Китаем и СССР, это также было время, когда Китай действительно обрел независимость. Китайско-советский «медовый месяц» наступил после польско-венгерского инцидента 1956 г., который стал следствием начала десталинизации на XX съезде КПСС. Критика Хру-

щевым Сталина продемонстрировала социалистический гуманизм, проявляющийся по реабилитации жертв политических репрессий и сосредоточении внимания на повышении уровня жизни народа. Однако в странах Восточной Европы подход Хрущева имел противоположные последствия. В июне 1956 г. в Польше прошли забастовки, шествия и кровопролитие рабочих Познани, выступавших против налоговой политики и задержки заработной платы, а в Венгрии инициативы И. Надя по улучшению жизни населения вызвали антисоциалистические беспорядки. Пытаясь подавить беспорядки, Хрущев вмешался во внутренние дела Польши, лично возглавив делегацию на съезде польской партии. Беспорядки в Венгрии, подавленные по совету советского посла в Будапеште Ю. В. Андропова, вылились в кровавый конфликт [沈志华. 十字路口的选择 ... , 2013, p. 206]. Советская интервенция сильно подпортила имидж социализма. Из необходимости сохранить большую социалистическую семью Китай вмешался, чтобы сгладить последствия польско-венгерского инцидента. В то же время Китай также «надеялся, что Советский Союз будет более открытым для других социалистических стран с точки зрения политического и экономического равенства. Военные гарнизоны также должны быть выведены из восточноевропейских стран, чтобы эти страны могли стать независимыми» [沈志华. 十字路口的选择 ... , 2013, p. 201]. Тем самым, Китай заслужил широ-

кую похвалу со стороны Советского Союза и восточноевропейских стран.

Польско-венгерский инцидент вывел на поверхность проблему взаимосвязи между интернационализмом и национальными интересами. Предложенный Хрущевым политический курс, придававший большое значение повышению уровня жизни людей, придал интернационалистской помощи утилитарный оттенок. Однако Советский Союз был лидером социализма, поэтому из необходимости сохранить большую социалистическую семью Китай должен был сохранить лидерство Советского Союза; в то же время Мао Цзэдун считал, что все кризисы связаны с оппортунистическим путем правого уклона, предложенным Хрущевым, который проявлялся в мирном сосуществовании и парламентском пути. Хотя Китай публично не обвинял Хрущева на Московской конференции 1957 года, но в высказывании Мао Цзэдуна о том, что «революционный путь, а не путь мирного развития соответствует общим принципам Октябрьской революции» [吴冷西. 十年论战 ... , 2014, p. 39, 40], уже содержался намек на конфликт между интернационализмом и национальными интересами.

После инцидента в Польше и Венгрии помощь СССР Китаю достигла своего пика. В 1956 г. Китай и СССР подписали 11 ключевых соглашений, из Китая в СССР отправились 95 делегаций и инспекционных групп, из СССР в Китай прибыло 77 делегаций и инспекционных групп, количество проектов помощи

Китаю со стороны СССР увеличилось с 156 до 211, 1 836 китайских студентов и аспирантов отправились учиться в СССР, а в Китай было направлено 3 113 советских экспертов и консультантов [沈志华. 中苏关系史纲 ... , 2007, p. 165]. По сравнению со сталинским периодом китайско-советские отношения в хрущевский период основывались на равенстве между Китаем и Советским Союзом.

Помощь, не ведущая к независимости

Помощь СССР считается началом в создании современной промышленной базы Китая. Китай практически не имел выбора в условиях давления со стороны других стран, а также внутренней бедности и слабости. Идея строительства национальной экономической системы и создание атомной бомбы на основе помощи специалистов СССР были из области фантастики. Однако сильная вера Китая в интернационализм положила начало процессу модернизации, но в то же время повсеместно ощущалось подавление Советским Союзом Китая. По мере возникновения возможностей Китай переходил от развития, основанного на помощи специалистов из СССР, к самостоятельному развитию.

Подписание Сталиным Ялтинского соглашения и разделение сфер влияния с США в Азии были продиктованы национальными интересами СССР. По этой причине Сталин тайно помогал Китаю в ходе Корейской войны, чтобы не ссориться с

США и сохранить стабильность в Северо-Восточной Азии. После окончания Корейской войны Сталин изменил свое отношение к Китаю, в частности, оказал помощь в виде строительства 156 промышленных объектов и направил специалистов для помощи Китаю. Однако в процессе предоставления помощи со стороны СССР были выдвинуты жесткие требования, которые свидетельствовали о доминирующем положении СССР, по отношению к Китаю, проявлявшему крайнюю сдержанность.

Прежде всего, советские специалисты, оказывая помощь в развитии Китая, демонстрировали чрезвычайно догматичные позиции. Например, в процессе реконструкции Пекина советские ученые, в число которых входил П. В. Абрамов и др. [Верченко, 2018], предложили план развития старой части города в качестве нового административного центра, тогда как китайские специалисты, такие как Лян Сичэн и др., предлагали выбрать в качестве административного центра другое место, с целью сохранения исторического наследия столицы. В итоге китайское руководство прислушалось к мнению советских экспертов, и к сожалению, не удалось сохранить исторические памятники Пекина подобно тому, как Греция сохранила Акрополь, а Италия – Венецию [沈志华 ... , 2003]. Предложенный советскими специалистами проект реконструкции, с одной стороны, был обусловлен финансовыми соображениями, а с другой стороны, он представлял собой

план современной столицы, отражающий научную концепцию. Конечно, то что Китай в конечном итоге принял советскую концепцию, не означает, что она была безупречной, главная причина заключалась в суверенном отношении китайского народа к советским специалистам и отсутствию духа независимости и самостоятельности.

План советских военных экспертов по развитию китайской армии еще больше не соответствовал китайской реальности, однако был принят без изменений. По воспоминаниям китайского маршала Пэн Дэхуая, при строительстве прибрежных оборонительных сооружений в Центральном-Южном военном округе требовалось переселение жителей. Советские эксперты предлагали полностью переселить всех жителей острова Нэйлиндин в устье реки Чжуцзян, тогда как Пэн Дэхуай выступал за переселение только подозрительных и неустановленных лиц. Мнение советских экспертов основывалось на необходимости сохранения секретности и военных потребностей, что создавало противоречия между армией и народом, в то время как маршал Пэн Дэхуай руководствовался концепцией единства военных и гражданских структур. Очевидно, мнение советских экспертов было более профессиональным, однако оно вызвало протесты местного населения. В итоге вопрос переселения был решен в соответствии с рекомендациями советских специалистов, однако осталось сожаление о том, что зона отчуждения в провин-

ции Гуандун вдоль побережья Восточного моря оказалась слишком широкой [沈志华 ... , 2003, p. 144]. Подобных сожалений было еще очень много.

Советские специалисты кроме выражения им высочайших почестей и взятия китайцами любой вины на себя в случае непредвиденных ситуаций, получали от Китая высокое материальное обеспечение и даже право экстерриториальности в обмен на технологии. Относительно статуса экспертов из СССР было установлено следующее: заработная плата советских специалистов в Китае состояла из трех частей: зарплата за работу, доплаты за проживание в Китае и компенсация убытков, понесенных их организациями в СССР, выплачиваемая советскому правительству. Государственный совет установил, что в конце 1955 г. стандарт зарплаты советских специалистов в Китае составлял примерно 350 юаней в месяц, что практически равнялось зарплате самого высококвалифицированного учителя в Китае [沈志华 ... , 2003, p. 219-221]. По словам советского эксперта М. А. Ключко, в середине 1950-х гг. большинство советских специалистов в Китае получали около 520-540 юаней в месяц, и после вычета необходимых расходов у них оставалось около 300 юаней. Кроме того, им предоставлялось бесплатное проживание в Китае, а также возмещались командировочные и медицинские расходы. По статистике, эти расходы составляли сумму в два раза больше средней заработной платы. Кроме того, государство так-

же ежегодно предоставляло субсидию Советскому Союзу в размере 1 500-3 000 рублей на человека в месяц [沈志华 ... , 2014, p. 57]. Долг Китая перед СССР составлял 1,2 млрд рублей, а расходы только на оплату работы советских специалистов составляли более 200 млн рублей. Подобные материальные условия, созданные для советских специалистов, не были требованием Советского Союза, а являлись актом гостеприимства со стороны Китая. Вопрос об экстерриториальных правах, то есть о передаче советских специалистов при совершении ими правонарушений властям СССР для судебного разбирательства, содержал существовало множество проблем. В первом полугодии 1956 г. 18 специалистов экономической сферы были депортированы из-за «недостойного поведения» [沈志华 ... , 2003, p. 244].

При Хрущеве китайско-советское сотрудничество достигло периода «медового месяца», но Китай не добился полного импорта технологий. Создание атомной бомбы и ракетных технологий является тому лучшим подтверждением. Атомная бомба была самой передовой технологией того времени. В целях стратегической безопасности Лю Шаочи однажды обратился к Сталину с просьбой посетить ядерные объекты, но ему было отказано. Позже, когда Мао Цзэдун прибыл с визитом в СССР, Сталин пообещал предоставить Китаю ядерную защиту. Во времена правления Хрущева Мао Цзэдун выразил надежду на помощь Советского Союза в производстве

ядерного оружия, однако Хрущев рассчитывал, что Китай сможет создать лишь ядерный реактор для мирного использования атомной энергии, ссылаясь на высокую стоимость ядерного оружия [孙丽、孙大为 ... , 2009].

Позиция Хрущева была обусловлена *международными факторами*. Хрущев вел переговоры с США по поводу контроля над ядерным оружием. Контроль над оружием, способным уничтожить все человечество, становился неизбежностью и являлся темой, на которую современное общество всегда обращает внимание. Когда Хрущев отказал Китаю в прямой помощи при производстве ядерного оружия, маршал Не Жунчжэнь, ответственный за работу над производством атомной бомбы, сказал: «Мы будем заниматься исследованиями ракет, будь то с помощью СССР или без его помощи. Поэтому вместо того, чтобы ждать переговоров, мы должны, с одной стороны, готовиться к ним, а с другой – активно вести собственную подготовительную работу» [聂荣臻 ... , 1992, p. 395].

Однако только после того как Китай поддержал Хрущева в борьбе с «антипартийной группой Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Л. М. Кагановича», помощь в области атомной бомбы и ракетных технологий стала возможной. При поддержке СССР, помимо предоставления оборудования, чертежей, технических данных, помощи экспертов и подготовки кадров, Китаю была оказана помощь в создании тяжеловод-

ного ядерного реактора мощностью 7 000 кВт и циклотрона диаметром 1,2 метра. В области ракетной технологии была предоставлена ракета класса «земля-земля» типа Р-2 [沈志华 ... , 2003, p. 194, 195].

Тем не менее в целях защиты сверхсекретных технологий СССР все еще сдержанно относился к помощи Китаю в предоставлении новейшего оружия. Когда в октябре 1959 г. между Хрущевым и Мао Цзэдуном начались разногласия (в особенности после того, как Китай отдал приказ об обстреле острова Цзиньмэнь без уведомления СССР) Хрущев внезапно объявил о прекращении помощи Китаю в ядерных технологиях, и Китай встал на путь самообеспечения. Внешне этот шаг Хрущева был связан с политикой смягчения отношений с Европой и США, но на самом деле у Хрущева не было уверенности в том, что он сможет предоставить Китаю ядерное оружие в свете китайской «самодетельности и беззакония» [沈志华.援助与限制 ... , 2004, p. 127].

Во времена Хрущева СССР, наконец, отказался от революционных идей, выдвинул теорию мирного сосуществования с капитализмом и осуществил политику нераспространения ядерного оружия. Даже в случае с кубинским ракетным кризисом удалось все разрешить положительно (без применения ядерного оружия), что указывает на преобладание здравого смысла над эмоциями. Только после того как Китай стал ядерной державой, он постепенно начал осознавать противоречие между науч-

ным знанием и этикой и становился все более рациональным. Поэтому в период «медового месяца» с Советским Союзом Китай использовал этические принципы в обмен на развитие науки, и в конечном итоге достиг успеха, перейдя от зависимости к независимости и от эмоциональных реакций к рациональному развитию.

Идеология,

влияющая на оказание помощи

В советской помощи присутствовали элементы как интернациональных обязательств, так и национальных интересов. *Почему же по мере роста объемов советской помощи Китай перестал придерживаться принципа «почтение важнее разума» и стал делать упор на идеологию? Была ли это идеология, способная принести практическую помощь, или идеология, посредством которой достигались прорывы в научно-технической сфере?* Если говорить о реальном развитии событий, то Китай постепенно вступал в противоречие с хрущевской концепцией «мирного сосуществования», взял курс на скачкообразное внутреннее развитие, что стало вызовом приверженности Китая этическим принципам, а также принципам науки.

При Сталине СССР смог расширить социалистический лагерь за счет оказания помощи, хотя уже продемонстрировал националистический характер отстаивания советских национальных интересов через интернационализм; благодаря избранию Китаем СССР в качестве союзника, Китай был

признан Советским Союзом, который позволил Китаю обрести суверенную независимость. С приходом к власти Хрущева пришлось частично отказаться от мечты о мировой революции в пользу политики, ориентированной на экономическое развитие и мирное сосуществование с капиталистическим миром [Худолей, 2018]. С одной стороны, многолетняя политика интернационализма, проводимая СССР, уже серьезно подорвала уровень жизни населения. С другой стороны, западные капиталистические страны, развивая мировую рыночную экономику, расширяли свои рынки, а не сокращали их, и перед СССР встала историческая задача развития рыночной экономики и освоения пути социалистического развития с учетом особенностей Советского Союза. Китай же в это время уже создал основы современного общества благодаря советской помощи, доказав жизнеспособность интернационалистских идей, и не заметил тормозящего влияния сталинской модели на советскую экономику. С началом экономических реформ в Советском Союзе страны Восточной Европы взяли на себя инициативу в попытках поиска собственных путей развития. Хотя Китай по-прежнему придерживался революционного пути развития, он также воплощал в себе китайскую концепцию этического превосходства.

Китай выступил с критикой советского ревизионизма с этической точки зрения. Ревизионизм делал акцент на захвате власти мирным путем и ставил своей целью не уничтожение буржуазии, а смирение с ее существованием. Самое большое разногласие между Мао Цзэдуном и Хрущевым заключалось в том, что Хрущев отказался от революционных методов и отклонился от марксизма-ленинизма. Мао Цзэдун говорил: «Для строительства социализма необходимо иметь мирную обстановку. Это возможно? Мы считаем, что это возможно. Конечно, мы, марксисты, всегда считали, что пока существует монополистический капитализм в мире, возможность войны всегда существует. Отрицание этого не является марксистским» [逢先知 ... , 2003, p. 528].

Получив право развиваться самостоятельно [吴冷西 ... , 2014, p. 84, 85], Китай начал эксперимент со скачком вперед. Китайская модель построения современного общества пришла из Советского Союза. А так называемая сталинская модель имела недостаток, заключавшийся в замене качества количественными показателями. Например, модернизация равнялась гонке за Великобританией и США, и воплощалась в ряде показателей, таких как производство стали, пшеницы и т. д. Председатель Мао, анализируя данные о выпуске стали в СССР и в Китае, сказал: «Я считаю, что наше коммунистическое общество может наступить раньше, чем в Советском Союзе» [沈志华 ... , 2013, p. 592]. Хрущев выразил критику по

этому поводу: «Сейчас китайцы организуют народные коммуны. В нашей стране это было 30 лет назад, и мы устали от этого. Но китайцы – пусть они попробуют. Когда они получают травмы и истекут кровью, они наберутся опыта» [沈志华主编 ..., 2002, р. 187]. Конечно, реформы Хрущева не избавили полностью от игры с количественными показателями, например, от приравнивания коммунизма к производству мяса, яиц и молока, превышающему производство в США. Китайско-советский спор о выпуске продукции был связан не столько с интерпретацией количественных показателей, сколько с непониманием того, что экономическое развитие – это наука о деньгах. По словам советских специалистов, это было недоверием к науке [沈志华 ..., 2013, р. 598].

Гонка за производительность постепенно переросла в борьбу за суверенитет. Воспользовавшись периодом «медового месяца» между Китаем и Советским Союзом, Хрущев предложил построить длинноволновую радиостанцию в Китае. Она предназначалась для поддержки ядерных подводных лодок в Тихом океане, длинноволновый передатчик необходимо было установить на острове Хайнань. 18 апреля 1958 г. Советский Союз предложил Китаю совместное строительство, с общими инвестициями в размере 110 млн рублей, из которых СССР бы внес 70 млн, а Китай – 40 млн, после завершения строительства станция использовалась бы обеими странами. 24 апреля Мао Цзэдун согласился на

строительство данного объекта с условием, что расходы будут полностью возложены на Китай, и право собственности также останется за ним [沈志华 ..., 2013, р. 639]. Мао Цзэдун дорожил правом собственности, поскольку опасался, что СССР вновь повторит унижение Китая, связанное с наличием иностранных военных баз в Китае.

Вопрос с длинноволновой радиостанцией еще не был решен, когда возникла проблема с общим подводным флотом. 28 июня 1958 г. китайская сторона выразила свою потребность в технической помощи со стороны СССР в создании ядерных подводных лодок, однако 21 июля СССР в ответ предложил создание совместного флота ядерных подводных лодок. Маршал КНР Пэн Дэхуай выразил свое мнение по этому поводу, сказав следующее: «Необходимо разработать четкое руководство по решению подобных проблем, и основное требование заключается в том, что мы должны проводить собственные исследования, разработку и опытное производство; даже если это не удастся, то потратить немного денег все равно стоит. Если мы просто полагаемся на других, не разрабатывая сами, мы всегда будем производить только старые вещи» [罗晓明 ..., 2010, р. 40].

Хрущев пытался разрешить вопрос по созданию общего подводного флота, пояснив, что посол СССР в Китае П. Ф. Юдин неправильно выразился, он имел в виду совсем другое: Китай имеет длинное морское побережье и хорошие условия. В

случае начала войны, общим врагом для Китая и Советского Союза являлись бы США, отсюда и было стремление создать общий флот подводных лодок. В ответ Мао Цзэдун сказал: «СССР смотрит на китайцев свысока. Он немного помог Китаю с ядерным оружием, а теперь хочет получить контроль и право аренды» [沈志华 ... , 2013, p. 645]. В конце концов, хотя Китай согласился создать длинноволновую радиостанцию и флот подводных лодок, но Мао Цзэдун расценил это как попытку нарушения суверенитета Китая со стороны СССР [Зубок, 2001, с. 111-128]. Хрущев предложил отозвать всех советских специалистов.

Председатель Мао ценил идеологические вопросы выше, чем помощь СССР Китаю, что определялось китайскими этическими ценностями. Именно основываясь на этом, Китай был готов отказаться от советской помощи в процессе модернизации ради независимости. Шэнь Чжихуа считает, что действия советских лидеров не имели злого умысла и не подразумевали вмешательства в суверенитет Китая [沈志华 ... , 2013, p. 653]. Китай ускорил разработку собственной атомной бомбы, и даже приложил все усилия для разработки «двух бомб и одного спутника» [中国为第一颗原子弹花了多少钱 ... , 2011, p. 152; 35, p. 573], потратив 2,8 млрд юаней, что сделало Китай членом клуба ядерных держав, а также вынудило США принять более мягкую политику в отношении Китая [马宇平、黄裕冲编 ... , 1989, p. 62]. В сфере внешней политики Китай

ускорил курс на свою независимость, прекратив отношения между СССР и Китаем и оставив их в состоянии раскола и полемики.

Идеологический спор между Китаем и Советском Союзом постепенно превратился в дипломатический спор. 23 августа 1958 г. Мао Цзэдун внезапно объявил о бомбардировке острова Цзиньмэнь, что застало врасплох Хрущева, который на тот момент проводил политику смягчения отношений с США. 5 сентября Мао Цзэдун в своем отчете о мотивах обстрела Цзиньмэня заявил: «Мы не собираемся прямо сейчас освободить Тайвань и высаживаться на Цзиньмэне и Мацзу. Мы хотим нанести карательный удар по гоминьдану и одновременно заставить США нервничать, и таким образом поддержать борьбу арабских народов Ближнего Востока» [吴冷西 ... , 2014, p. 177, 178]. Хотя Хрущев, узнав об этом инциденте, был очень возмущен, всё же в процессе общения с США он защищал достоинство китайского народа, требуя, чтобы США прекратили вмешательство во внутренние дела Китая: «Вторгаться в Китай – значит вторгаться в СССР, и мы будем делать все возможное для защиты безопасности Китая и СССР» [人民日报, 1958]. Хрущев планировал созвать в начале октября 1958 г. саммит десяти стран, включая Китай, СССР и США, чтобы обсудить тайваньский вопрос и представить его в ООН. Действия Хрущева вызвали протесты со стороны Китая. Мао Цзэдун заявил, что Китай не намерен решать тайваньскую про-

блему, и использовал ее для ужесточения отношений с США.

10 марта 1959 г. между Китаем и Индией возник спор по поводу выезда Далай-ламы из Тибета, поэтому по поводу СССР выразил серьезную озабоченность. С одной стороны, СССР продолжал поддерживать Китай, а с другой стороны, Советский Союз молчал, когда речь шла об Индии. В апреле 1959 г. Китай и Индия возобновили спор о границе. 8 сентября Москва распространила заявление ТАСС, в котором назвала инцидент с китайско-индийским пограничным конфликтом причиной ухудшения отношений Индии с социалистическими странами и осложнения международной обстановки накануне обмена визитами глав государств СССР и США [王泰平主编... , 1998, p. 228]. 13 сентября 1959 г. ЦК КПК подверг критике советское правительство за уступчивость и компромиссную позицию по принципиальным вопросам, обнажив разногласия между Китаем и Советским Союзом по поводу китайско-индийского пограничного конфликта. С этого момента конфликт между Китаем и СССР по вопросам урегулирования международных отношений достиг своего предела.

Идеологическая война, приведшая Китай к независимости

Некоторые китайские ученые сводили причины разногласий между Китаем и СССР к «идеологии». Шэнь Чжихуа, например, писал: «Великий скачок вперед и движение крестьянских коммун были шедевр

ром Мао Цзэдуна, и социалистические страны Восточной Европы высказывали свое согласие или озабоченность, однако Москва проявила равнодушие, а Хрущев даже выступил с насмешливой речью. Это происходило во время рассмотрения ходатайства Пэн Дэхуая о проведении расследования в Лушане, и Мао Цзэдун, не выдержав, громогласно объявил Хрущеву войну... После того, как Хрущев произнес свою речь в Вашингтоне, гнев Мао Цзэдуна уже невозможно было сдержать. Он ненавидел преклонение Хрущева перед США... Это не только оскорбляло коммунистов перед всем миром, но и полностью исключало Китай из важных международных дел» [沈志华... , 2013, p. 715, 716]. Следует отметить, что такое обобщение является верным. Однако необходимо подчеркнуть, что с тех пор, как СССР после XX съезда отказался от интернационализма, советское правительство официально выбрало национализм и искало пути для развития своего государства. Основной проблемой, с которой сталкивался Советский Союз в эпоху Хрущева, было развитие экономики страны, достижение уровня жизни населения, превосходящего США, и подчеркивание превосходства социалистической системы в условиях мирного сосуществования. Проблемы СССР имели российский характер и являлись продуктом исторического процесса в России. Китай выдвинул вопрос о ревизионизме Хрущева со своей позиции, что не соответствовало

ситуации в Советском Союзе. Poleмика между Китаем и СССР показала, что Китай выступал против гегемонии СССР и отвоевывал себе место с помощью идеологической битвы.

Теория мирного сосуществования, выдвинутая Хрущевым, соответствовала ситуации в СССР. Исходя из того, что ядерное оружие может привести к полному уничтожению человеческой цивилизации, Хрущев пришел к выводу о необходимости мирного сосуществования [Мирное сосуществование ... , 1960, с. 6; 10, с. 644]. Если временный поверенный в делах посольства США в СССР Джордж Кеннан смотрел на эту проблему с позиции противостояния социализма и капитализма и продолжал применять стратегию сдерживания в отношении Советского Союза [Мирное сосуществование ... , 1960, с. 29], то Хрущев, исходя из своего понимания, активно проводил стратегию смягчения отношений с США, чтобы обеспечить быстрый экономический рост СССР и повышение уровня жизни населения. США не приняли эту стратегию Советского Союза по следующей причине: «После Второй мировой войны СССР продолжал видеть мир в черно-белых цветах и все еще надеялся на осуществление миссии по внедрению коммунизма во всем мире» [Мунтян, 2010, с. 185; Артемов, 2022, с. 198]. Антикоммунистические взгляды руководства США не позволяли им принять мирную стратегию, предложенную Хрущевым, правительство США просто изменило спо-

соб подхода к СССР, заменив военные методы сдерживания на политические и экономические.

Когда руководители Советского Союза вели полемику с руководством Китая, они неоднократно подчеркивали: «Вы не должны пытаться навязывать нам свои взгляды, будто бы мы ожидаем, что, поскольку мы выиграем экономическое соревнование, капитализм «автоматически рухнет». Мы четко понимаем весь механизм влияния власти социалистической модели на революционную борьбу. Независимо от того, когда и при каких условиях произойдет социалистическая революция, это дело трудящихся каждой страны, народа этой страны и Коммунистической партии этой страны. Социалистические страны не могут заменить внутренние революции «революционной» войной против капитализма. Ни один марксист никогда не говорил, что, благодаря экономическим достижениям социалистических стран классовая борьба рабочих в капиталистических странах больше не нужна» [沈志华主编 ... , 2014, р. 198].

Китайское сопротивление мирному сосуществованию СССР и США также было обусловлено национальной ситуацией. Китай являлся экономически отсталой страной, и главной задачей была борьба за национальную независимость и суверенитет. В отношении США Китай не имел возможности добиться мирного сосуществования ни при каких обстоятельствах, поэтому единственным вариантом была борьба соб-

ственными силами. Китай, исходя из империалистической теории Ленина, пришел к выводу, что империализм – это и есть война. Китайский политический деятель Пэн Чжэнь говорил: «Корни современных войн кроются в империализме. Американский империализм является главной силой агрессии и войны, самым злым врагом всех народов мира. Силы социализма, национального освобождения, народной революции превосходят силы империализма, но это не меняет агрессивной природы империализма... Чтобы отстоять мир во всем мире, необходимо постоянно и тщательно разоблачать империалистическую политику агрессии и войны, и мобилизовать народы всего мира к решительной борьбе против нее» [沈志华主编 ... , 2014, p. 174]. В данной борьбе пока не удавалось достичь победы, однако удалось сохранить национальный суверенитет и боеготовность.

Китайская суверенность и независимость зависели от идеологии, что особенно проявлялось в противостоянии социализма и капитализма. Противостояние требовало наличия силы, поэтому осознание Китаем отсутствия других путей, кроме как полагаться на свои собственные силы, отправило его на путь самообеспечения. Сначала Китай следовал советской модели, что привело к подавлению индивидуального творчества и нарушению научных законов, это обошлось очень дорого: экономический ущерб достиг 120 млрд юаней [中共中央文献研究室编 ... , 1983, p. 308, 309; 肖潇钦 ... , 1990,

p. 166]. Важность научного знания, помогла прийти к убеждению, что «бедность – это не социализм, и что самая главная задача социалистического этапа заключалась в развитии производительных сил» [建设有中国特色的社会主义 ... , 1993, p. 63]. В 1992 г. после долгого становления в Китае был официально утвержден статус социалистической рыночной экономики.

Акцент китайско-советской полемики на антагонистическом характере социализма и капитализма был обусловлен давним чувством трагедии Китая: тысячелетней историей китайской культуры, веками нищеты и слабости, притеснением со стороны других государств [杨奎松 ... , 2008]. Поэтому Мао Цзэдун всегда подчеркивал, что хрущевский ревизионизм – это рабская преданность империализму. Боевой характер идеологии озаменовал стремление Китая к самостоятельному развитию и привел к пику китайских этических ценностей [Рябченко, 1998, с. 59-61]. В условиях жесткого столкновения этических ценностей и экономической науки Китай смело выбрал политику реформ и открытости, став на научный путь развития.

Заключение

В период оказания помощи Китай и СССР столкнулись с конфликтом восприятия друг друга. Дружелюбно настроенный Китай искал помощи у СССР, который разделял эту доброжелательность. Для китайцев просьба о помощи была практически неизбежной. СССР, исходя из своих ин-

тересов на Дальнем Востоке и социалистических принципов, оказал китайцам моральную и материальную поддержку. Однако Китай и СССР все же отличались культурой. Китай настолько заботился об уважении к другим, поэтому не размышлял в вопросе выбора СССР в качестве союзника. В то же время, тактика Советского Союза полностью отличалась. СССР поддерживал хорошие отношения с Китаем исключительно из стратегических соображений и больше полагался на собственную

силу. Китай окончательно осознал ценность силы, когда, руководствуясь силой, Хрущев стал проводить внешнюю политику мирного сосуществования. Китай не ограничивался «помощью», а использовал идеологию в качестве критерия для объединения разрозненных сил Китая. Хотя эта сплоченность почти привела к исключению других точек зрения, она позволила, наконец, признать силу выражения «бедность – это не социализм».

Библиографический список

1. Артемов Е. Т. Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н. С. Хрущёва // Российская история. 2022. №4. С. 186-198.
2. Вергун А. С. Дипломатическая деятельность Ю. В. Андропова в Венгрии в оценках отечественных мемуаристов (1953-1956) // Венгерский кризис 1956 в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Институт славяноведения РАН, Архивный институт Венгрии в Москве; редкол.: А. С. Стыкалин (отв. ред.) и др. Москва : б. и. ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. С. 54-61.
3. Верченко А. Л. Советско-китайское сотрудничество в архитектуре и строительстве в Китае в 1950-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. №. 4. С. 135-144.
4. Зубок В. М. Переговоры Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном // Новая и новейшая история. 2001. №.1. С. 111-128.
5. Карагонова Т. А. Буржуазная историография о причинах советско-китайских разногласий // К исследованию советско-китайских отношений. Ин-т ДВ АН СССР. Вып. Первый. №.75. Москва : б.и., 1976. С. 135-199.
6. Мирное сосуществование с разных точек зрения. Издание центрального объединения политических эмигрантов из СССР. Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. 79 с.
7. Мунтян М. А. Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 5: Утраченные перспективы. Москва : б.и., 2010. С. 172-196.
8. Мясников В. С. Десятилетие дружбы // Китайская Народная республика в 50 годах. Сборник документов в 2 томах. Т. 1: Взгляд советских и китайских ученых. Москва: Памятники исторической мысли, 2009. С. 7-14.
9. Рябченко Н. П. Советско-китайский конфликт (60-е – начала 80-х годов) // Россия и АТР. История международных отношений. 1998. С. 53-59.
10. Хрущёв Н. С. Воспоминания. В 2 книгах. Кн.1: Время, Люди, Власть. Москва : Вече, 2016. 896 с.
11. Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране // Вестник Санкт-

- Петербургского университета. Сер. 6, Политология, международные отношения. 2017. Т. 10, Вып. 2. С. 145-165.
12. Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (подъем и распад мировой системы социализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология, международные отношения. 2018. Т. 11, Вып. 1. С. 53-85.
13. 石文玉. 儒学道统与晚清社会制度变革: 吉林大学出版社, 2011.
14. 张之洞. 劝学篇·德平注: 光明日报出版社, 2021.
15. 沈志华. 苏联专家在中国: 中国国家广播出版社, 2003.
16. 沈志华. 中苏关系史纲 (1917-1991): 新华出版社, 2007.
17. 刘显忠. 民族问题与苏联解体 // 世界社会主义研究. 2021. №.10.
18. 毛泽东文集, Vol. 3. 人民出版社. 1996.
19. 李跃然. 外交舞台上的新中国领袖. 外语教学与研究出版社. 1994.
20. 李海文整理. 在历史巨人身边: 师哲回忆录. 中央文献出版社. 1991.
21. 刘文沛, 新中国政府体制的建构与苏联因素 (1949-1954) . 复旦大学. 2013.
22. 刘少奇. 建国以来刘少奇文稿. 中央文献出版社. 1998.
23. 沈志华. 十字路口的选择: 1956-1957年的中国. 广东人民出版社, 2013.
24. 吴冷西. 十年论战 (1956-1966) : 中苏关系回忆录. 中央文献出版社, 2014.
25. 沈志华. 苏联来华专家的实际待遇 // 国际人才交流. 2014. №.1.
26. 沈志华、李滨主编. 脆弱的联盟: 冷战与中苏关系. 社科文献出版社. 2010.
27. 孙丽、孙大为. 苏联对中国核技术援助探析 // 自然辩证法研究. 2009. №.5.
28. 聂荣臻. 聂荣臻军事文选. 人民解放军出版社. 1992.
29. 沈志华. 援助与限制: 苏联与中国核武器研制 // 历史研究. 2004. №.3.
30. 逢先知、金冲及主编. 毛泽东传 (1949-1956) 中央文献出版社. 2003.
31. 沈志华. 无奈的选择——冷战与中苏同盟的命运(1945-1959). Vol. 2. 社科文献出版社. 2013.
32. 沈志华主编. 苏联历史档案选编. Vol.27. 社科文献出版社. 2002.
33. 罗晓明. 中共中央何时批准发展核潜艇 // 党史博览. 2010. №.5.
34. 中国为第一颗原子弹花了多少钱 // 西部大开发. 2011. №. 2-3.
35. 马宇平、黄裕冲编. 中国的昨天与今天- 1840-1987年国情手册. 解放军出版社. 1989.
36. 陈长伟. 中国第一颗原子弹爆炸后的美台反应 // 百年潮. 2006. №.5.
37. 人民日报. 1958年9月10日第3版.
38. 王泰平主编. 中华人民共和国外交史. Vol.2. 世界知识出版社. 1998.
39. 沈志华主编. 俄罗斯解密档案选编——中苏关系. Vol.10. 东方出版中心. 2014.
40. 中共中央文献研究室编. 关于建国以来党的若干历史问题的决议 (注释本) : 人民出版社. 1983.
41. 肖潇钦、王幼樵主编, 中华人民共和国四十年: 北京师范学院出版社. 1990.
42. 建设有中国特色的社会主义. 邓小平文选. Vol.3. 人民出版社. 1993.
43. 杨奎松. 毛泽东的“强国梦”——1958年大跃进运动的成因及影响再解释 // 南方周末. 2008年4月3日第23版.

Reference list

1. Artemov E. T. Nesostojavsheesja uskorenje: voenno-strategicheskiy faktor v jekonomicheskoy politike N. S. Hrushhjoва = Failed acceleration: military-strategic factor in the economic policy of N.S. Khrushchev // Rossijskaja istorija. 2022. №.4. S. 186-198.
2. Vergun A. S. Diplomatičeskaja dejatel'nost' Ju. V. Andropova v Vengrii v ocenkah otechestvennyh memuaristov (1953-1956) = Diplomatic activities of Yu.V. Andropov in Hungary in domestic memoirists' assessments (1953-1956) // Vengerskiy krizis 1956 v kontekste hrushhevskoj ottepeli, mezhdunarodnyh i mezhblokovyh otnoshenij / Institut slavjanovedenija RAN, Arhivnyj institut Vengrii v Moskve; redkol.: A. S. Stykalin (otv. red.) i dr. Moskva : b. i.; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2018. S. 54-61.
3. Verchenko A. L. Sovetsko-kitajskoe sotrudnichestvo v arhitekture i stroitel'stve v Kitae v 1950-e gody = Soviet-Chinese cooperation in architecture and construction in China in the 1950s // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. №. 4. S. 135-144.
4. Zubok V. M. Peregovory N. S. Hrushheva s Mao Czjedunom = Negotiations between N. S. Khrushchev and Mao Zedong // Novaja i novejšaja istorija. 2001. №.1. S. 111-128.
5. Karagonova T. A. Burzhuaznaja istoriografija o prichinah sovetsko-kitajskih raznoglasij = Bourgeois historiography on the causes of Soviet-Chinese disagreements // K issledovaniju sovetsko-kitajskih otnoshenij. In-t DV AN SSSR. Vyp. Pervyj. №.75. Moskva : b.i., 1976. S. 135-199.
6. Mirnoe sosushhestvovanie s raznyh toček zrenija. Izdanie central'nogo ob#edinenija političeskijh jemigratov iz SSSR = Peaceful coexistence from different points of view. Publication of the central association of political emigrants from the USSR. Mjunhen : Izd-vo Central'nogo ob#edinenija političeskijh jemigrantov iz SSSR (COPJe), 1960. 79 s.
7. Muntjan M. A. Jaltinsko-Potsdamskiy mezhdunarodnyj porjadok i sud'by poslevoennogo mira = Yalta-Potsdam International Order and the Fate of the Post-War World // 65 let Velikoj Pobedy. V 6 t. T. 5: Utrachennye perspektivy. Moskva: b.i., 2010. S. 172-196.
8. Mjasnikov V. S. Desjatiletie družby = Decade of Friendship // Kitajskaja Narodnaja respublika v 50 godah. Sbornik dokumentov v 2 tomah. T. 1: Vzgljad sovetskiyh i kitajskijh učennyh. Moskva: Pamjatniki istoričeskoy mysli, 2009. S. 7-14.
9. Rjabchenko N. P. Sovetsko-kitajskij konflikt (60-e – nachala 80-h godov) = Soviet-Chinese conflict (60s – early 80s)// Rossiya i ATR. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij. 1998. S. 53-59.
10. Hrushhjoв N. S. Vospominanija. V 2 knigah. Kn.1: Vremja, Ljudi, Vlast' = Memories. In 2 books. Book 1: Time, People, Power. Moskva : Veche, 2016. 896 s.
11. Hudolej K. K. Jevoljucija idei mirovoj revoljucii v politike Sovetskogo Sojuza (jepoha Kominterna i socializma v odnoj strane = The evolution of the idea of a world revolution in the politics of the Soviet Union (the era of the Comintern and socialism in one country // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6, Politologija, mezhdunarodnye otnoshenija. 2017. T. 10, Vyp. 2. S. 145-165.
12. Hudolej K. K. Jevoljucija idei mirovoj revoljucii v politike Sovetskogo Sojuza (pod#em i raspad mirovoj sistemy socializma) = The evolution of the idea of a world revolution in the politics of the Soviet Union (the rise and collapse of the world system of socialism) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologija, mezhdunarodnye otnoshenija. 2018. T. 11, Vyp. 1. S. 53-85.
13. 石文玉. 儒学道统与晚清社会制度变革: 吉林大学出版社, 2011.
14. 张之洞. 劝学篇·德平注: 光明日报出版社, 2021.

15. 沈志华. 苏联专家在中国: 中国国家广播出版社, 2003.
16. 沈志华. 中苏关系史纲 (1917-1991): 新华出版社, 2007.
17. 刘显忠. 民族问题与苏联解体 // 世界社会主义研究. 2021. №.10.
18. 毛泽东文集, Vol. 3. 人民出版社. 1996.
19. 李跃然. 外交舞台上的新中国领袖. 外语教学与研究出版社. 1994.
20. 李海文整理. 在历史巨人身边: 师哲回忆录. 中央文献出版社. 1991.
21. 刘文沛. 新中国政府体制的建构与苏联因素 (1949-1954). 复旦大学. 2013.
22. 刘少奇. 建国以来刘少奇文稿. 中央文献出版社. 1998.
23. 沈志华. 十字路口的选择: 1956-1957年的中国. 广东人民出版社, 2013.
24. 吴冷西. 十年论战 (1956-1966) : 中苏关系回忆录. 中央文献出版社, 2014.
25. 沈志华. 苏联来华专家的实际待遇 // 国际人才交流. 2014. №.1.
26. 沈志华、李滨主编. 脆弱的联盟: 冷战与中苏关系. 社科文献出版社. 2010.
27. 孙丽、孙大为. 苏联对中国核技术援助探析 // 自然辩证法研究. 2009. №.5.
28. 聂荣臻. 聂荣臻军事文选. 人民解放军出版社. 1992.
29. 沈志华. 援助与限制: 苏联与中国核武器研制 // 历史研究. 2004. №.3.
30. 逢先知、金冲及主编. 毛泽东传 (1949-1956) 中央文献出版社. 2003.
31. 沈志华. 无奈的选择——冷战与中苏同盟的命运(1945-1959). Vol. 2. 社科文献出版社. 2013.
32. 沈志华主编. 苏联历史档案选编. Vol.27. 社科文献出版社. 2002.
33. 罗晓明. 中共中央何时批准发展核潜艇 // 党史博览. 2010. №.5.
34. 中国为第一颗原子弹花了多少钱 // 西部大开发. 2011. №. 2-3.
35. 马宇平、黄裕冲编. 中国的昨天与今天-1840-1987年国情手册. 解放军出版社. 1989.
36. 陈长伟. 中国第一颗原子弹爆炸后的美台反应 // 百年潮. 2006. №.5.
37. 人民日报. 1958年9月10日第3版.
38. 王泰平主编. 中华人民共和国外交史. Vol.2. 世界知识出版社. 1998.
39. 沈志华主编. 俄罗斯解密档案选编——中苏关系. Vol.10. 东方出版中心. 2014.
40. 中共中央文献研究室编. 关于建国以来党的若干历史问题的决议 (注释本): 人民出版社. 1983.
41. 肖潇钦、王幼樵主编, 中华人民共和国四十年: 北京师范学院出版社. 1990.
42. 建设有中国特色的社会主义. 邓小平文选. Vol.3. 人民出版社. 1993.
43. 杨奎松. 毛泽东的“强国梦”——1958年大跃进运动的成因及影响再解释// 南方周末. 2008年4月3日第23版.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 27.12.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК 376.1

DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-141

EDN: GCQVUB

Объективизация процесса патриотического воспитания в контексте рефлексивно-средового подхода

Ольга Сергеевна Воробьева

Доцент кафедры теоретических основ физической культуры спорта и здоровья,
Череповецкий государственный университет, г. Череповец
osvorobeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5371-2189>

Аннотация. В определении стратегических целей воспитания на этапе современных социально-исторических преобразований в обществе и стране особую значимость приобретают проблемы патриотического воспитания подрастающего поколения. В связи с тем, что современная педагогическая наука пришла к пониманию воспитания как межличностного взаимодействия и сотрудничества, предполагается создание в образовательных организациях условий, в которых обучающийся становится не объектом воздействий педагога, а активным участником развития и преобразования собственной личности. Ряд педагогических подходов позволяют решить определенные задачи патриотического воспитания, но вопрос о проявлении субъектности обучающегося в процессе патриотического воспитания не представлен.

Связь внутренних процессов, регулируемых личностью, и педагогического влияния на них отражает объективизация. Объективизировать процесс патриотического воспитания возможно при совокупности условий, которые содержат объективный и субъективный аспекты деятельности. Данная идея позволяет рассмотреть объективизацию процесса патриотического воспитания как взаимоотношение субъекта и среды, результатом которого является формирование патриотизма.

Цель статьи заключается в анализе возможности объективизации процесса патриотического воспитания с позиции рефлексивно-средового подхода. Методологической основой исследования являются идеи рефлексивно-средового подхода, основывающегося на представлении о взаимодействии субъекта и среды с опорой на актуализацию процессов рефлексии. Данный подход рассматривается как одно из новых направлений в изучении проблемы патриотического воспитания обучающихся, которое сочетает в себе педагогическое управление взаимодействием в воспитательной среде и его рефлексивное преломление в формировании патриотических знаний, чувств, убеждений и мотивов деятельности самим обучающимся.

© Воробьева О. С., 2024

Ключевые слова: объективизация; педагогические подходы; процесс патриотического воспитания; рефлексивно-средовой подход; воспитательная среда; субъектность; субъектные качества обучающихся; рефлексия

Для цитирования: Воробьева О. С. Объективизация процесса патриотического воспитания в контексте рефлексивно-средового подхода // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 141-152. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-141>. <https://elibrary.ru/GCQVUB>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Objectification of process of patriotic education in context of a reflexive- environmental approach

Olga S. Vorobiova

Associate professor, department of theoretical foundations of physical culture of sport and health, Cherepovets state university
osvorobeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5371-2189>

Abstract. In determining the strategic goals of education at the stage of modern socio-historical transformations in society and the country, the problems of patriotic education of the younger generation are of particular importance. Due to the fact that modern pedagogical science has come to understand education as an interpersonal interaction and cooperation, it is supposed to create conditions in educational organizations in which the student becomes not an object of the teacher's influence, but an active participant in development and transformation of his own personality. A number of pedagogical approaches make it possible to solve certain problems of patriotic education, but the question on manifestation of the student's subjectivity in the process of patriotic education is not presented.

The connection between the internal processes regulated by the individual and the pedagogical influence on them reflects objectification. It is possible to objectify the process of patriotic education under a set of conditions that contain objective and subjective aspects of activity. This idea allows us to consider the objectification of the process of patriotic education as relationship between the subject and the environment, the result of which is the formation of patriotism.

The purpose of the article is to analyze the possibility of objectifying the process of patriotic education from the standpoint of a reflexive-environmental approach. The methodological basis of the study is the ideas of a reflexive-environmental approach based on the idea of interaction of the subject and the environment based on the actualization of reflection processes. This approach is considered as one of the new directions in the study of the problem of students' patriotic education, which combines pedagogical management of interaction in the educational environment and its reflexive refraction in formation of patriotic knowledge, feelings, beliefs and motives of activity by the student himself.

Keywords: objectification; pedagogical approaches; the process of patriotic education; reflexive-environment approach; educational environment; subjectivity; subject qualities of students; reflection

For citation: Vorobiova O. S. Objectification of process of patriotic education in context of a reflexive-environmental approach. *Social and political researches*. 2024;1(22): 141-152. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-141>. <https://elibrary.ru/GCQVUB>.

Введение

Государственный курс на сохранение национальной идентичности и суверенитета отражен в принятых к исполнению государственных программах, направленных на патриотическое воспитание подрастающего поколения. Поэтому возникает объективная необходимость совершенствования деятельности по патриотическому воспитанию в государственных общеобразовательных организациях, которые обладают потенциальной возможностью целенаправленного создания наиболее благоприятных условий для формирования у обучающихся традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Формирование патриотизма у детей и подростков, являясь актуальной проблемой теории и практики отечественной педагогики, рассматривается с позиций разных подходов, определяющих теоретико-методологические основы процесса патриотического воспитания, таких как системно-деятельностный, аксиологический, экзистенциальный, которые будучи методологической основой процесса патриотического воспитания, позволяют решить ряд существенных задач. Среди актуальных задач, рассматриваемых в отечественной педагогике, выделяются следующие:

– целостное и непрерывное выстраивание деятельности обучающихся с целью формирования устано-

вок ценностного характера, активной патриотической позиции, желания и готовности к сознательному, добровольному служению Родине (Г. В. Асмолов, Л. С. Выготский, А. Н. Выршиков, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.);

– осмысление ценности патриотизма и служения Отечеству через рефлексивно-аналитическую деятельность (А. А. Аронов, В. Г. Афанасьева, Е. В. Бондаревская, А. В. Кирьякова, В. А. Сластенин, А. И. Шемшурина и др.);

– сопровождение саморазвития личности, максимально использующей свой потенциал, субъектность, свободу выбора и реализующей социально-значимую деятельность (К. А. Абульханова-Славская, Л. В. Байбородова, О. С. Газман, О. С. Гребенюк, В. Н. Дружинин, М. И. Рожков и др.).

Положения выделенных подходов дали возможность объективизировать внутренние процессы формирования патриотизма как социально-нравственного качества и рассмотреть условия перевода внешних объективных условий деятельности во внутренние субъективные условия личностного развития. Объективизация процесса патриотического воспитания предполагает выделение объективных и субъективных аспектов деятельности, поэтому вместе с данной трактовкой целесообразно рассмотреть особенности взаимодействия

воспитанника и воспитательной среды с целью формирования патриотизма в контексте рефлексивно-средового подхода (А. В. Волохов, Т. Н. Гущина, Т. В. Машарова, и др.).

Целью статьи является анализ возможности объективизации процесса патриотического воспитания с позиции рефлексивно-средового подхода.

Методологическая и теоретическая основа исследования

Методологическую основу исследования составили: основные положения рефлексивно-средового подхода, теоретико-методические основы патриотического воспитания и формирования субъектности.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный, логический анализ психолого-педагогической литературы; классификация, аналогия и системный анализ.

С позиции рефлексивно-средового подхода взаимодействие педагога и обучающегося в воспитательной среде общеобразовательной организации предполагает рефлексивное преломление данного взаимодействия в развитии самим обучающимся его субъектных качеств [Гущина, 2020]. Развитие субъектных качеств обучающихся в процессе патриотического воспитания в педагогической науке практически не представлено, и связано, на наш взгляд, с возрастной детерминацией формирования компонентов патриотизма как социально-нравственного качества. Главным условием развития субъектности в контексте междисциплинарного дискурса о патри-

тизме является нормативно ценностный аспект [Печерская, 2019] и ответственность, которая определяет способность субъекта отвечать за деятельность в рамках реализации гражданской и патриотической позиции [Беспалова, 2018].

Поскольку современная педагогическая наука пришла к пониманию воспитания как межличностного взаимодействия и сотрудничества педагога и обучающегося в сфере их совместной деятельности, активизация личности воспитанника является основной задачей практики учебно-воспитательного процесса общеобразовательной организации. С позиций современной педагогической науки воспитание представляется как «педагогическое сопровождение развития человека, реализующего субъектную позицию, основанную на гуманистических, нравственных ценностях» [Байбородова, 2020, с. 7]. Несмотря на ориентированность воспитательного процесса на субъектное взаимодействие, в процессе патриотического воспитания ведущей становится субъектная позиция педагога, ребенок же рассматривается как объект воздействия.

О сильной субъектной позиции педагога в процессе патриотического воспитания пишет В. Е. Мусина, называя объектом патриотического воспитания ребенка, который в условиях образовательной организации является «воспитанником», личностью, находящейся в стадии активного формирования, но в силу возрастных особенностей, не обладающей развитым самосознанием, не

имеющей обозначенной жизненной позиции и открытой к воспитательному воздействию. В данном случае патриотическое воспитание, по мнению В. Е. Мусиной, «предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который сопротивляется воздействию на него человека и должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в продукт деятельности» [Мусина, 2015, с. 39].

Данная позиция показывает всю сложность процесса патриотического воспитания обучающихся и связана она преимущественно с тем, что субъектная позиция педагога определяется субъектностью гражданина и патриота своей страны, имеющего права и обязанности по отношению к обществу, государству, что выражается в системе ценностно-смысловых, юридических, социокультурных отношений, тогда как у обучающегося, воспитанника, в силу возраста и социального положения еще не сформирована система ценностных отношений с людьми, обществом и государством, которая определяла бы структуру мотивов направленности личности, ее ведущую деятельность, взаимоотношение с внешним миром, что и определяется как субъектность [Моров, 2017].

Патриотическое воспитание как процесс формирования социально-нравственных качеств в контексте современной педагогической науки должно опираться на субъектность обучающегося. Для эффективного

педагогического сопровождения процесса патриотического воспитания в рамках рефлексивно-средового подхода требуется внимание не только к внешним условиям взаимодействия, но и внутренним личностным структурам, «обращенность воспитания к процессам социализации и индивидуализации, в их единстве и взаимообусловленности» [Шустова, 2017, с. 203].

Субъектность индивида может проявляться в различных сферах жизнедеятельности по-разному и выражаться в них неодинаково. Ребенок может выступать, полноценным субъектом в общении со сверстниками, но при этом не принимать ответственность за свою учебную деятельность, как и не проявлять активности в процессе патриотического воспитания [Вьюнова, 2008]. Результативность воспитательного процесса в целом и патриотического воспитания, в частности, связана с деятельностью обучающегося. Формирование личности происходит в ходе деятельности, и потому она может быть исследована объективно через личностное проявление в данной деятельности, которая должна нести определенный смысл и «должна быть произведена обучающимся как его собственная» [Гущина, 2022а, с. 101].

Развивать субъектность обучающихся в контексте патриотического воспитания целесообразно через ответственность и самостоятельность, через ощущение себя не пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств, а активным

субъектом собственной деятельности. Таким образом, основными характеристиками субъектности личности будут являться *активность, ответственность и рефлексивность, оценить уровень которых возможно с помощью субъективного контроля и по тому, где он локализован*. Люди различаются между собой, как и где они локализируют субъективный контроль над значительными для себя событиями. О. С. Лапкина выделяет два полярных типа – экстернальный и интернальный – подобной локализации. «В первом случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил – случая, других людей и т. д. Во втором случае человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности» [Лапкина, 2007, с. 141].

Создание условий, в которых обучающийся становится не объектом воздействий педагога, а активным участником развития и преобразования собственной личности через активное вовлечение в деятельность патриотической направленности, дает возможность объективизировать процесс патриотического воспитания. *Под объективизацией процесса патриотического воспитания* мы понимаем взаимосвязь действий педагога по организации совместной деятельности и преобразование личности обучающегося, направляющей свою активность на формирование патриотических знаний, взглядов, убеждений, чувств и мотивов пат-

риотической деятельности [Бабаян, 2021].

О подобной трактовке организации педагогического сопровождения развития личностных качеств обучающихся с опорой на рефлексивно-средовой подход пишет Т. Н. Гуцина, указывая на то, что в процессе педагогического взаимодействия воспитательная среда для обучающегося «должна носить развивающий характер, ориентироваться на развитие способностей и рефлексии личности» [Гуцина, 2022а, с. 101].

Рефлексивно-средовой подход, призванный выполнять интегрирующую и стимулирующую роли, позволяет актуализировать объективные и субъективные аспекты патриотического воспитания или объективизировать данный процесс.

Рассмотрим объективизацию процесса патриотического воспитания как педагогическое руководство отношением субъекта воспитательного воздействия со средой.

Контекстуальный и контент анализ категории «объективизация» позволил выявить особенности использования данной категории в контексте педагогических исследований. Употребление ключевых слов определения объективизации в небольшом диапазоне сумм говорит о многозначности анализируемой категории, но позволяет сформулировать определение «объективизация» в широком смысле как инструмента преобразования деятельности, явлений или результатов в субъектно-объектных отношениях для решения

конкретных педагогических задач [Vorobeva, 2023].

Именно взаимоотношение субъекта деятельности со средой как объективной реальностью является основой объективизации, феномена как процесса, в котором действуют в единстве его объективные и субъективные факторы [Gilbert, 2021].

В основе объективизации, с точки зрения педагогической науки, лежит сущностная характеристика объекта как части окружающей реальности, на которую направлено внимание и активность взаимосвязанного с ней субъекта. Фрагменты реальности для субъекта становятся объектом лишь в процессе познания и взаимодействия [Психология. Словарь, 1999]. Объект становится объективным лишь в том случае, когда он осознан и на него направлена активность субъекта, то есть объективность обусловлена взаимодействием, в основе которого содержатся объективные и субъективные аспекты. Следовательно, в случае объективизации нужно говорить о первичности объекта, свойства которого являются определяющими, до того момента, пока не сформируются определенные установки.

Установку можно определить как готовность действовать определенным образом, это психологическая предрасположенность к определенной деятельности в определенной ситуации. В настоящее время существуют попытки анализа патриотических установок, которые представляют собой не просто предрасположенность к действиям по защите или

реализации ценностей и интересов патриотической направленности, а предрасположенность, которая уже нашла подтверждение в определенных действиях субъекта [Ulrih, 2019]. Следовательно, специально организованная воспитательная среда должна учитывать возрастные и индивидуальные потребности обучающегося и способствовать активной, осознанной позиции субъекта, формирующей установку патриотической направленности.

С позиций рефлексивно-средового подхода взаимодействие педагогов и обучающихся должно быть направлено на проявление внутренних побуждений к творческой, продуктивной деятельности, к осознанию потенциалов собственной индивидуальности [Гущина, 2020]. Обеспечение рефлексии обучающихся по результатам своей деятельности влияет на дальнейшее развитие личности, личностно-смысловую направленность деятельности, обеспечивающую познание себя, развитие саморегуляции, самовоспитание, нравственное и жизненное самоопределение, формирование личностной позиции обучающегося. Данная возможность, с точки зрения Т. Н. Гущиной, дает основание в рамках рефлексивно-средового подхода использовать универсальную технологию педагогического сопровождения развития субъектности [Гущина, 2022б]. Данный исследователь на примере старшеклассников раскрывает технологию, которая ориентирует на практическую деятельность, обеспечивая развитие ак-

тивности, ответственности, формирования ценностных ориентаций на основе рефлексии [Гущина, 2022].

И. А. Мазурок рассматривает рефлекссию как «форму фиксации уровня нравственного развития личности, способ объективизации изменений в нравственном развитии» [Мазурок, 2006, с. 260]. Обеспечение рефлексии обучающихся становится обязательным условием формирования социально-нравственных качеств в контексте взаимодействия субъекта и среды, поскольку личностные преобразования в процессе взаимодействия со средой являются не зеркально-идеальным отражением реальности, а конструктивным отражением внешнего мира сквозь призму целей, желаний и предпочтений субъекта.

Таким образом, для эффективного процесса воспитания в целом и патриотического воспитания, в частности, необходимо учитывать субъектную позицию обучающихся, удовлетворять их возрастные, индивидуальные потребности. В процессе патриотического воспитания нужно учитывать диалектику объективных и субъективных аспектов деятельности, в результате взаимодействия которых достигается эмоциональное состояние, способствующее личностному преобразованию, формированию новых потребностей, влияющих на мотивы деятельности патриотической направленности.

Результаты исследования

Практико-ориентированную основу объективизации процесса патриотического воспитания в контек-

сте рефлексивно-средового подхода составляют следующие идеи: педагогического взаимодействия, направленного на развитие субъектности как активного и осознанного отношения обучающегося к своему развитию и формированию патриотических чувств, убеждений, мотивов деятельности; интеграции и стимулирования, что позволяет актуализировать объективные и субъективные аспекты патриотического воспитания или объективизировать данный процесс; активного взаимодействия субъекта и среды направленного на проявление внутренних побуждений к деятельности и осознанию потенциалов собственной индивидуальности.

Взаимоотношения субъекта и среды в процессе патриотического воспитания с позиций рефлексивно-средового подхода можно объективизировать через актуализацию объективных и субъективных аспектов взаимодействия, если организуется практическая деятельность, обеспечивается развитие активности, ответственности, рефлексивности и создаются условия для осознания ценностных ориентаций патриотического характера. Отсюда обоснованными являются условия, которые традиционно используются в практике патриотического воспитания и реализуются через социальную вовлеченность и эмоциональное сопереживание.

С позиций рефлексивно-средового подхода педагогическое сопровождение процесса патриотического воспитания должно способствовать развитию субъектных ка-

честв, социально-нравственных ценностных ориентиров, ответственности, самостоятельности, свободоспособности и характеризоваться непрерывностью, комплексным характером и помощью в сложных ситуациях.

С позиций рефлексивно-средового подхода объективизация патриотического воспитания может рассматриваться как взаимосвязь специально организованной совместной деятельности со стороны педагога и реакции на данную деятельность, которая вызовет рефлексивное преломление и направит активность обучающихся на формирование патриотических знаний, взглядов, убеждений, чувств, уважительного отношения к историческому прошлому Родины, стремление служить ее интересам, формирование потребности участия в социально-значимой деятельности.

Заключение

В связи с необходимостью совершенствования деятельности по патриотическому воспитанию в государственных общеобразовательных организациях, целесообразно обратиться к объективизации данного процесса с позиции рефлексивно-средового подхода. Рефлексивно-средовой подход, в основе которого лежит рефлексивное преломление

педагогического взаимодействия в образовательной среде, может раскрыть содержание объективизации процесса патриотического воспитания с помощью обращения к рефлексивной, экзистенциальной сферам и субъектному опыту личности обучающегося.

Поэтому мы рассматриваем объективизацию процесса патриотического воспитания на позициях рефлексивно-средового подхода, который позволяет изучить объективизацию процесса формирования социально-нравственного качества, такого как патриотизм, с учетом взаимосвязи объективных и субъективных аспектов взаимодействия, где в качестве объективного аспекта выступает воспитательная среда, а в качестве субъективного аспекта – актуализация рефлексивного фактора.

Педагогическое руководство процессом патриотического воспитания на основе объективизации и рефлексивно-средового подхода учитывает потенциальные возможности воспитательной среды как объективной реальности, принимая во внимание ее свойства, анализируя, каким образом она способствует патриотическому воспитанию обучающегося, что влияет на становление личности будущего патриота.

Библиографический список

1. Бабаян А. В. Объективизация патриотического воспитания подростков через технологию приобщения к традициям / А. В. Бабаян, О. С. Воробьева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 15, № 3. С. 18-22.
2. Байбородова Л. В. Воспитательная деятельность : учебник / Л. В. Байбородова, М. И. Рожков. Москва : КНОРУС, 2022. 402 с.

3. Байбородова Л. В. Ценностно-смысловые основы: воспитательной деятельности : учебник для студентов бакалавриата направлений «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование» / Л. В. Байбородова, М. И. Рожков. Ярославль : РИО ЯГПУ. 2020. 367 с.
4. Беспалова Т. М. Патриотизм и ответственность как детерминанты становления гражданской идентичности личности // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т. В. Кирилловой. Рязань: Академия ФСИН России, 2018. С. 328-336.
5. Вьюнова Н. И. Типология субъектности младших школьников и младших подростков / Н. И. Вьюнова, О. С. Лапкина // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 4. С. 266-273.
6. Гущина Т. Н. Модусы социальной мобильности: теоретический анализ феномена // Социально-политические исследования. 2022а. № 3 (16). С. 94-108.
7. Гущина Т. Н. Педагогическое сопровождение становления субъектности старшеклассника / Т. Н. Гущина, О. Г. Селиванова // Социально-политические исследования. 2022б. № 1 (14). С. 123-140.
8. Гущина Т. Н. Социально-педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности обучающегося: технологический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 8-16.
9. Котелевцев Н. Я. Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). Т. 1. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/149> (дата обращения: 01.12.2023)
10. Лапкина О. С. Субъективный контроль в развитии субъектности младших школьников и младших подростков // Мир психологии. 2007. № 3 (51). С. 140-145.
11. Мазурок И. А. Организация рефлексивной деятельности как условие нравственного воспитания учащихся // Весник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2006. № 2-3 (24). С. 260–264.
12. Морозов А. В. Роль технологий личностного роста в системе патриотического воспитания учащихся / А. В. Морозов, А. А. Вахрушев // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Том 5. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN317.pdf>. (Дата обращения: 01.12.2023).
13. Мусина Е. В. Учитель как субъект патриотического воспитания школьников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 38-41.
14. Печерская Н. М. Понятие патриотизма в аспекте междисциплинарного курса // Вестник Московского университета. 2019. №2. С. 14–26.
15. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Политиздат, 1990. 494 с.
16. Рожков М. И. Теория и методика воспитания : учебник и практикум для академического бакалавриата / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2018. 330 с.
17. Шустова И. Ю. Ориентация педагога как воспитателя на субъектную позицию воспитанника в контексте изменений современного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т 6, № 2 (19). С. 203–206.

18. Gilbert J. Building cognition, objectification as linchpin project: Cognitive archaeology. Preprint. Retrieved february 12, 2021. URL: <https://www.researchgate.net/publication/340182611>. (Дата обращения: 01.12.2023).
19. Ulrih I.V. Theoretical and methodological background for sociological analysis of patriotic attitudes // Contemporary problems of social work. 2019. Т. 5, № 4 (20). С. 125-131.
20. Vorobeva O. The content of the concept of «Objectification» and its use in the context of pedagogical research / Olga S. Vorobeva, Angela V. Babayan, and Zoya S. Varfolomeeva // Reimagining socioeconomic development of Russia: New directions, theory, and practice. 2023. URL: <https://www.infoagepub.com/products/Reimagining-Socioeconomic-Development-of-Russia>. (Дата обращения: 01.12.2023).

Reference list

1. Babajan A. V. Ob#ektivizacija patrioticheskogo vospitanija podrostkov cherez tehnologiju priobshhenija k tradicijam = Objectification of patriotic education of adolescents through the technology of familiarization with traditions / A. V. Babajan, O. S. Vorob'eva // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2021. Т. 15, № 3. С. 18-22.
2. Bajborodova L. V. Vospitatel'naja dejatel'nost' = Educational activity: uchebnik / L. V. Bajborodova, M. I. Rozhkov. Moskva : KNORUS, 2022. 402 s.
3. Bajborodova L. V. Cennostno-smyslovye osnovy: vospitatel'noj dejatel'nosti : uchebnik dlja studentov bakalavriata napravlenij «Pedagogicheskoe obrazovanie» i «Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie» = Value and meaning foundations: educational activity: a textbook for undergraduate students in the areas of “Pedagogical Education” and “Psychological and Pedagogical Education” / L. V. Bajborodova, M. I. Rozhkov. Jaroslavl' : RIO JaGPU. 2020. 367 s.
4. Bepalova T. M. Patriotizm i otvetstvennost' kak determinanty stanovlenija grazhdanskoj identichnosti lichnosti = Patriotism and responsibility as determinants of the formation of the civic identity of the individual // Nauchnoe obespechenie psihologo-pedagogicheskoi i social'noj raboty v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Rjazan' : Akademija FSIN Rossii, 2018. S. 328-336.
5. V'junova N. I. Tipologija sub#ektnosti mladshih shkol'nikov i mladshih podrostkov = Typology of subjectivity of younger school students and younger adolescents / N. I. V'junova, O. S. Lapkova // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 266-273.
6. Gushhina T. N. Modusy social'noj mobil'nosti: teoreticheskij analiz fenomena = Modes of social mobility: theoretical analysis of the phenomenon // Social'no-politicheskie issledovanija. 2022a. № 3 (16). S. 94-108.
7. Gushhina T. N. Pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovlenija sub#ektnosti starsheklassnika = Pedagogical support for the formation of a high school student's subjectivity / T. N. Gushhina, O. G. Selivanova // Social'no-politicheskie issledovanija. 2022b. № 1 (14). S. 123-140.
8. Gushhina T. N. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie formirovanija social'noj kompetentnosti obuchajushhegosja: tehnologicheskij aspekt = Social and pedagogical support for the formation of social competence of the student: technological aspect // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 5 (116). S. 8-16.
9. Kotelevcev N. Ja. Opredelenie sub#ekta i sub#ektnosti v otechestvennoj psihologicheskoi nauke = Definition of subject and subjectivity in domestic psychological science // Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.

2019. № 3 (51). Т. 1. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/149>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

10. Lapkova O. S. Sub#ektivnyj kontrol' v razvitii sub#ektnosti mladshih shkol'nikov i mladshih podrostkov = Subjective control in the development of subjectivity of younger schoolchildren and younger adolescents // *Mir psihologii*. 2007. № 3 (51). S. 140-145.

11. Mazurok I. A. Organizacija reflektivnoj dejatel'nosti kak uslovie npravstvennogo vospitanija uchashhihsja = Organization of reflective activities as a condition of students' moral education // *Vesnik Magiljoŷskaga dzjarzhaŷnaga ŷniversitjeta imja A. A. Kuljashova*. 2006. № 2-3 (24). S. 260–264.

12. Morov A. V. Rol' tehnologij lichnostnogo rosta v sisteme patrioticheskogo vospitanija uchashhihsja = The role of personal growth technologies in the system of patriotic education of students / A. V. Morov, A. A. Vahrushev // *Internet-zhurnal «Mir nauki»*. 2017. Tom 5. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN317.pdf>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

13. Musina E. V. Uchitel' kak sub#ekt patrioticheskogo vospitanija shkol'nikov = Teacher as subject of patriotic education of schoolchildren // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2015. № 4. S. 38-41.

14. Pecherskaja N. M. Ponjatje patriotizma v aspekte mezhdisciplinarnogo diskursa = The concept of patriotism in the aspect of interdisciplinary discourse // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2019. №2. S. 14–26.

15. *Psihologija. Slovar' = Psychology. Dictionary / pod obshh. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo*. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Politizdat, 1990. 494 s.

16. Rozhkov M. I. Teorija i metodika vospitanija : uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata = Parenting theory and methodology: textbook and workshop for academic undergraduate studies / M. I. Rozhkov, L. V. Bajborodova. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Jurajt, 2018. 330 s.

17. Shustova I. Ju. Orientacija pedagoga kak vospitatelja na sub#ektnuju poziciju vospitannika v kontekste izmenenij sovremennogo obrazovanija = Orientation of the teacher as a teacher to the subject position of the pupil in the context of changes in modern education // *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*. 2017. T 6, № 2 (19). S. 203–206.

18. Gilbert J. Building cognition, objectification as linchpin project: Cognitive archaeology. Preprint. Retrieved february 12, 2021. URL: <https://www.researchgate.net/publication/340182611>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

19. Ulrih I. V. Theoretical and methodological background for sociological analysis of patriotic attitudes // *Contemporary problems of social work*. 2019. T. 5, № 4 (20). S. 125-131.

20. Vorobeva O. The content of the concept of «Objectification» and its use in the context of pedagogical research / Olga S. Vorobeva, Angela V. Babayan, and Zoya S. Varfolomeeva // *Reimagining socioeconomic development of Russia: New directions, theory, and practice*. 2023. URL: <https://www.infoagepub.com/products/Reimagining-Socioeconomic-Development-of-Russia>. (Data obrashhenija: 01.12.2023).

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 21.12.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-153
EDN: GFOLWZ

Модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза

Татьяна Владимировна Романова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
romashechca77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-0789>

Аннотация. Одним из важных аспектов работы современного педагогического вуза является формирование антитеррористического сознания молодежи. В настоящее время террористические угрозы имеют высокую актуальность, поэтому задача обучения студентов противостоять этим угрозам становится все более важной. Решение данной проблемы с позиции педагогики возможно путем выявления социально-педагогических условий эффективности формирования антитеррористического сознания молодежи, раскрытия модели данного процесса, что и является предметом настоящего исследования. В статье раскрывается сущность понятия антитеррористическое сознание, дана его структура. Представлена модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза, включающая ряд взаимосвязанных структурных компонентов: целевой компонент, содержательный и экспертно-оценочный. Целевой компонент включает социальный заказ общества, исходя из современных реалий, цель, задачи и социально-педагогические условия. Содержательный компонент определяет содержание деятельности, куда входят содержание, формы, методы и средства формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза. Экспертно-оценочный компонент включает параметры, позволяющие определить уровень сформированности антитеррористического сознания студентов. На основе анализа научно-методической литературы подобраны методы педагогического эксперимента, разработан и апробирован спецкурс «Формирование антитеррористического сознания студентов педагогического вуза». Опытным-экспериментальным путем доказана его эффективность на примере деятельности психолого-педагогического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Сделан вывод о необходимости активного вовлечения студентов в решение реальных проблем и ситуаций, связанных с терроризмом, что позволит им применить полученные знания на практике и развить свои лидерские качества. Статья может быть интересна педагогам, кураторам и наставникам студенческих групп, организаторам воспитательной работы со студентами.

© Романова Т. В., 2024

Ключевые слова: модель; антитеррористическое сознание; формирование; студенческая среда; педагогический вуз; молодежь; деструктивная идеология; образовательная среда

Для цитирования: Романова Т. В. Модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 153-166. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-153>. <https://elibrary.ru/GFOLWZ>.

Original article

Model of the formation of anti-terrorist consciousness of students of a pedagogical university

Tatiana V. Romanova

Candidate of pedagogical sciences, associate professor at department of professional psychology, social pedagogy and primary education, Chuvash state pedagogical university named after I.Ya. Yakovlev, Cheboksary
romashechca77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-0789>

Abstract. One of the important aspects in work of a modern pedagogical university is formation of the anti-terrorist consciousness of young people. Currently, terrorist threats are of high relevance, so the task of teaching students to confront these threats is becoming increasingly important. Solving this problem from the position of pedagogy is possible by identifying socio-pedagogical conditions for effective formation of the anti-terrorist consciousness of young people, revealing the model of this process, which is the subject of this study. The article reveals the essence of the concept of anti-terrorist consciousness, and its structure is given. A model of the formation of anti-terrorist consciousness of students in a pedagogical university is presented, which includes a number of interconnected structural components: a target component, a meaningful and expert assessment. The target component includes the social order of society, based on modern realities, the goal, tasks and socio-pedagogical conditions. The content component determines the content of the activity, which includes the content, forms, methods and means for forming anti-terrorist consciousness among students in a pedagogical university. The expert assessment component includes parameters that make it possible to determine the level of formation of students' anti-terrorist consciousness. Based on the analysis of scientific and methodological literature, methods of pedagogical experiment were selected, the special course "Formation of anti-terrorist consciousness of students in a pedagogical university" was developed and tested. Experimentally, its effectiveness was proved on the example of activities at the psychological and pedagogical faculty, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. It was concluded that students should be actively involved in solving real problems and situations related to terrorism, which would allow them to apply the knowledge gained in practice and develop their leadership qualities. The article may be of interest to teachers, curators and mentors of student groups, organizers of educational work with students.

Keywords: model; anti-terrorist consciousness; formation; student environment; pedagogical university; youth; destructive ideology; educational environment

For citation: Romanova T. V. Model of the formation of anti-terrorist consciousness of students of a pedagogical university. *Social and political researches*. 2024;1(22): 153-166. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-153>. <https://elibrary.ru/GFOLWZ>.

Введение

В современном обществе все больше возрастает роль антитеррористического мировоззрения граждан, формирование у населения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде, согласно Комплексному плану противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. [Комплексный план 2023]. Огромная роль в профилактике деструктивных отклонений отводится образовательным учреждением. Образовательные и воспитательные институты могут помочь молодым людям понять причины и последствия терроризма, развить критическое мышление, эмпатию и способность к межкультурному диалогу.

Не случайно в «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» подчеркивается важность обеспечения устойчивого развития молодежи и ее активного участия в политической жизни страны, привитие ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества, создание необходимых условий для обучения молодежи навыкам анализа информации, критическому мышлению и развитию способности различать манипулятивные приемы и экс-

тремистские идеологии [Стратегия, 2023; Гражданская идентичность, 2022]. Учитывая то, что большую часть времени подростки и молодежь проводят в общеобразовательных организациях, необходимо особое внимание уделять подготовке будущих педагогов к работе по профилактике распространения деструктивной идеологии в образовательных организациях. Важно разрабатывать и внедрять в образовательный процесс эффективные программы по профилактике и противодействию экстремизму, которые учитывали бы современные вызовы.

Обзор литературы

За последние годы в научной литературе накопилось немало исследований по рассматриваемой проблеме. Проблему экстремизма с педагогической точки зрения рассматривали Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, И. С. Кон, Л. И. Божович и мн. др. В формировании правовой личности А. П. Макарова, Г. М. Бирженюк выделяли социокультурный компонент. А. В. Кузьмин в своем исследовании описал социокультурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде [Кузьмин, 2015]. Проблему проявления деструкций, описание форм ее предотвращения среди молодежи средствами социокультурного менеджмента раскрыты в работах А. Д. Жаркова, Л. С. Жарковой, Г. Н. Новоковой, Г. В. Олениной, В. М. Чижикова и др.

Формирование антитеррористического сознания молодежи в современных социально-психологических исследованиях рассматривают через изучение социальных установок, так этноконфессиональные и межэтнические установки выделяют И. В. Абакова, А. В. Гришина, Н. М. Лебедева, Р. Р. Накохова, Г. У. Солдатова. Ценностные установки как элемент антитеррористического мышления описывают И. В. Абакумова, С. И. Грачев, П. Н. Ермаков, Л. Ц. Кагермазова, А. С. Сергеев, М. С. Яницкий. Установки толерантного сознания и поведения – И. В. Абакумова, Л. Ц. Кагермазова, С. Н. Ениколопов, П. Н. Ермаков, Н. М. Лебедева, Т. П. Скрипкина, В. С. Собкин, Е. И. Шлягина [Шмелькова, 2018].

Особенности подготовки обучающихся с учетом компетентного подхода, рассмотрены в работах В. И. Байденко, Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, А. В. Хуторского, А. Шелтена и др.

Вопросы в области правового воспитания граждан освещены в работах П. В. Агапова, Ю. М. Антоняна, И. И. Бикеева, В. А. Бурковской, С. А. Воронцова, А. И. Долговой, П. А. Кабанова, Н. Ф. Кузнецовой, А. Ф. Миникаевой и др.

Особенности подготовки будущих педагогов по предотвращению различных форм экстремистских проявлений рассматривались в трудах Л. Ф. Гайсиной [Гайсина, 2004]; А. С. Доколина и Л. И. Саввы [Доколина, 2016]; Н. И. Медве-

довой [Медведева, 2016]. Становление гражданской компетентности студенческой молодежи описывают Н. Е. Мажор и В. Г. Журова [Мажор, 2013]. Готовность студентов к чрезвычайным ситуациям террористического характера раскрыта в трудах А. В. Сухарева [Сухарев, 2008]; вопросы формирования готовности старшеклассников к действиям в чрезвычайных ситуациях террористического характера представлены в работе Е. М. Раковой и Р. Т. Хасанова [Ракова, 2020].

Наиболее значимыми для нашего исследования стали труды, посвященные вопросам формирования гражданской активности у подрастающего поколения. Понятие гражданской активности, как способность личности решать значимые общественные проблемы раскрывает Р. В. Парма [Парма, 2022]. Гражданственность в психолого-педагогическом контексте рассматривается как «готовность ответственно реализовывать права и обязанности гражданина страны в процессе социального и профессионального взаимодействия» [Горб, 2019, с. 18]. О. Н. Филатова, Н. В. Фролова, Е. Л. Ермолаева раскрывают формы внеаудиторной деятельности в процессе формирования гражданской активности обучающихся [Филатова, 2021]. Технологии, формы развития гражданской активности студентов в условиях образовательного пространства вуза описываются в трудах Н. В. Лебедевой, Н. С. Максимова [Лебедева, 2023].

Модель развития гражданской активности студентов в профессиональной образовательной организации рассмотрена в трудах А. Ю. Петровой, В. И. Ериковой, Ю. Н. Петровой [Петрова, Ерикова, Петрова, 2021].

Таким образом, проанализировав работы группы авторов, занимающихся проблемой профилактики экстремизма в подростковой и молодежной среде, можно сделать вывод, что проведено недостаточно специальных исследований, посвященных вопросам формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза. Представленные выше материалы определили *цель исследования* – раскрытие модели формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза.

Результаты исследования

Анализ научной и методической литературы выявил необходимость описания модели формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза, готовых в дальнейшем осуществлять работу в области профилактики распространения радикальной и иной деструктивной идеологии в молодежной среде.

Понятие «антитеррористическое сознание» исследователи трактуют по-разному. Так, Т. С. Шмелькова в своем исследовании «Социально-психологические условия формирования антитеррористических установок в молодежной среде» дает следующее понятие – «Антитеррористическое сознание – антитеррористические/ террористические уста-

новки молодежи, представляют сложное структурное образование, регулирующее социальное поведение молодежи, которое может быть раскрыто через анализ составляющих его структурных компонентов (когнитивный, эмоциональный, поведенческий). *Антитеррористическая установка* – психологическое состояние готовности (предрасположенности) личности к негативному восприятию той или иной ситуации проявления терроризма, оценку социальной значимости данного явления, проявление отношения неприятия террористической идеологии и выстраивание собственного антитеррористического поведения» [Шмелькова].

Формирование антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза представляет собой структурируемую деятельность, направленную на привитие необходимых знаний, умений и навыков в вопросах профилактики экстремизма и терроризма, а также на развитие навыков самозащиты и гражданской активности. Опираясь на исследование С. С. Моисеева, можно утверждать, что формирование *антитеррористического сознания студентов* – это комплексный и планомерный процесс, направленный на формирование у молодых людей системы мотивов, взглядов, оценочных суждений и убеждений, привитии навыков противостояния деструктивной идеологии и формирование умений не поддаваться на манипуляции извне [Моисеев, 2013].

В структуру модели формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза входит ряд взаимосвязанных компонентов, представленных на рисунке 1.

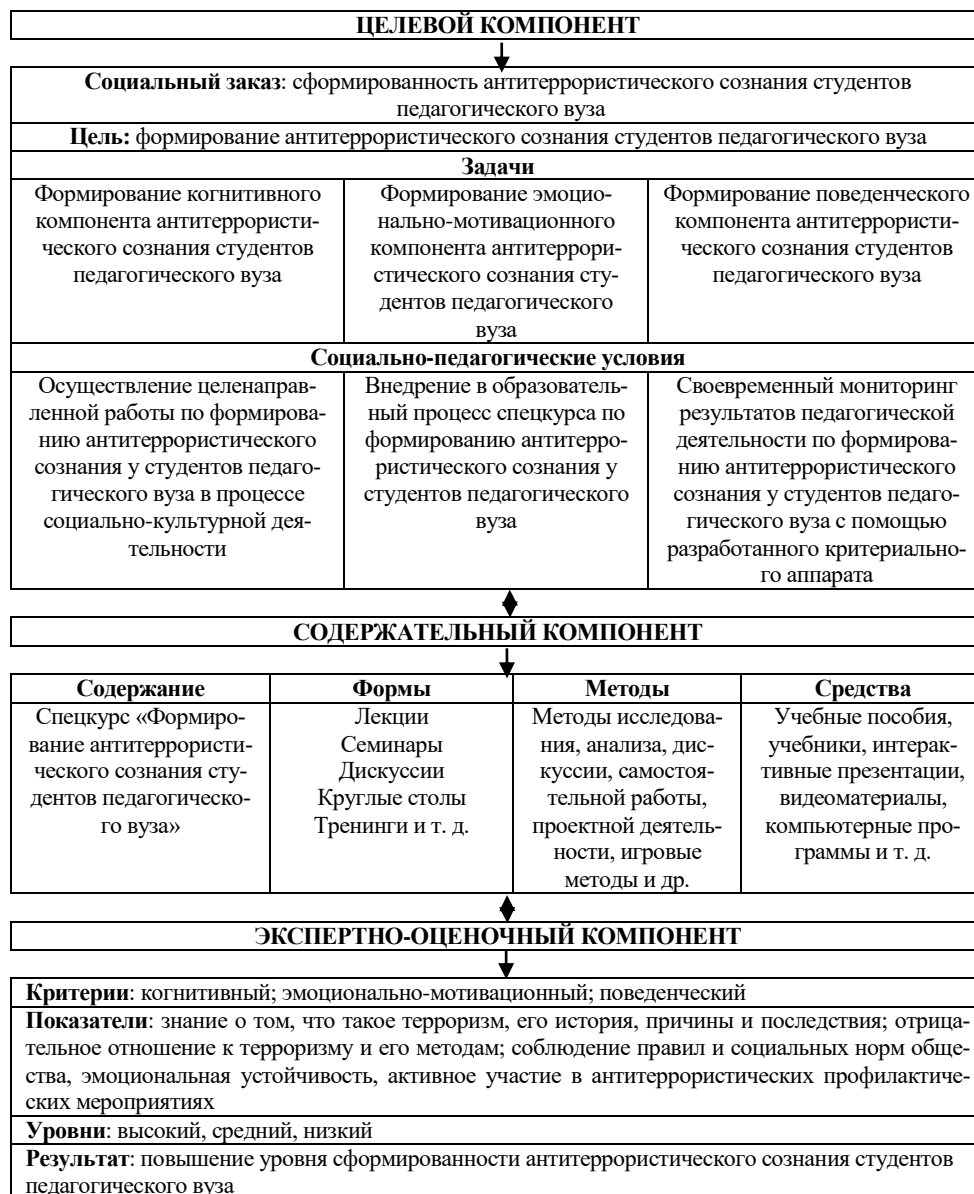

Рис. 1. Модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза

Первым структурным компонентом модели является целевой, определяющий социальный заказ общества на формирование антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза, он включает в себя цель, задачи и социально-педагогические условия эффективности деятельности в рамках изучаемого вопроса. Согласно внесенным изменениям в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования от 27.02.2023 г., приказ № 208, в образовательные программы вузов будет включена компетенция по противодействию экстремизму, терроризму и коррупционному поведению. Перед вузами встает задача повышения профессиональных компетенций будущих педагогов, в вопросах профилактики распространения радикальной и деструктивной идеологии в молодежной среде, что требует целенаправленной деятельности по формированию антитеррористического сознания студентов.

Второй структурный компонент – содержательный, определяет содержание, формы, методы и средства формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза.

Третий структурный компонент – экспертно-оценочный, раскрывает критерии, показатели и уровни сформированности антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза.

Целевой компонент модели включает в себя цель – формирование антитеррористического сознания

у студентов педагогического вуза. Для достижения поставленной цели нами были выделены следующие социально-педагогические условия:

1) осуществление целенаправленной работы по формированию антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза в процессе социально-культурной деятельности;

2) внедрение в образовательный процесс спецкурса по формированию антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза;

3) своевременный мониторинг результатов педагогической деятельности по формированию антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза с помощью разработанного критериального аппарата.

Содержательный компонент модели определяет содержание, формы, методы и средства формирования антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза.

Этот компонент включает в себя следующие элементы:

Содержание, где определены основные темы и вопросы, которые должны быть изучены студентами в рамках данного направления образования. Это может включать изучение истории терроризма, анализ его причин и последствий, изучение способов противодействия терроризму и пропаганды экстремистских идей.

Формы образовательной деятельности, это могут быть лекции, семинары, дискуссии, круглые сто-

лы, практические занятия и другие активности, способствующие осмыслению и обсуждению проблематики терроризма.

Методы образовательной деятельности, которые могут использоваться в процессе формирования антитеррористического сознания у студентов, такие как исследования, анализ, дискуссии, самостоятельная работа, проектная деятельность, игровые методы и др., которые позволяют активно вовлекать студентов в процесс обучения и формировать их аналитические, критические и антиэкстремистские навыки.

Средства образовательной деятельности, это могут быть учебные пособия, учебники, интерактивные презентации, видеоматериалы, компьютерные программы и др., которые помогают студентам лучше усвоить информацию и активизировать свою познавательную деятельность [Перфилов, 2019].

Таким образом, содержательный компонент модели определяет основные аспекты образовательного процесса, направленного на формирование антитеррористического сознания у студентов педагогического вуза. Он определяет, что и каким образом должно быть изучено и организовано, чтобы студенты развивали понимание и гражданскую ответственность в отношении проблем терроризма и экстремизма.

Экспертно-оценочный компонент, как нами ранее отмечалось, включает критериальный аппарат: критерии, показатели и уровни сформированности антитеррористи-

ческого сознания у студентов педагогического вуза.

Т. С. Шмелькова в своем исследовании отмечает, что «формирование антитеррористического сознания молодежи осуществляется с учетом его структуры (социальных установок) куда входят: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты» [Шмелькова]. Исходя из этого, можно утверждать, что от уровня развития данных социальных установок зависит уровень сформированности антитеррористического сознания личности. Гражданская позиция студенческой молодежи определяется как «интегральное образование мотивационной, эмоциональной, когнитивной, поведенческой, рефлексивной сфер личности студента, которое отражает уровень его знаний, понимания и принятия ценностей гражданского общества; проявляется в отношении человека к определенным сторонам и явлениям действительности; реализуется в самостоятельном и ответственном выборе способов участия в общественной жизни; является в студенческом возрасте важным фактором социализации личности» [Юсупов, 2022, с. 122]. На основании выделенных социальных установок можно утверждать, что критериями сформированности антитеррористического сознания молодежи являются когнитивный, эмоционально-мотивационный и поведенческий.

Когнитивный критерий позволяет оценить уровень знаний о терроризме, понимание причин и последствий терроризма. Человек, сформирова-

ровавший антитеррористическое сознание, обладает достаточными знаниями о факторах, побуждающих к террористической деятельности, и осознает возможные негативные последствия таких действий.

Эмоционально-мотивационный критерий сформированности антитеррористического сознания у студентов позволяет определить уровень индивидуальной готовности субъекта принимать активное участие в борьбе с терроризмом и его поддержкой. Данный критерий основан на осознании необходимости борьбы с терроризмом, знании методов его предотвращения и противодействия, а также на моральных и этических принципах, которые мотивируют человека действовать в интересах общественной безопасности и благополучия.

Поведенческий критерий определяется как набор характеристик и поведенческих проявлений, которые свидетельствуют о том, что человек обладает осознанным и ответственным отношением к проблеме терроризма и принимает активное участие в ее преодолении. Эти характеристики могут включать следующие компоненты:

1. *Ответственность и гражданская активность.* Человек, сформировавший антитеррористическое сознание, принимает на себя ответственность за действия в обществе и активно участвует в противодействии терроризму, например, предоставление информации о подозрительной активности или участие в общественных мероприя-

тиях по пропаганде антитеррористической культуры.

2. *Терпение и уважение к многообразию.* Сформированное антитеррористическое сознание предполагает терпимость к различиям между людьми, отказ от стереотипов и предрассудков, поскольку терроризм может иметь многочисленные истоки и мотивы.

3. *Готовность и способность к действию.* Человек с антитеррористическим сознанием не только осознает проблему, но и готов, и способен действовать в соответствии со своими возможностями и ролями. Он может принимать участие в обучении самозащите, поддерживать мирные и диалоговые инициативы и предлагать свои идеи по предотвращению террористических актов.

4. *Стремление к информированности и образованию.* Человек со сформированным антитеррористическим сознанием стремится постоянно обновлять свои знания о терроризме и принимать участие в образовательных программах или мероприятиях, которые способствуют формированию антитеррористической культуры.

Каждый из обозначенных критериев определяется совокупностью показателей, содержание, степень и качество проявления которых отражает уровень сформированности критерия, что определяет эффективность процесса формирования антитеррористического сознания студентов [Романова, 2021].

Разработанная нами модель была включена в рабочую программу, в

рамках которой был реализован спецкурс «Формирование антитеррористического сознания молодежи». В структуру курса были включены, исходя из выделенных нами ранее критериев сформированности антитеррористического сознания, следующие модули: 1) теоретические аспекты экстремистской, террористической и иной деструктивной идеологии; 2) психолого-педагогические основы формирования антитеррористического сознания молодежи; 3) использование интерактивных методов работы в процессе формирования антитеррористических ценностей студентов [Романова, 2023].

По завершению курса на экспертно-оценочном этапе нами был проведен мониторинг уровня сформированности антитеррористического сознания у студентов. Так, по результатам экспериментальной работы уровень знаний о методах предотвращения террористической деятельности значительно повысился. Студенты продемонстрировали более глубокое понимание признаков потенциальных террористических активностей и умение анализировать информацию о потенциальных угрозах. Опрос показал, что число студентов, которые осведомлены о наиболее распространенных угрозах терроризма и знают, какие меры безопасности обычно применяются для их предотвращения с 45 % повысился до 85 %, знают, что делать в случае подозрительной ситуации и как сообщить об этом правоохранительным органам – с 65 % повысился до 85 %; уровень знаний о правовой ответственности и о по-

следствиях из-за лайков и репостов того или иного материала в сети-интернет повысился с 60 % до 95 %; повысилось число студентов активно участвующих в реализации социально-значимых проектов по проблеме профилактически распространения радикальной и деструктивной идеологии в молодежной среде.

Придерживаясь мнения исследователей А. Ю. Петрова, В. И. Ерикова, Ю. Н. Петрова, нами в процесс формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза также был включен элемент проектирования в систему внеаудиторной деятельности на экспертно-оценочном этапе. Так, по инициативе студентов реализуется социальный проект «Социальная акция ПРОТЕГО», в рамках которой студенты, прошедшие спецкурс «Формирование антитеррористического сознания студентов педагогического вуза», проводят профилактические мероприятия в образовательных организациях Чувашской республики. Основной целью проводимых мероприятий стало закрепление навыков безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях и антитеррористической защищенности подрастающего поколения. В рамках реализации данного проекта в сентябре 2021 года прошла квест-игра «Нет терроризму!» с охватом 16 образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования Чувашской Республики. В 2022 году в рамках проекта были проведены выездные квест-игры в общеобразовательных организациях

республики с охватом более 500 учащихся школ Республики.

Заключение

Таким образом, исходя из модели формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза, можно сделать следующие выводы:

1. Антитеррористическое сознание играет важную роль в предотвращении и борьбе с терроризмом. Оно помогает студентам осознать опасности, связанные с террористическими актами, и принимать социально-ответственные решения в целях защиты общества.

2. Развитие антитеррористического сознания студентов педагогического вуза требует системного подхода. Это включает в себя проведение специальных курсов и тренингов, организацию дебатов, симуля-

ций и других практических мероприятий, которые помогут студентам понять механизмы действия террористов и разработать стратегии их противодействия.

3. Процесс формирования антитеррористического сознания должен включать активное участие студентов. Они должны быть вовлечены в решение реальных проблем и ситуаций, связанных с терроризмом, что позволит им применить полученные знания на практике и развить свои лидерские качества.

4. Результаты формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза должны быть измеримыми. Проведение анкетирования, тестирования и анализа обучающихся важны для оценки эффективности и корректировки программы обучения.

Библиографический список

1. Гайсина Л. Ф. Готовность студентов вуза к общению в мультикультурной среде и ее формирование : монография. Оренбург : Оренбургский гос. ун-т, 2004. 111 с.
2. Горб В. Г. Повышение уровня гражданственности как цель образовательного процесса в вузе // Педагогическое образование в России. 2019. № 7. С. 13-21.
3. Гражданская идентичность россиян: Современный политический концепт : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 179 с.
3. Доколин А. С. Формирование готовности студентов вуза к противодействию вовлечению в киберэкстремистскую деятельность / А. С. Доколин, Л. И. Савва // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 250.
4. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы утв. Президентом Рос. Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. 33 с.
5. Кузьмин А. В. Интегральная модель социально-культурной профилактики экстремизма в молодежной среде // Вестник МГКИ. 2012. № 1(45). С. 109-114.
6. Лебедева Н. В. Развитие гражданской активности студенческой молодежи в образовательном пространстве современного вуза / Н. Е. Лебедева, Н. С. Максимов // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. С. 124-128.
7. Мажор Н. Е. Гражданская компетентность студенческой молодежи: проблемы становления : монография / Н. Е. Мажор, В. Г. Журова. Смоленск : Смоленский гуманитар. ун-т, 2013. 141 с.

8. Медведева Н. И. Психологические факторы деструкции личности экстремиста и террориста // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-8. С. 202-208.

9. Моисеев С. С. Сущность и специфика формирования гражданско-правового сознания студенческой молодежи средствами социально-культурной деятельности // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 124-128.

10. Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31-47.

11. Перфилов В. П. Организация профилактической деятельности по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере: методические рекомендации / В. П. Перфилов, О. В. Иерусалимцева, А. П. Горюнов. Ярославль : ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2019. 67 с.

12. Петров А. Ю. Компетентностно-личностное развитие обучающихся в пространстве профессиональной образовательной организации / А. Ю. Петров, В. И. Ериков, Ю. Н. Петров. Нижний Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2021. 195 с.

13. Ракова Е. М. Формирование готовности старшеклассников к действиям в чрезвычайных ситуациях террористического характера / Е. М. Ракова, Р. Т. Хасанов // Развитие науки, национальной инновационной системы и технологий: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 13 мая 2020 г. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 144-147.

14. Романова Т. В. Формирование антитеррористического сознания студентов педагогического вуза // Педагогика и психология современного образования: теория и практика : материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» [20–21 апреля 2023 г.]. Ч. 1. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. С. 318-327.

15. Романова Т. В. Подготовка педагогов к работе по профилактике распространения в образовательных организациях деструктивной идеологии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 180-188.

16. Сухарев А. В. Формирование готовности студентов к действиям в чрезвычайных ситуациях террористического характера // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер: Педагогика. 2008. № 1. С. 116-120.

17. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» от 2 ноября 2022 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. (Дата обращения: 01.10.2023).

18. Филатова О. Н. Формирование гражданской активности обучающихся ценностными ориентациями во внеаудиторном пространстве профессиональной образовательной организации / О. Н. Филатова, Н. В. Фролова, Е. Л. Ермолаева // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 272-275.

19. Шмелькова Т. С. Социально-психологические особенности формирования антитеррористических установок в молодежной среде / Т. С. Шмелькова, Р. Р. Накохова. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN618>. (Дата обращения: 01.10.2023).

20. Юсупов В. З. Формирование гражданской позиции студентов вуза средствами спортивного волонтерства / В. З. Юсупова, Ф. Г. Мухаметзянова, А. Ш. Ярулиам // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 121-128.

Reference list

1. Gajsina L. F. Gotovnost' studentov vuza k obshheniju v mul'tikul'turnoj srede i ee formirovanie = Readiness of university students to communicate in multicultural environment and its formation : monografija. Orenburg : Orenburgskij gos. un-t, 2004. 111 s.
2. Gorb V. G. Povyshenie urovnja grazhdanstvennosti kak cel' obrazovatel'nogo processa v vuze = Improving the level of citizenship as a goal of the educational process in the university // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2019. № 7. S. 13-21.
3. Grazhdanskaja identichnost' rossijan: Sovremennyy politicheskij koncept = Civic identity of Russians: a modern political concept : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. O. A. Korjakovcevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 179 s.
3. Dokolin A. S. Formirovanie gotovnosti studentov vuza k protivodejstvuju vovlecheniju v kiberjeksremistskiju dejatel'nost' = Formation of university students' readiness to counter involvement in cyber extremist activities / A. S. Dokolin, L. I Savva // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2016. № 5. S. 250.
4. Kompleksnyj plan protivodejstvija ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2024-2028 gody utv. Prezidentom Ros. Federacii 30 dekabnja 2023 g. № Pr-2610 = A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 has been approved by President of the Russian Federation. December 30, 2023 No. Pr-2610. 33 s.
5. Kuz'min A. V. Integral'naja model' social'no-kul'turnoj profilaktiki jekstremizma v molodezhnoj srede = Integral model of socio-cultural prevention of extremism in the youth environment // Vestnik MGKI. 2012. № 1(45). S. 109-114.
6. Lebedeva N. V. Razvitie grazhdanskoj aktivnosti studencheskoj molodezhi v obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo vuza = The development of civic activity of student youth in the educational space of a modern university / N. E. Lebedeva, N. S. Maksimov // Pedagogicheskij zhurnal. 2023. T. 13. S. 124-128.
7. Mazhor N. E. Grazhdanskaja kompetentnost' studencheskoj molodezhi: problemy stanovlenija = Civic competence of student youth: challenges in becoming : monografija / N. E. Mazhor, V. G. Zhurova. Smolensk : Smolenskij gumanitar. un-t, 2013. 141 s.
8. Medvedeva N. I. Psihologicheskie faktory destrukcii lichnosti jekstremista i terrorista = Psychological factors of destruction of the identity of an extremist and terrorist // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2016. № 53-8. S. 202-208.
9. Moiseev S. S. Sushhnost' i specifika formirovanija grazhdansko-pravovogo soznanija studencheskoj molodezhi sredstvami social'no-kul'turnoj dejatel'nosti = The essence and specifics of the formation of civil law consciousness of student youth by means of social and cultural activity // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki. 2013. № 3. S. 124-128.
10. Parma R. V. Grazhdanskaja aktivnost' pokolenij v sovremenном rossijskom obshhestve = Civil activity of generations in modern Russian society // Vestnik Instituta sociologii. 2022. Tom 13. № 2. S. 31-47.
11. Perfilov V. P. Organizacija profilakticheskoj dejatel'nosti po protivodejstvuju ideologii terrorizma i jekstremizma v obrazovatel'noj sfere = Organization of preventive activity to counter the ideology of terrorism and extremism in the educational sphere : metodicheskie rekomendacii / V. P. Perfilov, O. V. Ierusalimceva, A. P. Gorjunov. Jaroslavl' : GAU DPO JaO IRO, 2019. 67 s.
12. Petrov A. Ju. Kompetentnostno-lichnostnoe razvitie obuchajushhihsja v prostranstve professional'noj obrazovatel'noj organizacii = Competence and personal development of students in the space of a professional educational organization / A. Ju. Petrov

trov, V. I. Erikov, Ju. N. Petrov. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskij institut razvitija obrazovanija, 2021.195 s.

13. Rakova E. M. Formirovanie gotovnosti starsheklassnikov k dejstvijam v chrezvyčajnyh situacijah terrorističeskogo haraktera = Formation of readiness of high school students to act in emergency situations of a terrorist nature / E. M. Rakova, R. T. Hasanov // Razvitie nauki, nacional'noj innovacionnoj sistemy i tehnologij: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 13 maja 2020 g. / pod obshh. red. E. P. Tkachevoj. Belgorod : OOO Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij (APNI), 2020. S. 144-147.

14. Romanova T. V. Formirovanie antiterrorističeskogo soznanija studentov pedagogičeskogo vuza = Formation of anti-terrorist consciousness of students in pedagogical university // Pedagogika i psihologija sovremenogo obrazovanija: teorija i praktika : materialy nauchno-praktičeskoj konferencii «Čtenija Ushinskogo» [20–21 aprelja 2023 g.]. Čh. 1. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2023. S. 318-327.

15. Romanova T. V. Podgotovka pedagogov k rabote po profilaktike rasprostraneniya v obrazovatel'nyh organizacijah destruktivnoj ideologii = Preparing teachers to work on preventing the spread of destructive ideology in educational organizations // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. 2021. № 3 (112). S. 180-188.

16. Suharev A. V. Formirovanie gotovnosti studentov k dejstvijam v chrezvyčajnyh situacijah terrorističeskogo haraktera = Formation of student readiness to act in emergency situations of terrorist nature // Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser: Pedagogika. 2008. № 1. S. 116-120.

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda» ot 2 nojabrja 2022 g. = Decree of the President of the Russian Federation “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025” dated November 2, 2022 URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. (Data obrashhenija: 01.10.2023).

18. Filatova O. N. Formirovanie grazhdanskoj aktivnosti obučajushhihsja cennostnymi orientacijami vo vneauditornom prostranstve professional'noj obrazovatel'noj organizacii = Formation of civic activity of students with value orientations in the out of class space of a professional educational organization / O. N. Filatova, N. V. Frolova, E. L. Ermolaeva // Problemy sovremenogo pedagogičeskogo obrazovanija. 2021. № 70-2. S. 272-275.

19. Shmel'kova T. S. Social'no-psihologičeskie osobennosti formirovanija antiterrorističeskikh ustanovok v molodezhnoj srede = Social and psychological features of the formation of anti-terrorist ideas in the youth environment / T. S. Shmel'kova, R. R. Nakohova. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN618>. (Data obrashhenija: 01.10.2023).

20. Jusupov V. Z. Formirovanie grazhdanskoj pozicii studentov vuza sredstvami sportivnogo volonterstva = Formation of the civil position of university students by means of sports volunteering / V. Z. Jusupova, F. G. Muhametžanova, A. Sh. Jarulinam // Kazanskij pedagogičeskij žurnal. 2022. № 1. S. 121-128.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 22.12.2023; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-167
EDN: ZJDQQL

**Понятие «педагогическое взаимодействие»
в российской и японской педагогической науке**

Лариса Николаевна Данилова¹✉, Наталия Сергеевна Шендеровская²

¹Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им.

К. Д. Ушинского, г. Ярославль

²Ассистент кафедры английского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

¹yar-da.l@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1272-401X>

²shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Аннотация. Педагогическое взаимодействие является основой и инструментом проведения всех педагогических процессов. Под педагогическим взаимодействием понимаются личностные контакты между участниками образовательного процесса, приводящие к взаимным изменениям в их отношениях, действиях, поведении, взглядах и т. д. Оно проявляется в области дидактики, воспитательной, социально-педагогической деятельности, поэтому оно универсально и не имеет национальных границ. Однако сам термин «педагогическое взаимодействие» есть в немногих странах, в связи с чем возникает вопрос о степени осмысления данного феномена в национальных педагогиках. Наиболее частыми терминами выступают «коммуникация», «общение», «отношения». На примере Японии можно видеть, что педагогическое взаимодействие изучалось в науке недостаточно и под большим влиянием западной педагогической мысли, прежде всего, немецкой. Целью статьи является сравнительный анализ понятия «педагогическое взаимодействие», используемого в педагогической литературе двух стран. В японской науке устоялось понятие «педагогические отношения» и «отношения между учителем и учеником», с 1990-х гг. к нему обращаются психологи, социологи и педагоги. В российской педагогике понятие педагогического взаимодействия использовалось с 1970-х гг. и долго заменялось синонимами, но с 1990-х гг. глубоко изучается в самых разных аспектах. Можно утверждать, что в Японии сложился феномен педагогического взаимодействия, характеризующийся, с одной стороны, недостаточным теоретическим осмыслением национальной педагогикой, а с другой – основанием на глубоко устоявшихся уникальных традициях и ритуалах контактов ученика с педагогами и другими учащимися.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие; педагогические отношения; японская педагогика; образование в Японии; сравнительная педагогика; педагогический процесс; педагог

© Данилова Л. Н., Шендеровская Н. С., 2024

Для цитирования: Данилова Л. Н., Шендеровская Н. С. Понятие «педагогическое взаимодействие» в российской и японской педагогической науке // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 167-182. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-167>. <https://elibrary.ru/ZJDQQL>.

Original article

The concept of “pedagogical interaction” in russian and japanese pedagogical science

Larisa N. Danilova¹✉, Natalia S. Shenderovska²

¹Doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor, department of theory and history of pedagogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Assistant at department of english, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

¹yar-da.l@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1272-401X>

²shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Abstract. Pedagogical interaction is the basis and tool for all pedagogical processes. Pedagogical interaction refers to personal contacts between participants in the educational process, leading to mutual changes in their relationship, actions, behavior, views, etc. It manifests itself in the field of didactics, educational, socio-pedagogical activities, therefore it is universal and has no national borders. However, the term “pedagogical interaction” is used in a few countries, in connection with which the question arises about the degree of understanding of this phenomenon in national pedagogical sciences. The most common terms are “communication”, “dialogue”, “relationship”. On the example of Japan, it can be seen that pedagogical interaction was not studied enough in science and under the great influence of Western pedagogical thought, primarily German. The purpose of the article is a comparative analysis of the concept of “pedagogical interaction” used in the pedagogical literature of the two countries. In Japanese science, the concept of “pedagogical relationship” and “relationship between a teacher and a student” has been established, and since the 1990-s psychologists, sociologists and teachers apply it. In Russian pedagogy, the concept of pedagogical interaction has been used since the 1970-s and for a long time it has been replaced by synonyms, but since the 1990-s it is deeply studied in various aspects. It can be argued that the phenomenon of pedagogical interaction has been developed in Japan, characterized, on the one hand, by insufficient theoretical understanding of national pedagogy, and on the other, by the basis of deeply established unique traditions and rituals of student contacts with teachers and other students.

Keywords: pedagogical interaction; pedagogical relations; Japanese pedagogy; education in Japan; comparative pedagogy; pedagogical process; teacher

For citation: Danilova L. N., Shenderovskaya N. S. The concept of “pedagogical interaction” in russian and japanese pedagogical science. *Social and political researches*. 2024;1(22): 167-182. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-167>. <https://elibrary.ru/ZJDQQL>.

Введение

Основой любых образовательных процессов и систем является педагогическое взаимодействие. Как категория оно кажется привычным и давно устоявшимся в педагогической лексике. Примечательно, что далеко не во всех странах такая категория присутствует в научном аппарате педагогики. К примеру, на Западе её аналогом являются понятия коммуникации, общения в образовательном дискурсе, что, несомненно, значительно обедняет и сужает сущность и границы понимания взаимодействия. Этот факт указывает, что педагогическое взаимодействие не является интернациональной педагогической категорией, как, скажем, «обучение», «развитие», «образовательная система» и прочие базовые понятия. Разные страны приходят к терминологии, отражающей общие явления по-разному. Явление педагогического взаимодействия по-разному понимается, например, в России и в Японии, поэтому, несмотря на объективность существования данного явления в любой образовательной практике, педагогические науки отдельных стран акцентируют отличающиеся аспекты явления.

Научный интерес представляет собой специфика его осмысления и понимания в конкретных государствах. Если Россией накоплена богатая база исследований педагогического взаимодействия, то японский опыт примечателен противоречием между сохранившимися древними

традициями построения связей между учителем, учеником/учениками, родителями и слабым теоретическим осмыслением этого опыта в педагогической науке. В Японии связи учителя с другими субъектами, связи учеников друг с другом с давних пор очень обусловлены традициями, ритуалами, национальной этикой, социальной структурой, но это влияние мало представлено в педагогических теориях, что определяет и специфику выбора соответствующей терминологии. Изучить становление тематики педагогического взаимодействия в России и Японии является целью представляемого исследования.

Методы исследования

Теоретические основы исследования составили теория педагогического взаимодействия, разрабатывавшаяся отечественными учёными с 1980-х гг., концепции педагогических отношений в западной и японской психолого-педагогической науке, а также психологические и культурологические концепции, объясняющие своеобразие японского менталитета. Для анализа изучения феномена педагогического взаимодействия отечественной и японской наукой были использованы научные статьи, монографии и материалы конференций по теме, прежде всего, на русском и японском языках. Основными методами исследования выступали теоретические: сравнительно-педагогический, ретроспективный, семантический анализ, конкретизации, обобщения и др. Для

выявления частотности употребления понятий в публикациях была использована программа статистического анализа печатных источников Ngram Viewer.

Результаты исследования

Согласно семантического анализа, словоформа «взаимодействие» составлена из слов «взаимный» и «действие». Прилагательное «взаимный» означает «общий для обеих сторон, обоюдный; обусловленный один другим, связанный один с другим» [Ожегов, 1983, с. 71], что указывает на семы «наличие двух сторон», «зависимость сторон», «связь», «влияние». Существительное «действие» в толковых словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова трактуется примерно одинаково, в значениях: 1) проявление энергии, деятельности; 2) влияние, воздействие; 3) поступки, поведение; 4) работа, функционирование; 5) события в повествовании; 6) математическая операция; 7) часть драматического произведения. Если исключить последние три значения как узкопредметные, то в остальных наблюдаются семы процессуальности, активности и потенциальной результативности [Ожегов, 1983; Ушаков, 2008]. Особо обращает на себя внимание второе значение («влияние, воздействие»), поскольку пересекается с аналогичной семой прилагательного «взаимный», что указывает на смысловую связь между двумя словами. Их соединение даёт существительное «взаимодействие», в основе которого, следовательно, и лежит,

прежде всего, влияние сторон друг на друга.

Примечательно, что в образовательном дискурсе взаимодействие отражает все семь перечисленных значений действия (в сочетании с семантикой взаимности): 1) оно представляет собой деятельность субъектов педагогических процессов; 2) их воздействие друг на друга; 3) проявляется в их поведении; 4) является основой функционирования всех педагогических процессов; 5) часто имеет событийный характер; 6) обеспечивает формирование любых учебных действий (включая математические операции) учителем и учеником; 7) отличается внутренней последовательностью (как в драматическом произведении). Всё это свидетельствует о сложной, многоаспектной сущности педагогического взаимодействия.

Ведущие толковые словари определяют взаимодействие очень лаконично: «взаимная связь» (С. И. Ожегов), «взаимная обусловленность» (Д. Н. Ушаков); философские словари конкретизируют: взаимодействие – это философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния [Философский энциклопедический..., 1983]. Это подтверждает сделанный выше вывод на основе совпадения значения корней слова. Об этом свидетельствует и сохранение термином выделенных в его корнях сем: «наличие двух сторон», «зависимость сторон», «связь», «влия-

ние», «процесс», «активность» и «потенциальный результат». При этом следует указать на разницу в этой широте семантики между понятиями «взаимодействие» и «коммуникация» («общение»), используемых в западной педагогике: во втором случае значение взаимности, взаимовлияния, зависимости отсутствует.

Отечественная педагогика до утверждения в ней категории педагогического взаимодействия также использовала понятия, связанные с общением.

Есть мнение, что в СССР «педагогическое взаимодействие как самостоятельное понятие входит в научный оборот уже с конца 1960-х гг., хотя часто заменяется уточняющими синонимами: взаимосвязь, сочетание и т. д.» [Коротаяева, 2007, с. 77]. Именно уточнение о синонимичных заменах не позволяет считать его самостоятельным педагогическим термином этого периода (понятие и термин отличаются принадлежностью последнего к некой профессиональной сфере и максимальной точностью дефиниции). Нами установлено, что понятие «педагогическое взаимодействие» использовалось в литературе с 1970-х гг. Даже в работе В. А. Сухомлинского «Павлышская средняя школа» (1969), одной из первых книг по педагогическому общению, упоминаются только взаимоотношения и общение учителя с учениками, но не взаимодействие. В 1960-х гг. были защищены несколько диссертаций по теме

взаимоотношений педагогов и учащихся, что создавало предпосылки выхода на проблему их взаимодействия.

Мы полагаем, что обращение педагогики к взаимодействию в эти годы было культурно обусловлено. Как известно, 1960-е гг. вошли в историю СССР как период «оттепели». В это время в массовом сознании утверждалась идея свободомыслия и осуждался тоталитаризм, абсолютная власть руководителя, слепое ему подчинение: граждане могли высказывать инициативы или неодобрение в этих рамках. Смена идеологии не могла не перейти на все сферы общественной деятельности. Менялся не просто стиль управления, но и культура общения в целом, возникло стремление к его неформальности и демократизации. С приходом Л. И. Брежнева власть взяла курс на консерватизм в управлении и подавление инакомыслия, в результате чего в начале 1970-х гг. духовная культура страны характеризовалась высокой степенью противоречивости: консерватизм тесно переплетался и противостоял демократизму. Это столкновение также проявлялось в духовной жизни – культуре, праве, искусстве, науке и образовании. Так, в 1970-х гг. уживались строгая субординация, субъект-объектные отношения, подчинение личности обществу, с одной стороны, и признание ценности детской личности, с другой. В 1972 г. В. А. Сухомлинский представил свою гуманистически ориентированную систему вос-

питания, что в дальнейшем послужило началом становления гуманистической педагогики в СССР.

Именно в 1970-х, по данным нашего библиографического анализа, начинается эпизодическое обращение к понятию взаимодействия в контексте сотрудничества школы в различных направлениях воспитания с семьёй, общественностью, производством, учреждениями внешкольного образования, пионерскими дружинами [Лийметс, 1979; Методика исследования ..., 1976; Психолого-педагогические ..., 1975 и др.]. Взаимодействие уже вошло в сферу изучения педагогической науки и рассматривалось, прежде всего, как механизм достижения цели коммунистического воспитания совместными усилиями школы и общества [Коротяева, 2007]. Также велось изучение взаимодействия в теории обучения на уровне принципов, методов, форм обучения. Более того, уже появлялись первые диссертационные исследования по данной теме, например, диссертация А. В. Фомина «Роль коммуникативных умений в процессе педагогического взаимодействия преподавателя со студентами» (1978), акцентировавшая взаимоотношений характер процесса преподавания.

Ещё больше трудов в это десятилетие посвящено смежной теме – педагогическому общению [Общение как ..., 1974]. Среди них, прежде всего, выделялась небольшая работа А. А. Леонтьева, обратившего внимание на коммуникативные навыки

учителя: специфику общения с учащимися на уроке и во внеурочное время он рассматривал как одну из важнейших педагогических закономерностей, подчеркивания с помощью этих навыков эффективность обучения и воспитания [Леонтьев, 1979]. Больше сходства с педвзаимодействием усматривается в понимании педагогического общения В. А. Кан-Каликом, изучавшим это общение как систему социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, направленного на обмен информацией, на оказание воспитательного воздействия и организацию взаимоотношений коммуникативными средствами, где педагогу отводились функции организации и управления общением [Кан-Калик, 1979]. Общение в таких исследованиях выступало как форма социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, направленного на воспитание.

Но пик интереса к теме педагогического взаимодействия наблюдался уже на рубеже 1980-1990-х гг. Это подтверждает и библиографический анализ, и статистика. Так, анализ употребления сочетания «педагогическое взаимодействие» в литературе программой Ngram Viewer Google показывает, что начало его активного использования в отечественной печати пришлось на 1987-1990 гг., после чего с конца 1990-х гг. оно только укреплялось в научном обороте. Действительно, педагогическое взаимодействие продолжало рассматриваться как сотрудничество

школы с другими субъектами воспитания ребёнка (резко выросло число диссертаций по этой теме). Однако в этот же период происходило расширение его трактовки и возможностей: было акцентировано педагогическое взаимодействие самих учащихся [Кузьмин, 1984; Сквирский, 1987; Хозе, 1985]. Во взаимодействии между педагогом и учащимися на первый план вышел аспект личностной взаимной связи [Байбородова, 1991; Коломинский, 1991; Радионова., 1989 и др.]. Параллельно с воспитательным направлением потенциала педагогического взаимодействия изучались и его дидактические возможности – особенности взаимодействия субъектов в ходе обучения, прежде всего, интерактивными методами. Формировалось осознание, что общение учителя и ученика/учеников является лишь формой педагогического, учебного взаимодействия.

Можно утверждать, что современное понимание педагогического взаимодействия возникло именно в конце 1980-х. Идеи о взаимодействии как основе обучения фиксировались в учебниках, обосновываясь ведущими дидактами страны (Ю. К. Бабанским, М. А. Даниловым, И. Я. Лернером, М. Н. Скаткиным и др.): идеи о взаимности в связках «обучение-воспитание-развитие», «теория-практика», «индивидуальное-групповое», в принципах активности и сознательности обучения, в связи самой педагогики с другими науками и т. д. Именно Ю. К. Бабан-

ским в 1988 г. в учебнике педагогики впервые было введено определение педагогического взаимодействия, где оно трактовалось как взаимная активность, «... сотрудничество педагогов и воспитуемых в процессе их общения в школе» [Педагогика, 1988, с. 29]. С этого времени можно говорить о переходе педагогического взаимодействия в разряд научно-педагогических категорий.

Большую роль в этой трансформации смыслов сыграли тенденция на гуманизацию образования, становление педагогики сотрудничества и многочисленные педагогические эксперименты школ. Таким образом, включение детской личности в понимание взаимодействия его как субъекта было также обусловлено фактором культуры. Культура 1960-х гг. с его послаблениями и поощрениями к высказыванию собственных идей подготовила почву для гуманизации школы и субъектно-субъектного подхода в педагогике. Идеи педагогических новаторов, накопленный ими частный опыт индивидуализации учебно-воспитательной деятельности на местах и объявление перестройки в СССР открыли окно возможностей для развития школы, в результате чего и появилась концепция педагогики сотрудничества. Политика М. С. Горбачёва стимулировала демократизацию, деидеологизацию педагогического процесса, образовательные реформы. Все эти социокультурные характеристики организации школы на рубеже 80-90-х гг. требовали усиления значимости ребёнка в его обра-

зовании, постановки его в роль субъекта своего образования, взаимодействия с ним, а не только для него, готовности учителя меняться самому под запрос ученика для совершенствования этого ученика. Это расширило границы педагогического взаимодействия: оно стало пониматься как неотъемлемая основа формирования свободной детской личности в неавторитарном государстве.

В 1990-х гг. на волне демократизации произошло утверждение субъектно-субъектной парадигмы в образовании, что и привело к замене категории «воздействие» на «взаимодействие», одностороннего влияния – на взаимную активность сторон. Сам термин стал входить в педагогические словари, учебники и пособия. Во многих источниках он носил обобщённый, размытый или философский характер, но важно, что теперь в отечественной науке существовал специальный термин, обозначающий контакты педагога и учащихся, направленные на развитие личности (поведения, деятельности, отношения и т. д.) обеих сторон.

С этого времени термин широко используется в российской педагогике, и сформировалось *два направления исследований педагогического взаимодействия. Первое* вслед за А. Н. Леонтьевым и М. С. Каганом, понимавшими деятельность как совокупность форм активности сторон педагогического общения, акцентирует внимание на деятельностном аспекте этого феномена – на общности деятельности сторон (Б. П. Бити-

нас, В. Д. Масный, С. Е. Хозе), на связанности ею субъектов (Х. И. Лейметс, М. И. Смирнов), на её специфичности (Н. И. Лицис, А. С. Самусевич). Ко второму направлению относятся авторы, которые выделяют именно личностный аспект взаимодействия (Ю. К. Бабанский, Я. Л. Коломинский, Н. Ф. Родионова и др.), фокусируясь на уникальности субъектов и зависимости результатов взаимодействия от особенностей сторон. Сущность педагогического взаимодействия стала трактоваться как воздействие друг на друга субъектов образования, приводящее к возникновению их взаимосвязи и индивидуальным изменениям. Важно, что педагогическое взаимодействие принципиально отличается от социального в силу двух причин: 1) педагогических целей и контекста взаимодействия; 2) полярности его сторон (между субъектами существует возрастной разрыв, статусный, компетентностный, мотивационный и т. д.).

При этом постепенно возникала теория педагогического взаимодействия (Б. Г. Ананьев, Л. В. Байбородова, В. А. Кан-Калик, В. А. Каракковский, Г. М. Коджаспирова, Я. Л. Коломинский, Е. В. Коротаева, В. П. Кузьмин, А. А. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, А. В. Мудрик, В. Н. Мясищев, М. И. Рожков и др.). Она изучает отношения субъектов образовательного процесса как инструмент управления формированием учащегося, раскрывая конкретные средства, условия, формы, принци-

пы, факторы, логику их взаимодействия.

Национальные исследователи педагогики приходят к использованию конкретных понятий собственным путём либо посредством их заимствования, либо в итоге развития педагогической науки под влиянием общественных процессов и трансформаций национального менталитета. Российская педагогика шла по второму пути, и категория «педагогическое взаимодействие» возникла на фоне переосмысления возможностей педагогического воздействия и переноса философского понимания взаимодействия в образовательное пространство. Примечательно, что это понятие не распространено в японской науке, а потому интересно, как отражается сущность педагогического взаимодействия в педагогике Японии, каким путём пошла она в понимании связей субъектов педагогического процесса.

Анализ педагогической литературы показывает, что это понимание определяется традициями японской культуры и достижениями западной педагогической мысли. Со времён американской оккупации Японии после Второй мировой войны национальная педагогика имеет отчётливый западно-ориентированный характер. На Западе педагогическое взаимодействие не изучено в соразмерной степени к российской педагогике, однако её аспекты привлекали внимание ряда выдающихся педагогов, прежде всего, немецких.

Истоки исследования педагогических отношений обнаруживаются в трудах В. Дильтея, И. Ф. Гербарта, анализировавших связи между педагогом и его учениками как условие и сущность образования. Они нашли продолжение в послевоенные годы. Так, Г. Ноль, опираясь на взгляды И. Г. Песталоцци и Гербарта, в своих лекциях по социальной педагогике, а затем и в статьях заложил основы теории педагогических отношений, призывая к установлению душевной связи с подростками как залога успеха дальнейшей воспитательной работы [Nohl, 1957]. Он утверждал, что воспитание строится на эмоциональном компоненте педагога (страсти) и не может вытекать из внешних целей и задач, а должно исходить из личности конкретного ребёнка, то есть педагогические отношения понимаются как защита интересов ребёнка. В то же время М. Бубер разработал концепцию воспитательных отношений, построенную на диалоге педагога, воспитанника и других заинтересованных сторон. В изучении рассматриваемой проблемы современные японские исследователи опираются на труды Я. Мияно, Й. Матсуура и др.

Так, в теории Г. Ноля подчеркивается взаимность (相互性) между «учителем и учеником», которая позволяет выстроить продуктивные связи в воспитании. Однако в Германии и само понятие, и теория считаются неоднозначными. Ноля упрекали в описании индивидуальных отношений двух людей, более

свойственных домашнему, а не школьному образованию (где невозможно любить каждого ученика) [Schulze, 1979]. При этом теория педагогических отношений (教育関係論) стала базовой в японской педагогике для отражения кон тактов учителя и учеников.

В 1970-х гг. японская педагогическая мысль, как и последователи Но ля [Kron, 1986], перешла к идее педагогического взаимодействия, которое выражает понятие 教育的相互作用論. Это происходило на волне глобального скептицизма в вопросах решения организации образования. Понятие глобального скептицизма довольно мало изучалось японскими авторами. По словам Я. Мияно, теория педагогического взаимодействия, строящаяся на равенстве сторон, может быть эффективной для отношений между преподавателем и студентом в высшем образовании, но не совсем применима к другим ступеням образования, поскольку устраняет субординацию [Мияно, 1996]. Здесь как раз проявляется культурологический фактор: сохранившаяся традиция социальных отношений не предполагает равенства сторон там, где позиция одной однозначно выше. Вероятно, по этой причине, как мы заметили, литература, в которой педагогическое взаимодействие отражено в заголовке, аннотации или ключевых словах, измеряется в единицах в сравнении с «педагогическими отношениями».

Одно из редких исследований по теме – это книга Мияно Ясухару

[Мияно, 1996], представляющая собой сравнительный анализ теории образовательных отношений и педагогического взаимодействия на основе немецкой философии образования. Автор признаёт, что, несмотря на попытки обращения к этому понятию, взаимодействие между педагогами и учениками в японской педагогике изучено мало, поэтому именно отношения отражают процессы между субъектами педагогического процесса. Анализируя сущность взаимных отношений, автор указывает, что для японцев они подразумевают: 1) личные отношения двух людей; 2) отношения, основанные на разнице в степени развития одной из сторон; 3) отношения, основанные на воле педагога, направленной на развитие ученика; 4) «страстные» отношения (熱情的関係) [Мияно, 1996]. Последний пункт явно указывает на влияние теории Г. Ноля.

В Японии также используются понятия «педагогическая коммуникация» (教育的コミュニケーション論) и «отношения учителя и ученика» (師弟関係). Первое – калька, возникшая благодаря переводу трудов западных авторов (например, П. Бурдьё), но второе – традиционное понятие, отражающее связи учителя и ученика, восходящее к китайскому конфуцианскому наследию. В 1970-х гг. «отношения учителя и ученика», «педагогические отношения» переживали своеобразную модернизацию: предпринимались попытки разрешения дихотомии

управляемости/неуправляемости отношений, непрерывности/прерывности, естественности/проектируемости; теория обновлялась положениями индивидуальности, социализации, рациональности, партнёрства. Тем самым идея педагогического взаимодействия вошла в теорию педагогических отношений.

Сегодня теория представлена трудами группы видных японских учёных. Например, Такахаси и Хиросе в книге «Текущее состояние теории образования: развитие человека, расшифрованное через отношения» [Такахаси, 2004], опираясь на положения философии, истории образования, гуманитарных исследований, анализируют проблемы межличностных отношений в образовании, кризисные явления и пути их преодоления.

В книге Масаки «Герменевтика педагогических отношений» [Масаки, 2019], которая является сборником педагогических и философских сочинений о взаимоотношениях учителей и учеников, подчёркивается архаичность отдельных методов воспитательных отношений (телесные наказания, авторитарный стиль и т. п.) и выдвигается опасение разрушения традиционной модели отношений между учителями и учениками в связи с либерализацией общества и компьютеризацией обучения.

Учида Тацуру в работе «Превосходный учитель» [Учида, 2005] оперирует понятием «отношения учителя и ученика». Она выдвигает инте-

ресную гипотезу, что качество обучения напрямую обусловлено взаимоотношениями, и условием продуктивного учебного процесса является «ошибка восприятия» и асимметрия отношений. «Ошибкой» Тацуру называет подсознательную веру ученика в некую исключительность своего учителя, когда последний является ординарным для остального класса, что сопоставимо с влюбленностью. Осознание уникальности тогда ведёт к собственной исключительности. Автор исходит из положения, что человек учится не столько для получения необходимых знаний и умений, а для определения своей исключительности. Восприятие уникальности и ценности педагога учеником позволяет установить личностную зависимость от учителя, стремление к взаимодействию с ним, эмоциональное отношение к нему, к предмету и содержанию деятельности, а следовательно, формирует мотивацию на высокий результат. Учитель таким образом обеспечивает неповторимость личности в её подсознании. Стремление к ощущению собственной уникальности через индивидуальную ценность учителя является психологическим основанием положительного отношения к школьной жизни для детей и уважения к педагогу – для общества.

При этом отношения сторон строятся на взаимоотношениях и взаимозависимости: учитель действует с позиций «если бы не ты, никто бы не понял мою ценность». Мы полагаем, что здесь вновь проявляется дей-

ствии культурологического фактора, подчёркивая специфичность японского понимания взаимодействия учителя и ученика. Дело в том, что исторически человек должен был добиваться права стать учеником мастера. Учитель понимал свою ценность через выбор человека и его просьбы об ученичестве. Обращение к мастеру означало признание мастера, и, соглашаясь, он принимал на себя ответственность и готовность к восхищению и уважению ученика [Учида, 2005].

Романтично-метафоричная форма подачи принципа исключительности во взаимодействии, типичная для японской философии, не мешает подтверждать гипотезу Учида. Если применить к ней теоретические основы российской педагогики, то очевидно, что феномен «счастливой ошибки восприятия» объясняется одной из педагогических закономерностей – единством чувственного, логического и практики в педагогическом процессе.

В другой своей работе Учида затрагивает проблему объективного обновления опыта взаимоотношений педагога и ученика на современном этапе. Автор рассматривает её только на основе процесса обучения и обуславливает принципом субъектности учащегося. В книге «Нисходящая ориентация. Дети, которые не учатся. Молодые люди, которые не работают» [Учида, 2009] доказывается, что человек может освоить только то, что хочет. Даже в отношениях, построенных на взаимной «ошибке»,

нет уверенности в результате, что является следствием индивидуальности учащегося, ограничивающей себя только интересами. По мнению автора, в современной Японии это приводит к тенденции бросать вызов авторитету учителя, нетипичному для традиционной модели взаимодействия и потому угрожающему её устойчивости.

В 2000-х гг. педагогические отношения всё чаще становятся предметом научного обсуждения, это связано с тем, что наблюдаются отдельные кризисные явления в сфере школьного образования. Признаётся, что традиционные японские модели взаимодействия «учитель-ученик», «родитель-ребенок», «взрослый-ребенок» или «ученик-ученик» заметно ослабли за последние 20-30 лет [Кайдзука, Ямада, 2008]. Следствием этой тенденции исследователи называют такие проблемы школы XXI в. как жестокое обращение с детьми, буллинг (идзимэ), социальная изоляция (хикikomори) и т. д. Свою долю в девальвацию исторически устоявшихся моделей внёс и резкий информационный прогресс [Мацуура, 2002]: распространение интернета отчасти лишило школы и педагога монополии на владение знанием и снизило исключительность последнего. Таким образом очевидно, что педагогические отношения в настоящее время претерпевают новый виток модернизации, причём не только в отношении теоретических оснований, но прежде всего, в практике взаимодействия

японских педагогов и учащихся в школе.

Заключение

Итак, лингвостатистический анализ показал, что понятие педагогического взаимодействия используется в отечественной педагогической науке с 1970-х гг., однако сам феномен педагогического взаимодействия существовал и до указанного периода. В японской педагогической практике термин не прижился, но феномен выражается через понятие «отношения». Очевидно, что речь идёт о ситуации, когда существует некое явление, ещё не чётко осознанное наукой, а потому не получившее специального, более точного языкового обозначения. Взаимодействие – это основа организации обучения и воспитания, поэтому и школа СССР, и отечественная дореволюционная школа, и образовательные учреждения древней и современной Японии функционировали на основе элемен-

тов взаимодействия. Они ещё не могли (не могут) в силу объективных культурологических причин быть поняты как инструмент педагогических процессов, не был осмыслен педагогический потенциал взаимодействия сторон в этих процессах, но оно присутствовало, выражаясь, например, в классной, групповой или индивидуальной формах обучения, в типах от подчинения до сотрудничества учителя с учениками, в системе поощрений и наказаний и т. д. Как доказывает Е. В. Коротаяева, даже при жёстком контроле и подавлении со стороны учителя в разные исторические времена педагогическое взаимодействие могло осуществляться на уровне связей между учащимися в учебно-воспитательном процессе [Коротаяева, 2022], поэтому педагогическое взаимодействие объективно существует в практике вне зависимости от того, насколько оно осознано педагогической наукой.

Библиографический список

1. Байбородова Л. В. Взаимодействие педагогов и учащихся в школьном коллективе. Ярославль : ЯГПИ, 1991. 111 с.
2. Кайдзука С. Учебник педагогики. 12 глав размышлений о педагогике / Кайдзука С., Ямада К. Токио : Бунка Сёбун Хакубунся, 2008. 183 с.
3. Кан-Калик В. А. Основы профессионально-педагогического общения. Грозный : Чеч.-Инг. ун-т, 1979. 139 с.
4. Коломинский Я. Л. Изучение педагогического взаимодействия (между учителем и учеником) // Советская педагогика. 1991. №10. С. 36-42.
5. Коротаяева, Е. В. Педагогическое взаимодействие. Москва : Юрайт, 2022. 223 с.
6. Коротаяева Е. В. Педагогическое взаимодействие: становление дефиниции // Педагогическое образование в России. 2007. №1. С. 73-83.
7. Кузьмин Е. С. Уровни межличностной компетентности в педагогическом взаимодействии // Вестник ЛГУ. 1984. № 23. С. 68-73.
8. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. Москва : Знание, 1979. 47 с.

9. Лийметс Х. И. О месте категории «взаимодействие» в педагогике // *Взаимодействие коллектива и личности в коммунистическом воспитании: сб. науч. тр.*. Таллин: изд. ТПИ, 1979. С. 19-23.
10. Масаки С. Герменевтика педагогических отношений. Токио: Госиндо, 2019. 288 с. (на японском языке)
11. Мацуура Р. От теории образовательных отношений к теории «обучения» // *Forum on modern education*. 2002. № 11. С. 109-121.
12. Методика исследования взаимодействия школы, семьи и общественности в воспитании учащихся. Москва : Центр. совет, 1976. 73 с.
13. Мияно Я. Исследование отношений в сфере образования. Хиросима : Кэйсуиша, 1996. 239 с. (на японском языке)
14. Общение как педагогическая проблема / под ред. А. В. Мудрика. Москва : АПН СССР, 1974. 95 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва : Рус. яз., 1983.
16. Педагогика / под ред. Ю. К. Бабанского. Москва : Просвещение, 1988.
17. Психолого-педагогические проблемы взаимодействия группы и личности школьника / сост. В. М. Галузинский. Киев : Рад. школа, 1975. 294 с.
18. Радионова Н. Ф. Взаимодействие педагогов и старших школьников: Технология и творчество. Ленинград : ЛГПИ, 1989. 84 с.
19. Сквирский В. Я. О роли педагогического взаимодействия // *Вестник высшей школы*. 1987. № 6. С. 29–33.
20. Такахаси М. Текущее состояние теории образования: развитие человека, расшифрованное через «отношения» / М. Такахаси, Т. Хиросе. Токио : Кавасимасё Тэн, 2004. 232 с.
21. Учида Т. Нисходящая ориентация. Дети, которые не учатся. Молодые люди, которые не работают. Токио : Коданша Бунко, 2009. 280 с.
22. Учида Т. Превосходный учитель. Токио : Тикума-сёбо, 2005. 175 с.
23. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. Москва : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
24. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичёв. Москва : Советская энциклопедия. Гл. 1983. 839 с.
25. Хозе С. Учитель и ученик: проблемы взаимодействия / Хозе С., Ямбург Е. // *Народное образование*. 1985. №12. С. 41-54.
26. Kron F.W. Vom pädagogischen Bezug zur pädagogischen Interaktion // *Pädagogische Rundschau*. 1986. H. 40. S. 545-558.
27. Nohl H. Die pädagogische Bewegung in Deutschland und ihre Theorie. Frankfurt: Vittorio Klostermann, 2002. 300 s.
28. Schulze T. „Der Sinn des Lebens liegt im Leben selbst...“. Ein neugieriger Rückblick auf die geisteswissenschaftliche Pädagogik zum 100. Geburtstag von Herman Nohl // *Neue Sammlung*. 1979. H. 19. S. 542-564.

Reference list

1. Bajborodova L. V. Vzaimodejstvie pedagogov i uchashhihsja v shkol'nom kollektive = Interaction between teachers and students in the school team Jaroslavl' : JaGPI, 1991. 111 s.

2. Kajdzuka S. Uchebnik pedagogiki. 12 glav razmyshlenij o pedagogike = Textbook on pedagogy. 12 chapters of reflection on pedagogy / Kajdzuka S., Jamada K. Tokio : Bunka Sjobun Hakubunsha, 2008. 183 s.
3. Kan-Kalik V. A. Osnovy professional'no-pedagogicheskogo obshhenija = Fundamentals of professional and pedagogical communication. Groznyj : Chech.-Ing. un-t, 1979. 139 s.
4. Kolominskij Ja. L. Izuchenie pedagogicheskogo vzaimodejstvija (mezhdou uchitelem i uchenikom) = Study of pedagogical interaction (between teacher and student)// Sovetskaja pedagogika. 1991. №10. S. 36-42.
5. Korotaeva, E. V. Pedagogicheskoe vzaimodejstvie = Pedagogical interaction Moskva : Jurajt, 2022. 223 s.
6. Korotaeva E. V. Pedagogicheskoe vzaimodejstvie: stanovlenie definicii = Pedagogical interaction: development of definition // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2007. №1. S. 73-83.
7. Kuz'min E. S. Urovni mezhlichnostnoj kompetentnosti v pedagogicheskom vzaimodejstvii = Levels of interpersonal competence in pedagogical interaction // Vestnik LGU. 1984. № 23. S. 68-73.
8. Leont'ev A. A. Pedagogicheskoe obshhenie = Pedagogical communication. Moskva : Znanie, 1979. 47 s.
9. Lijmets H. I. O meste kategorii «vzaimodejstvie» v pedagogike = About the place of the category “interaction” in pedagogy // Vzaimodejstvie kollektiva i lichnosti v kommunisticheskom vospitanii: sb. nauch. tr. Tallin : izd. TPI, 1979. S. 19-23.
10. Masaki S. Germenevtika pedagogicheskikh otnoshenij = Hermeneutics of pedagogical relations Tokio : Tosindo, 2019. 288 s.
11. Macuura R. Ot teorii obrazovatel'nyh otnoshenij k teorii «obuchenija» = From the theory of educational relations to the theory of "learning" // Forum on modern education. 2002. № 11. S. 109-121.
12. Metodika issledovaniija vzaimodejstvija shkoly, sem'i i obshhestvennosti v vospitanii uchashhihsja = A methodology for researching the interaction of school, family and public in the education of students. Moskva : Centr. sovet, 1976. 73 s.
13. Mijano Ja. Issledovanie otnoshenij v sfere obrazovaniija = Research of the relations in education. Hirosima : Kjejsuisha, 1996. 239 s.
14. Obshhenie kak pedagogicheskaja problema = Communication as a pedagogical problem / pod red. A. V. Mudrika. Moskva: APN SSSR, 1974. 95 s.
15. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language Moskva : Rus. jaz., 1983.
16. Pedagogika = Pedagogics / pod red. Ju. K. Babanskogo. Moskva : Prosveshhenie, 1988.
17. Psihologo-pedagogicheskie problemy vzaimodejstvija gruppy i lichnosti skol'nika Psychological and pedagogical problems of interaction between the group and the personality of the student / sost. V. M. Galuzinskij. Kiev: Rad. shkola, 1975. 294 s.
18. Radionova N. F. Vzaimodejstvie pedagogov i starshih skol'nikov: Tehnologija i tvorchestvo = Interaction between teachers and high school students: Technology and creativity Leningrad : LGPI, 1989. 84 s.
19. Skvirskij V. Ja. O roli pedagogicheskogo vzaimodejstvija = On the role of pedagogical interaction // Vestnik vysshej shkoly. 1987. № 6. S. 29–33.

20. Takahasi M. Tekushhee sostojanie teorii obrazovanija: razvitie cheloveka, rasshifrovannoe cherez «otnoshenija» = Current state of education theory: human development deciphered through "relationships" / M. Takahasi, T. Hirose. Tokio : Kavasimasjo Tjen, 2004. 232 s.
21. Uchida T. Nishodjashhaja orientacija. Deti, kotorye ne uchatsja. Molodye ljudi, kotorye ne rabotajut = Downward orientation. Children who are not learning. Young people who are not working. Tokio : Kodansha Bunko, 2009. 280 s.
22. Uchida T. Prevoshodnyj uchitel' = Excellent teacher. Tokio : Tikuma-sjobo, 2005. 175 s.
23. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja redakcija = Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition Moskva : Dom Slavjanskoj kn., 2008. 959 s.
24. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' = Philosophical Encyclopedic Dictionary / Red. L. F. Il'ichjov. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija. Gl. 1983. 839 s.
25. Hoze S. Uchitel' i uchenik: problemy vzaimodejstvija = Teacher and student: interaction issues / Hoze S., Jamburg E. // Narodnoe obrazovanie. 1985. №12. S. 41-54.
26. Kron F.W. Vom pädagogischen Bezug zur pädagogischen Interaktion // Pädagogische Rundschau. 1986. N. 40. S. 545-558.
27. Nohl H. Die pädagogische Bewegung in Deutschland und ihre Theorie. Frankfurt: Vittorio Klostermann, 2002. 300 s.
28. Schulze T. „Der Sinn des Lebens liegt im Leben selbst...". Ein neugieriger Rückblick auf die geisteswissenschaftliche Pädagogik zum 100. Geburtstag von Herman Nohl // Neue Sammlung. 1979. N. 19. S. 542-564.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 14.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 18.12.2023; approved after reviewing 14.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья
УДК 371.311.5
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-183
EDN: ZXCDAD

**Формирование готовности старшеклассников к самовоспитанию
в образовательной среде физкультурно-спортивной направленности**

Алексей Викторович Барцайкин

Аспирант кафедры педагогики, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
bartsay89@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2860-8152>

Аннотация. Современное общество динамично развивается, накладывая особые требования на подрастающее поколение. В настоящее время молодым людям нужно обладать не только необходимыми знаниями, навыками и умениями, но и высокими духовными и нравственными качествами. Неотъемлемым условием успешного обучения при формировании этих способностей является готовность к самовоспитанию. Самовоспитание представляет собой важную и трудоемкую работу, включающую в себя различные аспекты самосовершенствования в соответствии с поставленными целями. Особое значение готовность к самовоспитанию приобретает для старшеклассников. Именно в этот период формирования личности становятся актуальными самостоятельность в принимаемых решениях, личностное развитие, а также способность к самоанализу и оценке собственных характеристик. Основой данной деятельности обучающихся старших классов может стать процесс формирования готовности к самовоспитанию. В этой связи становится актуальной и своевременной задача поиска необходимых педагогических условий и разработки организационно-методического обеспечения подготовки старшеклассников, которые бы смогли способствовать формированию у них готовности к процессу самовоспитания. В статье рассматривается образовательная среда физкультурно-спортивной направленности как одно из педагогических условий формирования готовности к самовоспитанию старшеклассников. Автором статьи показаны различные подходы к трактовке содержания понятия «образовательная среда», дано определение образовательной среды физкультурно-спортивной направленности, выделены ее структурные компоненты, а также описана образовательная среда физкультурно-спортивной направленности, сформированная на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», выявлен ее потенциал в развитии необходимых компетенций для успешной готовности к самовоспитанию обучающихся старших классов.

© Барцайкин А. В., 2024

Ключевые слова: самовоспитание; готовность к самовоспитанию; старшеклассники; образовательная среда; потенциал; физкультурно-спортивная направленность; педагогическое условие

Для цитирования: Барцайкин А. В. Формирование готовности старшеклассников к самовоспитанию в образовательной среде физкультурно-спортивной направленности // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 183-193. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-183>. <https://elibrary.ru/ZXCDAD>.

Original article

Formation of readiness of high school students for self-education in an educational environment of physical culture and sports orientation

Aleksey V. Bartsaykin

Post-graduate student at department of pedagogy, Mordovian state pedagogical university named after M. E. Evseviev, Saransk
bartsay89@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2860-8152>

Abstract. Modern society is dynamically developing, imposing special requirements on the younger generation. At present, young people should have not only the necessary knowledge, skills, but also high spiritual and moral qualities. An integral condition for successful training in formation of these abilities is readiness for self-education. Self-education is important and time-consuming work that includes various aspects of self-improvement in accordance with the goals set. Readiness for self-education is of particular importance for high school students. It is during this period of personality formation that independence in decisions made, personal development, as well as the ability to introspect and assess one's own characteristics become relevant. The basis of this activity of high school students may be the process of forming readiness for self-education. In this regard, the task of finding the necessary pedagogical conditions and development of organizational and methodological support for the training of high school students who could contribute to the formation of their readiness for the process of self-education becomes urgent and timely. The article considers the educational environment of physical culture and sports orientation as one of the pedagogical conditions to form high school student's readiness for self-education. The author of the article shows various approaches to interpreting the content of the concept of "educational environment", defines the educational environment of physical culture and sports orientation, highlights its structural components, and also describes the educational environment of physical culture and sports orientation, formed on the basis of Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, its potential was identified in the development of the necessary competencies for high school students' successful readiness for self-education.

Keywords: self-education; readiness for self-education; high school students; educational environment; potential; physical education and sports focus; pedagogical condition

For citation: Bartsaykin A. V. Formation of readiness of high school students for self-education in an educational environment of physical culture and sports orientation.

Введение

На сегодняшний день актуальной является проблема формирования готовности к самовоспитанию обучающихся, поскольку современное развивающееся общество предъявляет особые требования к моральным и этическим качествам подрастающего поколения, а также их знаниям, способностям и возможностям. Ключевую роль в формировании личности и ее успешном развитии играет процесс самовоспитания. Особенную значимость самовоспитание приобретает для старшеклассников. В этот период формирования индивида становятся значимыми независимость в принимаемых решениях, самостоятельность в действиях, а также способность к самоанализу и оценке своих характеристик и качеств. В свою очередь сформированность готовности к самовоспитанию является одним из показателей развития подрастающего поколения, возможностью для личностного роста, нравственного воспитания и успешного обучения [Барцайкин, 2023].

Методология

и методы исследования

Методологической основой исследования стал средовой подход к воспитанию, рассматривающий воспитание не только как результат взаимодействия между воспитателем и воспитанником, но и как ре-

зультат комплексного воздействия среды, в которой происходит воспитание. Основными положениями данного подхода являются: учёт средовых влияний на процесс и результаты воспитания; взаимодействие и взаимовлияние среды и воспитываемых субъектов; культурная среда также оказывает влияние на процесс воспитания и результаты.

Методами исследования выступают теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, аналитический обзор, синтез научных источников, сравнение, обобщение, наблюдение.

Результаты исследования

Современная образовательная политика Российской Федерации ориентирована на воспитание свободной личности, формирование в человеке способности быть автором собственной жизни, ответственным за свои мысли, поступки, действия, планы и устремления. Обозначенный целевой ориентир нашел отражение в образовательной практике, направленной на создание условий для формирования саморазвивающейся личности [Иванова, 2021].

Анализ научной литературы (Е. К. Аль-Янаи [Аль-Янаи, 2020], А. Н. Баранов [Баранов, 2014], О. Г. Груздова [Груздова, 2020], И. Н. Мищенко [Мищенко, 2019], О. В. Солдатова [Солдатова, 2022],

И. В. Сорокина [Сорокина, 2004], В. А. Ясвин [Ясвин, 2020]) и образовательной практики показывает, что самовоспитание гармоничной личности недостижимо без предусмотрительно разработанной образовательной среды, содействующей высокому уровню самостоятельности, саморазвитию, а также мотивации интереса обучающихся к изучению себя. Разделяем позицию И. В. Сорокиной, которая утверждает, что направленность процесса самовоспитания, его качественный уровень зависит от образовательной среды, в которой находится ребенок [Сорокина, 2004].

Как показывает изучение научных источников, понятие «образовательная среда» исследовалось различными авторами (Н. Б. Крылова [Крылова, 2000], В. Е. Мальгин [Мальгин, 2014], Н. А. Спичко [Спичко, 2004], Ж. В. Чайкина [Чайкина, 2020] и др.), в работах которых даются его различные определения. Так, Н. Б. Крылова под образовательной средой понимает часть социокультурного пространства, где взаимодействуют различные образовательные процессы и их составляющие [Крылова, 2000]. По мнению Н. А. Спичко, образовательная среда – это совокупность психологического, социального и пространственно-предметного факторов, куда входят также материальный фактор и межличностные отношения [Спичко, 2004]. В. Е. Мальгин в своей работе считает, что образова-

тельную среду учреждения дополнительного образования детей составляют три основные сферы, в которых происходит процесс развития и самореализации личности: сферу деятельности, сферу общения и сферу самопознания [Мальгин, 2014]. Ж. В. Чайкина отмечает, что образовательная среда является важной составляющей в жизни растущего человека и она представляет собой основу для его становления и личностного роста [Чайкина, 2020].

Особую роль для нашего исследования играет образовательная среда физкультурно-спортивной направленности, которая в силу своей структуры и особенностей организации обладает мощным потенциалом в формировании готовности к самовоспитанию старшеклассников, что также подчеркивают различные авторы (А. М. Абаев [Абаев, 2017], А. В. Джавахов [Джавахов, 2017], О. Н. Костюкова [Костюкова, 2023], Г. В. Лавцевич [Лавцевич, 2022], И. В. Манжелей [Манжелей, 2020], Г. В. Патрикеев [Патрикеев, 2012], А. Д. Федосеева [Федосеева, 2023]) и др. Соглашаемся с точкой зрения Г. В. Патрикеева, который считает, что образовательная среда физкультурно-спортивной направленности предполагает предоставление обучаемому альтернативных возможностей самоопределения в мире задач, элементы которых присутствуют многим социокультурным средам [Патрикеев, 2012].

Опираясь на формулировку понятия «образовательная среда», на ее структурные составляющие, а также исходя из целей нашего исследования, образовательная среда физкультурно-спортивной направленности рассматривается нами как совокупность пространственно-предметной, социально-коммуникативной и содержательной составных частей, которые включают физкультурно-спортивные условия, предоставляющие возможности для самовоспитания, самореализации и самоопределения старшеклассников в рамках дополнительного образования.

С целью формирования готовности самовоспитания старшеклассников в рамках нашего исследования предполагается их вовлечение в образовательную среду физкультурно-спортивной направленности, сформированную на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева» (МГПУ им. М. Е. Евсевьева). Используя исследование И. В. Манжелей [Манжелей, 2020], которая выделяет основные субъекты и компоненты образовательной среды физкультурно-спортивной направленности, нами выделены следующие составные части образовательной среды: пространственно-предметная (спортивный клуб, спортивные площадки по различным видам спорта, бассейн, аудитории и др.), социально-коммуникативная (дискуссионные площадки, экскурсии), содержательная (мастер-классы,

учебно-методические семинары, физкультурно-спортивные мероприятия).

Рассмотрим основные составные части данной образовательной среды физкультурно-спортивной направленности.

Пространственно-предметная составная часть образовательной среды физкультурно-спортивной направленности представлена следующими объектами:

- студенческий спортивный клуб МГПУ им. М. Е. Евсевьева, находящийся в центре данной образовательной среды, который активно популяризирует здоровый образ жизни, проводит мероприятия и соревнования для школьников, а также имеет особый потенциал для привлечения старшеклассников к этой физкультурно-спортивной образовательной среде и приобретения ими необходимых знаний и навыков в области успешного самовоспитания;

- спортивные залы и тематические аудитории факультета физической культуры МГПУ им. М. Е. Евсевьева;

- «Аллея спортивной славы» факультета физической культуры МГПУ им. М. Е. Евсевьева (стендовая экспозиция с выдающимися спортсменами, тренерами и спортивными деятелями, коллекция завоеванных кубков и вымпелов);

- центр тестирования ГТО;

- центр здоровья;

- спортивно-оздоровительный комплекс «Олимпийский» (футбольное поле, легкоатлетический

стадион, баскетбольная и волейбольная площадки, хоккейный и теннисный корты, скалодром, площадка для пожарно-прикладного спорта, комплекс уличных тренажеров и другие объекты) [Федотова, Якимова, Акамов, 2022];

– бассейн.

Социально-коммуникативная составная часть образовательной среды физкультурно-спортивной направленности, предполагающая вовлечение в нее обучающихся, будет представлена рядом форм, таких как встречи, социальные взаимодействия, обмен знаниями между старшеклассниками и выдающимися спортсменами, педагогами, инструкторами, студентами, выпускниками вуза.

На дискуссионной площадке «Через тернии к звездам» известные спортсмены и выпускники университета выступают в качестве спикеров. Положительные примеры выдающихся спортсменов могут стать для старшеклассников образцом для подражания, оказать большое влияние на них, а также стимулировать их на самовоспитание, которое является основой достижения высоких спортивных результатов и развития личности.

Экскурсии на спортивные объекты университета помогают старшеклассникам наглядно ознакомиться с образовательной физкультурно-спортивной средой, увидеть ее пространственно-предметную составляющую часть и познакомиться с ее субъектами – педагога-

ми, инструкторами, студентами. Экскурсия будет способствовать расширению кругозора обучающихся, развитию их познавательного интереса, что в дальнейшем послужит мотивом и средством их самовоспитания.

Содержательная составная часть образовательной среды физкультурно-спортивной направленности включает в себя методы, способы организации субъектов в данном образовательном процессе и будет представлена через различные мастер-классы, учебно-методические семинары, а также физкультурно-спортивные мероприятия:

– мастер-классы: «Азы футбола» (мастер-класс по футболу), «Сила удара» (мастер-класс по боксу), «Сила в теле» (мастер-класс по пауэрлифтингу), «Скороход» (мастер-класс по спортивной ходьбе), проводимые студентами педагогического университета и инструкторами студенческого спортивного клуба МГПУ им. М. Е. Евсевьева, на наглядном примере продемонстрирует старшеклассникам, как различные виды спорта помогают проявить свои лучшие качества и способности через преодоление себя и достижение результатов, а также покажет, как спорт влияет на человека, мотивируя его к саморазвитию и самосовершенствованию, что является основой самовоспитания;

– реализация учебно-методических семинаров по подготовке старшеклассников к участию во Всероссийских легкоатлетических

соревнованиях «Шиповка юных», а также в Фестивале Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», проводимых преподавателями университета, позволит старшеклассникам успешно включиться в образовательную физкультурно-спортивную среду, а также поможет обучающимся развивать дисциплину, устанавливать приоритеты и выделять качества, необходимые для достижения высоких результатов, что будет являться важной частью их готовности к процессу самовоспитания [Барцайкин, 2023];

– мероприятие физкультурно-спортивной направленности для старшеклассников «День здоровья» поможет им продемонстрировать свои навыки, приобретенные в процессе их вовлечения в образовательную среду физкультурно-спортивной направленности МГПУ им. М. Е. Евсевьева, и показать, чему они научились. Данное мероприятие будет способствовать осознанию старшеклассниками своих достижений и постановке новых целей для дальнейшего развития и самовоспитания.

Заключение

Таким образом, образовательная среда физкультурно-спортивной направленности МГПУ им. М. Е. Евсевьева является важным педагогическим условием формирования готовности к самовоспитанию старшеклассников. Педагогический потенциал образовательной среды физкультурно-спортивной направленности университета определяется ее основными составными частями: пространственно-предметной, социально-коммуникативной и содержательной. Включение в данную образовательную среду способно помочь старшеклассникам в процессе формирования готовности к самовоспитанию через ряд объектов, форм и мероприятий, помогающих в овладении обучающимися алгоритмами, методами по самостоятельной работе над своим воспитанием, использованием их в своей деятельности, способствующей выработке необходимых навыков и умений в области эффективной работы над собой.

Библиографический список

1. Абаев А. М. Организация физкультурно-спортивной образовательной среды для обучающихся учреждений системы среднего профессионального образования / А. М. Абаев, В. С. Максеева, В. Н. Пушкина // Среднее профессиональное образование. 2017. № 9. С. 40-44.
2. Аль-Янаи Е. К. Лицейская образовательная среда как педагогическое условие формирования личности старшеклассника с позиций аксиологии // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 5. С. 575-581.
3. Баранов А. Н. Педагогическое обеспечение интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов технического вуза // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 4. С. 198-201.
4. Барцайкин А. В. Воспитательное мероприятие физкультурно-спортивной направленности как условие формирования готовности к самовоспитанию

старшеклассников // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № S2-1(45). С. 133-135.

5. Барцайкин А. В. Формирование готовности к самовоспитанию обучающихся в дополнительном образовании: постановка проблемы / А. В. Барцайкин, Т. И. Шукшина // Глобальный научный потенциал. 2023. № 1(142). С. 14-18.

6. Груздова О. Г. Самовоспитание детей младшего школьного возраста в условиях гуманно-личностной образовательной среды / О. Г. Груздова, Н. Е. Щербакова, Х. Ж. Хайрова // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 4. С. 16.

7. Иванова И. В. Технология педагогического сопровождения саморазвития подростков в дополнительном образовании // Социально-политические исследования. 2021. № 3(12). С. 100-115.

8. Костюкова О. Н. Образовательная среда физкультурно-спортивного вуза: качество функционирования и перспективы развития / О. Н. Костюкова, В. В. Костюков, Н. В. Тютюнникова // Актуальные вопросы дополнительного профессионального образования в сфере физической культуры и спорта: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 ноября 2023 года. Краснодар : Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2023. С. 116-120.

9. Крылова Н. Б. Культурология образования. Москва : Народное образование, 2000. 272 с.

10. Лавцевич Г. В. Основы реализации идей фасилитации и педагогической поддержки в спортивно-образовательной среде / Г. В. Лавцевич, А. В. Ащеулова, Н. В. Логачева // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2022. Том 9 : Сборник трудов V Международного научно-технического форума. В 10-ти томах, Рязань, 02–04 марта 2022 года. Рязань : Рязанский государственный радиотехнический университет, 2022. С. 215-217.

11. Мальгин В. Е. Образовательная среда учреждения дополнительного образования детей в условиях закрытого административно-территориального образования // Молодой ученый. 2014. № 2(61). С. 787-789.

12. Манжелей И. В. Методология актуализации воспитательного потенциала спортивной среды образовательных организаций // Интеграция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в сфере физической культуры и спорта : Материалы научного симпозиума, посвященного 95-летию журнала «ТиПФК», Москва, 04 декабря 2020 года. Москва : Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, 2020. С. 78-84.

13. Мищенко И. Н. Проектирование образовательной среды как условие воспитания творческой личности / И. Н. Мищенко, Н. П. Котляр // Человеческий капитал. 2019. № 10(130). С. 54-61.

14. Патрикеев Г. В. Воспитывающая физкультурно-спортивная среда / Г. В. Патрикеев, П. К. Дуркин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 138-142.

15. Солдатова О. В. Генезис сущностных характеристик феномена «образовательная среда» в педагогическом знании // Збірник наукових прац Академії паслядипломної адукації. 2022. № 20. С. 425-437.

16. Сорокина И. В. Педагогические основы формирования готовности младших школьников к самовоспитанию // Педагогические исследования в образовании. Самара : Универс-групп, 2004. С. 62-70.

17. Спичко Н. А. Образовательная среда в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 5. С. 44-48.

18. Факультет физической культуры Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева как центр подготовки педагогических кадров для сферы физической культуры и спорта / Г. Г. Федотова, Е. А. Якимова, В. В. Акамов [и др.] // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 1(49). С. 105-116.

19. Федосеева А. Д. Физкультурно-спортивная среда вуза: сущность понятия // Обществознание и социальная психология. 2023. № 1-3(45). С. 60-66.

20. Физкультурно-спортивная среда образовательного учреждения / А. В. Джавахов, М. С. Малашенко, Д. Г. Гладких [и др.] // Актуальные вопросы права и правоприменения : электронный сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, 2017. С. 231-239.

21. Чайкина Ж. В. Организация эффективной образовательной среды учреждения дополнительного образования / Ж. В. Чайкина, Н. Ю. Дорогина, М. В. Мухина [и др.] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 1(43). С. 228-235.

22. Ясвин В. А. Технология средового проектирования в образовании // Социально-политические исследования. 2020. № 1(6). С. 74-93.

Reference list

1. Abaev A. M. Organizacija fizkul'turno-sportivnoj obrazovatel'noj sredy dlja obuchajushhihsja uchrezhdenij sistemy srednego professional'nogo obrazovanija = Organization of physical culture and sports educational environment for students of the secondary vocational education system / A. M. Abaev, V. S. Makeeva, V. N. Pushkina // Srednee professional'noe obrazovanie. 2017. № 9. S. 40-44.

2. Al'-Janai E. K. Licejskaja obrazovatel'naja sreda kak pedagogicheskoe uslovie formirovanija lichnosti starsheklassnika s pozicij aksiologii = Lyceum educational environment as a pedagogical condition for the formation of the personality of a high school student from the standpoint of axiology // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Т. 5, № 5. S. 575-581.

3. Baranov A. N. Pedagogicheskoe obespechenie integracii processov vospitanija i samovospitanija studentov tehničeskogo vuza = Pedagogical support for the integration of the processes of education and self-education of students in technical university // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Т. 20, № 4. S. 198-201.

4. Barcajkin A. V. Vospitatel'noe meroprijatie fizkul'turno-sportivnoj napravlenosti kak uslovie formirovanija gotovnosti k samovospitaniju starsheklassnikov = Educational event of physical culture and sports orientation as a condition to form readiness for self-education of high school students // Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2023. № S2-1(45). S. 133-135.

5. Barcajkin A. V. Formirovanie gotovnosti k samovospitaniju obuchajushhihsja v dopolnitel'nom obrazovanii: postanovka problemy = Formation of readiness for self-education of students in additional education: problem setting / A. V. Barcajkin, T. I. Shukshina // Global'nyj nauchnyj potencial. 2023. № 1(142). S. 14-18.

6. Gruzdova O. G. Samovospitanie detej mladshogo shkol'nogo vozrasta v uslovijah gumanno-lichnostnoj obrazovatel'noj sredy = Self-education of primary school students in humane and personal educational environment / O. G. Gruzdova, N. E. Shherbakova, H. Zh. Hajrova // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2020. T. 8, № 4. S. 16.

7. Ivanova I. V. Tehnologija pedagogicheskogo soprovozhdenija samorazvitija podrostkov v dopolnitel'nom obrazovanii = Technology of pedagogical support for the self-development of adolescents in additional education // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2021. № 3(12). S. 100-115.

8. Kostjukova O. N. Obrazovatel'naja sreda fizkul'turno-sportivnogo vuza: kachestvo funkcionirovanija i perspektivy razvitija = Educational environment of physical education and sports university: quality of functioning and development prospects / O. N. Kostjukova, V. V. Kostjukov, N. V. Tjutjunnikova // Aktual'nye voprosy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija v sfere fizicheskoj kul'tury i sporta: Materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 15 nojabrja 2023 goda. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet fizicheskoj kul'tury, sporta i turizma, 2023. S. 116-120.

9. Krylova N. B. Kul'turologija obrazovanija = Culturology of education. Moskva : Narodnoe obrazovanie, 2000. 272 s.

10. Lavcevich G. V. Osnovy realizacii idej fasilitacii i pedagogicheskogo podderzhki v sportivno-obrazovatel'noj srede = Basics for implementing ideas of facilitation and pedagogical support in the sports and educational environment / G. V. Lavcevich, A. V. Ashheulova, N. V. Logacheva // Sovremennye tehnologii v nauke i obrazovanii – STNO-2022. Tom 9 : Sbornik trudov V Mezhdunarodnogo nauchno-tehnicheskogo foruma. V 10-ti tomah, Rjazan', 02–04 marta 2022 goda. Rjazan' : Rjazanskij gosudarstvennyj radiotekhnicheskij universitet, 2022. S. 215-217.

11. Mal'gin V. E. Obrazovatel'naja sreda uchrezhdenija dopolnitel'nogo obrazovanija detej v uslovijah zakrytogo administrativno-territorial'nogo obrazovanija = Educational environment of the institution of additional education of children in the conditions of closed administrative-territorial education // Molodoj uchenyj. 2014. № 2(61). S. 787-789.

12. Manzhelej I. V. Metodologija aktualizacii vospitatel'nogo potencijala sportivnoj sredy obrazovatel'nyh organizacij = Methodology for updating the educational potential of the sports environment of educational organizations // Integracija estestvennonauchnogo i social'no-gumanitarnogo znanija v sfere fizicheskoj kul'tury i sporta : Materialy nauchnogo simpoziuma, posvjashhennogo 95-letiju zhurnala «TiPFK», Moskva, 04 dekabrja 2020 goda. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj universitet fizicheskoj kul'tury, sporta, molodjozhi i turizma, 2020. S. 78-84.

13. Mishhenko I. N. Proektirovanie obrazovatel'noj sredy kak uslovie vospitanija tvorcheskoj lichnosti = Designing an educational environment as a condition for the upbringing of a creative person / I. N. Mishhenko, N. P. Kotljarskij // Chelovecheskij kapital. 2019. № 10(130). S. 54-61.

14. Patrikeev G. V. Vospityvajushhaja fizkul'turno-sportivnaja sreda = Nurturing physical culture and sports environment / G. V. Patrikeev, P. K. Durkin // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 6. S. 138-142.

15. Soldatova O. V. Genezis sushhnostnyh harakteristik fenomena «obrazovatel'naja sreda» v pedagogicheskom znanii = Genesis of essential characteristics of the phenomenon

“educational environment” in pedagogical knowledge // Zbornik navukovyh prac Akademii pasljadyplomnaj adukacyi. 2022. № 20. S. 425-437.

16. Sorokina I. V. Pedagogicheskie osnovy formirovanija gotovnosti mladshih shkol'nikov k samovospitaniju = Pedagogical foundations to form readiness of younger school students for self-education // Pedagogicheskie issledovanija v obrazovanii. Samara : Univers-grupp, 2004. S. 62-70.

17. Spichko N. A. Obrazovatel'naja sreda v obuchenii inostrannym jazykam = Educational environment in teaching foreign languages // Inostrannye jazyki v shkole. 2004. № 5. S. 44-48.

18. Fakul'tet fizicheskoj kul'tury Mordovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni M. E. Evsev'eva kak centr podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlja sfery fizicheskoj kul'tury i sporta = Faculty of Physical Culture of Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev as a center for training teachers for the field of physical culture and sports / G. G. Fedotova, E. A. Jakimova, V. V. Akamov [i dr.] // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2022. T. 13, № 1(49). S. 105-116.

19. Fedoseeva A. D. Fizkul'turno-sportivnaja sreda vuza: sushhnost' ponjatie = Physical culture and sports environment of the university: essence concept // Obshhestvoznanie i social'naja psihologija. 2023. № 1-3(45). S. 60-66.

20. Fizkul'turno-sportivnaja sreda obrazovatel'nogo uchrezhdenija = Physical culture and sports environment of educational institution / A. V. Dzhavahov, M. S. Malashenko, D. G. Gladkih [i dr.] // Aktual'nye voprosy prava i pravoprimerenija : jelektronnyj sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2017. S. 231-239.

21. Chajkina Zh. V. Organizacija jeffektivnoj obrazovatel'noj sredy uchrezhdenija dopolnitel'nogo obrazovanija = Organization of effective educational environment in additional education institution // Zh. V. Chajkina, N. Ju. Dorogina, M. V. Muhina [i dr.] // Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitija i sovershenstvovanija. 2020. № 1(43). S. 228-235.

22. Jasvin V. A. Tehnologija sredovogo proektirovanija v obrazovanii = Environmental engineering technology in education // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. № 1(6). S. 74-93.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted on 21.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication on 01.02.2024

ПРАВИЛА ПРИЁМА РЕДАКЦИЕЙ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА РУКОПИСИ СТАТЬИ К РАССМОТРЕНИЮ О ПУБЛИКАЦИИ

Направляемая в редакцию статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее в других изданиях и не отправленной на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий, опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати), и материалы автора такой статьи не будут более приниматься к публикации в научных журналах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Объем научной статьи одного автора должен быть не менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи двух-трех авторов должен быть не менее 40 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи, написанной более чем тремя соавторами, должен быть не менее 50 000 знаков с пробелами и не превышать 70 000 знаков с пробелами.

Особые случаи объема и количества соавторов статьи, написанной на основе эксперимента, решаются главным редактором журнала.

Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Статья в журнал проходит двойное слепое рецензирование и получает рекомендацию одного члена редакционной коллегии, одного внешнего рецензента и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на дополнительную независимую экспертизу.

При наличии замечаний, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензентов.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентами, может быть опубликована в течение года.

Статья проверяется редактором журнала на оригинальность в системе Антиплагиат (оригинальность текста должна быть не ниже 80%).

Автор самостоятельно или в соавторстве может быть опубликован в журнале в течение календарного года единожды. Особые случаи повторной публикации решаются главным редактором журнала.

Научные статьи принимаются редакцией в электронном виде на почту редакции журнала ksusha-01.08@mail.ru в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения редакционного портфеля. Все особые случаи очередности публикации статей решаются главным редактором.

Авторский экземпляр журнала автор получает согласно оформленной подписке.

Аспиранту для публикации статьи необходимо предоставить редактору журнала справку из отдела аспирантуры и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Соискателю ученой степени для публикации статьи необходимо предоставить в редакцию журнала справку из отдела кадров организации, к которой прикреплен соискатель, и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Рукопись, рекомендованная рецензентами, принимается к публикации только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах. Форма лицензионного соглашения высылается автору редактором журнала.

Требования к оформлению научной статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc, docx.

Перед текстом статьи необходимо указать

- Индекс УДК.
- Отрасль науки и шифр специальности (по номенклатуре ВАК), по которым написана статья.
- Идентификационный номер автора в ORCID.
- Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и ученое звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.
- Название статьи на русском и английском языках.

Аннотация:

- должна быть написана на русском и английском языках;
- не может быть компиляцией текста статьи;
- должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;
- должна содержать описание хода исследования, наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность и выводы, итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования;
- в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур;
- не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

- в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

- текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

- объём каждой аннотации должен составлять от 180 до 230 слов.

Ключевые слова – не менее 7 и не более 12, разделенных точкой с запятой (на русском и английском языках).

Текст статьи должен быть обязательно разделен на смысловые части.

Обязательные:

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможные:

Актуальность

Постановка проблемы

Обзор литературы

База исследования

Методология исследования

Теоретические основания исследования

Организация исследования

Результаты и их обсуждения

Результаты и дискуссия

Анализ результатов исследования

Выводы

И другие

Постраничные сноски в статье не допускаются!

Примечания отмечаются в тексте цифрами (1, 3 и т. д.) и размещаются после библиографического списка.

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение

значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10).

Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Например: автор, книга, журнал и т. д.).

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.

При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице или их ненадлежащем качестве исполнения редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

В десятичных дробях указывать в виде разделительного знака запятую (0,92), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,5; 0,022).

Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!

Кавычки в тексте – елочки « »), если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.

При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее – только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

После текста статьи обязателен **библиографический список**, оформленный в алфавитном порядке в соответствии с требованиями редакции.

Каждый источник, указанный в библиографическом списке, должен иметь ссылку в тексте.

Библиографический список должен содержать не менее 20 источников, в том числе не менее 50% изданных за последние 5 лет, а также максимально возможное количество источников на иностранном языке (Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим этим условиям).

Ссылки на свои работы – не более 10%.

Во всех источниках должны быть представлены: полностью город и издательство, страницы, год выпуска.

Примеры оформления библиографического списка и ссылок представлены на сайте журнала в специальном разделе.

Если присланные материалы не отвечают перечисленным требованиям, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

RULES FOR SUBMITTING THE MANUSCRIPT OF THE ARTICLE TO EDITORS OF THE SCIENTIFIC JOURNAL FOR PUBLICATION REVIEW

The article sent to the editorial office must be original, not previously published in other publications and not sent for publication to other journals. If a simultaneous submission of the manuscript to several publications is found, the published article will be retracted (withdrawn from print), and materials by the author of the article will no longer be accepted for publication in the scientific journals issued by YSPU named after K. D. Ushinsky.

The size of a scientific article of one author must be at least 20,000 characters with spaces and not exceed 60,000 characters with spaces.

The size of the scientific article of two or three authors should be at least 40,000 characters with spaces and not exceed 60,000 characters with spaces.

The size of the scientific article, written by more than three co-authors, must be at least 50,000 characters with spaces and not exceed 70,000 characters with spaces.

Special cases of the size and number of co-authors of the article written on the basis of the experiment are decided by the editor-in-chief of the journal.

The procedure for specifying the authors and co-authors of the article is agreed by authors.

The journal article is double-blind reviewed and recommended by one member of the editorial board, one external reviewer, and is submitted with reviews to the journal editor to include the article in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to submit the manuscripts of the articles for additional independent examination.

If there are comments, the article will be rejected and the author will be advised to finalize the article in accordance with the comments of reviewers.

An article approved and recommended by reviewers can be published within a year.

The article is checked by the editor of the journal for originality in the Antiplagiate system (the originality of the text must be at least 80%).

The author, alone or in co-authorship, can be published in the journal within a calendar year once. Special cases of re-publication are considered by the editor-in-chief of the journal.

Scientific articles are accepted by the editors in electronic form to the mail of the editorial office of the journal ksusha-01.08@mail.ru throughout the year, published as a live queue as the editorial portfolio is filled. All special cases of the order of publishing articles are considered by the editor-in-chief.

The author receives the author's copy of the journal according to the executed subscription.

To publish the article, the postgraduate student must provide the journal editor with a certificate from the postgraduate department and a review of the supervisor to the article certified by his organization.

The applicant of the scientific degree for publishing the article must provide to the editorial office of the journal a certificate from the HR department of the organization, and a review of the scientific adviser to the article certified by his organization.

A manuscript recommended by reviewers is accepted for publication only if a completed and signed license agreement is received by mail in duplicate. The form of the license agreement is sent to the author by the journal editor.

Requirements for scientific article design

The electronic version of the article is executed in the Microsoft Word text editor and saved with the doc, docx extension.

Before the text of the article, you must specify

- UDC index.

- Branch of science and specialty code (to the nomenclature of the Higher Attestation Commission), according to which the article was written.

- Author ID in ORCID.

- Information about the author: author's full name (including a transliterated form), contact mobile phone, e-mail; degree and academic title, place of work (full official name of the organization) and position, address of the organization with the city code.

- Title of the article in Russian and English.

Abstract:

- must be written in Russian and English;

- cannot be a compilation of the article text;

- shall contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without deepening in detail, describe the progress of the study;

- should contain a description of the study progress, the most significant results of the study, indicating their importance and conclusions, the results that were achieved as a result of the study;

- the abstract should not contain references to literature and special abbreviations;

- the information contained in the title shall not be repeated;

- significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;

- the text shall comply with all standards and rules of the relevant language and shall not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation mistakes;

- the size of each abstract should be 180 to 230 words.

Keywords – not less than 7 and not more than 12, separated by semicolons (in Russian and English).

The text of the article must be necessarily divided into semantic parts.

1. Mandatory:

INTRODUCTION

RESEARCH METHODS

RESULTS OF THE STUDY

CONCLUSION

2. Possible:

Relevance

Setting the problem

Literature review

Study base

Research methodology

Theoretical basis of the study

Organization of the study

Results and discussions of them

Results and discussion

Analysis of study results

Conclusions

And others

Page footnotes are not allowed in the article!

Notes are marked in the text with numbers (1, 3, etc.) and placed after the bibliographic list.

Bibliographic references to the sources used should be indicated in the text in square brackets.

Schemes are made using dashed fill or grayscale; all elements of the diagram (text blocks, arrows, lines) must be grouped. Each figure must have a sequence number, name and explanation of the values of all curves, numbers, letters and other symbols. The electronic version of the picture should be saved in jpg, tiff formats (Grayscale – shades of gray, resolution – at least 300 dpi).

Tables. Each table should be numbered and labeled. Tables must be provided in the Microsoft Word text editor, located in the text of the article in accordance with the logic of presentation. The text of the article should refer to a specific table, for example: (Table 2). The table structure should be clear, each value should be in a separate row (table cell). All columns in the tables should be entitled. Simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed. (In the tables it is possible to use a smaller type size than the main one, but not less than 10.)

Under tables and pictures, you must specify the source from which the picture or table is taken (for example, author, book, journal, etc.).

The revision does not improve the quality of the pictures and does not correct the errors made in the picture. Each picture, table, diagram must have an index number, name and explanation of all symbols.

If errors are detected in the picture, diagram, table or their improper quality, the editors reserve the right to delete the picture and text related to it.

In decimal fractions are written with comma (0,92) as a separation sign, when enumerating,

each of the decimal fractions is separated from the other by a semicolon (0,5; 0,022).

Units are given according to the International System of Units (SI).

In indication of dates the words such as years, century, centuries are not used.

Quotes in the text are like «» if quotes appear inside quotes, then these " " are used.

At the first mention of the author, the initials are given in the text, hereinafter – only the surname. The initials with the surname are separated by hard space.

After the text of the article, a bibliographic list is required, arranged in alphabetical order in accordance with the requirements of the editorial board.

Each source listed in the bibliographic list must have a link in the text.

The bibliographic list should contain at least 20 sources, including at least 50% published over the past 5 years, as well as the maximum possible number of sources in a foreign language (The editorial office will give priority to articles that comply with terms).

References to their work – no more than 10 %.

All sources must contain: the city and publishing house, pages, year of issue.

Examples of the design of the bibliographic list and links are presented on the journal's website in a special section.

If the submitted materials do not meet the listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editors will not consider the article for publication.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2024 – № 1 (22)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 25 п. л., 13,26 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 49. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 11.04.2024

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44